

Grammaticalization and Lexicalization in Slavic Languages

on
November 11-13, 2011

at
 Slavic Research Center
Hokkaido University
4th Floor Room 403

■ This Symposium is financed by
the 2011 Hokkaido University
Presidential Budget
for Project Promotion
"Support for Proposed Research and
Other Projects"

■ Cosponsorship by
Japan Association of Slavists
The Japan society of west slavic studies
Hokkaido University Global COE Program
"Reshaping Japan's Border Studies"
Comparative Research
"Major Reional Powers in Eurasia"(Group 6)

Slavic Research Center and the Commission on the Grammatical Structure of the Slavic
Languages of the International Committee of Slavists

Joint International Symposium

Grammaticalization and Lexicalization in Slavic Languages

Date: November 11-14, 2011

Location: Room 403, Slavic Research Center, Sapporo

— Program —

Friday, November 11

13:00: Registration

14:00-14:20: Opening Remarks

14:20-16:20 General Session 1: Agreement as a Marker of Grammaticalization

Chair: Satoshi HASHIMOTO (Hokkaido Univ.)

1-1: Eleonora SHII-IOVKOVA (Kanda International Univ. of Foreign Studies, Japan)

“Grammaticalization and the Bulgarian *-l* Participle: Semantic-Functional Shift from Tens-Aspect to Modality”

1-2: Jan Ivar BJØRNFLATEN (Univ. of Oslo, Norway)

“Construction-Induced Grammaticalization: Agreement Loss and Decategorialization of Predicative Participles in Old Church Slavic”

1-3: Юкико МАРУЯМА (Токийский университет иностранных языков, Япония)

“Употребление дуальных форм в житийных текстах старорусского периода: грамматические и лексические факторы”

1-4: Рина СУДЗУКИ (Медицинский университет Саппоро, Япония)

“Русские предлоги и предложные единицы”

16:20-16:35: Coffee Break

16:35-18:05 General Session 2: Typological and Contrastive Analysis of Slavic Languages

Chair: Go KOSHINO (SRC)

2-1: Юрико КАНЭКО (Университет Иватэ, Япония)

“Функционирование аспектуальных доминант в повествовательных текстах: на материале русского и японского языков”

2-2: Romuald HUSZCZA (Univ. of Warsaw / Jagiellonian Univ. in Cracow, Poland)

“Grammaticalization of Honorifics in West Slavic Languages”

2-3: Andriy DANYLENKO (Pace Univ., USA)

“Ukrainian in the Language Map of Europe”

18:45: Reception (organized by SRC)

Place: Univeristy Restaurant "**Enreiso**"

Saturday, November 12

Sessions of the Commission on the Grammatical Structure of the Slavic Languages

9:30-9:40: Greeting by Jun-ichi SATO, the Honorary Member of the Organizing Committee

9:40-10:20: Keynote Lecture

Chair: Predrag PIPER (Univ. of Belgrade, Serbia)

Speaker: **Keiko MITANI** (Kyoto Univ., Japan)

“On *МИМО*: a Consideration on Lexicalization in Slavic”

10:20-10:30: Coffee Break

10:30-12:30 Session 1: Morphological Categories and Grammaticalization

Chair: Юрий Д. АПРЕСЯН

(Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН / Институт проблем передачи информации им. А.А. Харкевича РАН, Россия)

1-1: Борис Ю. НОРМАН (Белорусский государственный университет, Беларусь)

“Развитие притяжательных местоимений 3-го лица в славянских языках в свете процессов грамматикализации”

1-2: Розанна БЕНАККЬО (Падуанский университет, Италия)

“Грамматикализация в ситуациях языкового контакта: развитие артикля в резьянском диалекте”

1-3: Предраг ПИПЕР (Белградский университет, Сербия)

“О грамматикализации сербских фемининативов”

1-4: Jens NØRGÅRD-SØRENSEN (Univ. of Copenhagen, Denmark)

“Animacy in Russian – a Sub-Gender?”

12:30-14:00: Lunch

14:00-15:30 Session 2: Interaction between Grammar and Lexicon 1

Chair: Елена В. ПАДУЧЕВА

(Всероссийский институт научной и технической информации РАН, Россия)

2-1: Ljubomir POPOVIĆ (Univ. of Belgrade, Serbia)

“A Case of Interplay of Discourse and Grammar and Discourse and Lexicon: The Use of Onomatopoeic Interjections in Serbo-Croatian and Other Standard Languages of Štokavian Origin”

2-2: Greville G. CORBETT (Univ. of Surrey, UK)

“Lexicalization and Paradigmatic Structure: Key Instances in Slavonic”

2-3: Руселина НИЦОЛОВА

(Софийский университет им. Св. Климента Охридского, Болгария)

“О взаимоотношении между формальными и семантическими изменениями при грамматикализации”

15:30-15:45: Coffee Break

15:45-17:15 Session 3: Interaction between Grammar and Lexicon 2

Chair: Руселина НИЦОЛОВА

(Софийский университет им. Св. Климента Охридского, Болгария)

3-1: Виктор С. ХРАКОВСКИЙ (Институт лингвистических исследований РАН, Россия)

“Статус значений, которые могут выражаться глагольными лексемами и грамматическими морфемами (значения *быть* и *притворяться*)”

3-2: Ханну ТОММОЛА (Университет Тампере, Финляндия)

“О показателях недостоверного (ирреального) сравнения”

3-3: Ольга Ю. БОГУСЛАВСКАЯ

(Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Россия)

“Пределность и неопределенность русских прилагательных”

18:15: Reception (organized by Japanese Association of Slavists)

Place: Japanese Restaurant "**Yutori**"

Sunday, November 13

Sessions of the Commission on the Grammatical Structure of the Slavic Languages

9:40-10:20: Keynote Lecture

Chair: Predrag PIPER (Univ. of Belgrade, Serbia)

Speaker: **Fumiaki HATTORI** (Kyoto Univ., Japan)

“Grammaticalized or Not: Some Examples from the Early Old Russian Past Tenses”

10:20-10:30: Coffee Break

10:30-12:30 Session 4: Grammaticalization and Lexicalization of Verbal Categories: Aspect, Modality, Voice

Chair: Greville G. CORBETT (Univ. of Surrey, UK)

4-1: Елена В. ПАДУЧЕВА

(Всероссийский институт научной и технической информации РАН, Россия)

“Моментальные глаголы совершенного вида и их стативные корреляты”

4-2: Elena PETROSKA (Univ. of Ss. Cyril and Methodius in Skopje, Macedonia)

“Evidentiality in Macedonian (Grammaticalization and Lexicalization)”

4-3: Каролина СКВАРСКА (Славянский институт ЧАН, Чехия)

“Роль лексического наполнения в конструкциях с отношением семантической диатезы”

4-4: Мотоки НОМАТИ

(Центр славянских исследований при Хоккайдском университете, Япония)

“Языковой контакт и грамматикализация залоговой конструкции (на материале кашубского и других славянских языков)”

12:30-14:00: Lunch

14:00-17:15 Thematic Section: Грамматика в словаре и словарь в грамматике

Chair: Юрий Д. АПРЕСЯН

(Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН /

Институт проблем передачи информации им. А.А. Харкевича РАН, Россия)

14:00-15:40 Part 1 (Presentation)

1: Юрий Д. АПРЕСЯН

(Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН /

Институт проблем передачи информации им. А.А. Харкевича РАН, Россия)

“Грамматика в словаре и словарь в грамматике”

2: Адриан БАРЕНТСЕН (Амстердамский университет, Голландия)

“Проблемы описания союза *ПОКА*”

3: Игорь М. БОГУСЛАВСКИЙ

(Институт проблем передачи информации им. А.А. Харкевича РАН, Россия / Мадридский технический университет, Испания)

“О грамматикализации способов разрешения синтаксических конфликтов”

4: Андрея ЖЕЛЭ (Институт словенского языка им. Фр. Рамовша САНИ, Словения)

“Экспрессивность как словообразовательный элемент (на примере словенских глаголов)”

5: Леонид Л. ИОМДИН

(Институт проблем передачи информации им. А.А. Харкевича РАН, Россия)

“Микросинтаксис русского языка”

15:40-15:55: Coffee Break

15:55-17:15: Part 2 (Discussion)

17:15-17:25: Closing Remarks

17:25-18:00: Closed Meeting for the Commission on the Grammatical Structure of the Slavic Languages of the International Committee of Slavists

19:00: Reception (Organized by Japan Society of West Slavic Studies)

Place: Beer Restaurant "**Sora**"

Monday, November 14

9:00- Excursion

Юрий Д. Апресян

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Институт проблем передачи информации им. А.А. Харкевича РАН

apr@iitp.ru

Грамматика в словаре и словарь в грамматике

1. Вводные замечания.

1.1. Используемые понятия

(а) Правило – предписание о том, какие действия необходимо произвести над языковым объектом X при заданной совокупности условий C (они часто называются ограничениями), чтобы из него получился языковой объект Y.

(б) Лексема – слово, рассматриваемое в одном из имеющихся у него значений, но во всей совокупности существенных для этого значения свойств – семантических, синтаксических, сочетаемостных, морфологических, коммуникативно-просодических и др.; существенными считаются свойства, на которые ссылаются какие-то правила языка.

(в) Лексическая сфера действия правила: множество лексем, к которым оно применимо.

(г) Семантическая мотивированность правила – возможность объяснить его применимость ссылкой на один и тот же смысл в толкованиях всех лексем, входящих в сферу его действия; для глагольной лексики это чаще всего принадлежность к какому-то классу или подклассу фундаментальной (Маслов – Вендлер) классификации предикатов.

(д) Лексикализация грамме́мы (например, НЕСОВ, НАСТ, ПОВЕЛ, ДЕЕПР и т.п.) – отсутствие у нее каких-то прототипических свойств или наличие каких-то свойств, отличных от прототипических, когда она входит в состав данной лексемы.

Материал доклада извлечен из опыта работы над различными словарями русского языка и лингвистическим процессором ЭТАП-3; в ряде случаев помимо новых материалов я пользуюсь некоторыми уже введенными мною в оборот примерами, но почти всегда в каких-то отношениях уточненными.

Указанная в названии тема обсуждается в рамках идеологии интегрального лингвистического описания. Так называется полное и, по возможности, неизбыточное описание грамматики и словаря, согласованное по типам помещаемой в них информации и по формальным языкам ее записи.

Требования, которые такое описание предъявляет к грамматисту и лексикографу:

(а) Грамматист должен работать на всем массиве словарных статей и учесть все формы поведения лексем, не учтенные непосредственно в словаре.

(б) Лексикограф должен работать на всем массиве грамматических правил и приписать лексемам все свойства, на которые ссылаются правила.

Главный вопрос, возникающий в рамках интегрального лингвистического описания, – вопрос о разделении труда между грамматистом и лексикографом, т.е. вопрос о том, какие языковые факты должны описываться в грамматике, а какие – в словаре. Самый общий ответ: чем шире лексическая область действия правила, чем более оно семантически мотивировано и чем менее лексикализована соответствующая граммема, тем больше вероятность того, что оно должно быть описано в грамматике; чем уже лексическая область действия правила, чем оно менее семантически мотивировано и чем больше лексикализована соответствующая граммема, тем больше вероятность того, что оно должно быть описано в словарной статье соответствующих лексем. Два примера.

Первый пример – интерпретационные глаголы. Интерпретационным называется глагол X, который не обозначает никакого конкретного действия, а лишь квалифицирует какое-то конкретное действие Y с логической, этической, юридической или иной социально значимой точки зрения: *выручать, грешить, нарушать (закон, правило), ошибаться, подводить (кого-л.), преувеличивать* и т.п. При этом Y является семантическим и синтаксическим актантами X-а и обычно присоединяется к X-у в форме ДЕЕПР, которая в данном случае не имеет ни одного из обычно приписываемых ДЕЕПР значений, а обозначает содержание действия X:

(1) *Вы очень меня выручили, одолжив эту сумму.*

Семантически все интерпретационные глаголы в любых формах результативны и поэтому в форме НЕСОВ не имеют актуально-длительного и процессного значений.

Указанное аспектуальное свойство характеризует все интерпретационные глаголы, семантически стопроцентно мотивировано и должно описываться в грамматике, хотя граммема НЕСОВ слегка лексикализована (в составе интерпретативов имеет не весь набор видовых значений НЕСОВ).

1.2. Глаголы внутреннего состояния (знания, мнения и эмоций) в форме ПОВЕЛ

Если у таких глаголов есть форма ПОВЕЛ НЕСОВ, она никогда не имеет прототипического значения побуждения, а семантические наращения в этой форме для отдельных глаголов и групп глаголов весьма специфичны.

(2) *Знай, что она тебя любит <не любит>*

= ‘Я знаю, что P; я считаю, что знание

P важно для тебя; поэтому я хочу, чтобы ты знал P; поэтому я говорю тебе: P’;

(3) *Думай, что хочешь*

= ‘Можешь думать, что хочешь; мне безразлично, что именно ты думаешь’ (модальность возможности);

(4) а. *Радуйся, твой доклад принят!*

= ‘Можешь радоваться’ (модальность возможности);

б. *Стыдись!* = 'Должен стыдиться' (модальность долженствования).

Как видим, в случаях (2) – (4) форма ПОВЕЛ не только не имеет своего обычного значения, но приобретает семантические наращения, по большей части модальные, причем в разных случаях разные. Естественное место для описания всех этих эффектов – словарь. См. также пункт 4.3 ниже.

2. Грамматика в словаре

Этот вопрос рассматривается на материале грамматических категорий глагола, из которых наиболее интересен вид; но я начну с двух других категорий.

2.1. Время

Глагольные лексемы *смотреть 10* и *глядеть 10* в форме НАСТ имеют эвиденциальное и нарративное значение 'неожиданно для себя стать наблюдателем какого-то интересного факта' (ср. *глядь*).

(5) а. *Вышел на опушку – смотрю <гляжу, смотрит, глядит> – заяц бежит.*

б. *Вышли на опушку – смотрим <глядим, смотрят, глядят> – заяц бежит.*

в. **Вышел на опушку – смотришь <глядишь> – заяц бежит.*

Для них обычны формы НАСТ 1-Л и НАСТ 3-Л обоих чисел. Отсутствие формы 2-Л в ее прототипическом значении (см. (5в)) не случайно: фразы в 2-Л ненормативны, потому что нарративность глагола несовместима с диалогичностью всего высказывания.

Интересно, что относительно обобщенно-личного значения такие высказывания правильны, потому что в них восстанавливается возможность нарративного понимания.

(6) *Вышел на опушку – смотришь <глядишь> – заяц бежит.*

Поскольку лексическая сфера действия правила – всего две лексемы, место этого правила – в словаре.

2.2. ДЕЕПР

Формы ДЕЕПР на *-учи, -ючи* вида *глядючи, едучи, идучи, кидачи, сидючи* и т.п. даются во всех толковых словарях, но характеризуются только в стилистическом аспекте. Ни в одном словаре не отмечается основное семантическое свойство этой формы ДЕЕПР – нарративность (ср. *смотреть 10* и *глядеть 10* выше) и, следовательно, несовместимость с диалоговостью. Нельзя сказать

(7) **Едучи в Москву, ты остановился в Твери.*

Главная же ошибка состоит в том, что информация о возможности форм ДЕЕПР на *-учи, -ючи* приписывается всему глагольному слову в целом. На самом деле они возможны только у основных лексем глаголов с именем человека в роли Агенса.

(8) а. *Глядячи как-то в окно, она заметила странный экипаж рядом с домом,*

б. *Едучи в Москву, я на два дня остановился в Твери;*

(9) а. **Глядячи на вещи просто, он не придавал значения должностям и званиям;*

б. **Едучи в Москву, поезд ненадолго остановился в Твери.*

3. Вид, парадигматика

3.1. Набор видовых форм (грамматическая парадигма)

3.1.1. Лексема *держать* 9 (слово, обещание). Толковые словари допускают для всех значений глагола *держать* только форму НЕСОВ. Однако указанная лексема (имеющая лексически связанное значение) располагает нормальным коррелятом СОВ *сдерживать*: *сдерживать слово <обещание>* (СОВ).

Пара *держать* 9 – *сдерживать* входит в достаточно большой семантический класс глаголов (моментальные типа *приходить – прийти*, речевые акты типа *приказывать – приказать*, интерпретативы *выручать – выручить* и ряд других), у которых форма НЕСОВ НАСТ всегда обозначает результат и поэтому имеет редуцированную «семантическую парадигму»: она возможна только в настоящем историческом, узуальном и многократном.

3.1.2. Моторно-кратные глаголы в двунаправленном (туда и обратно) значении: *ходить <бегать> за хлебом, ходить <бегать> купаться, ездил в Париж на конференцию*. Это значение, не выделяемое ни в каких толковых словарях русского языка, тем не менее существует, отличаясь от основного – разнонаправленного – значения тех же глаголов (*ходить <бегать> по двору, ездить туда и сюда*) по крайней мере по шести существенным признакам (Апресян 2009: 150-155). Самый важный в контексте данной работы – наличие формы СОВ с префиксом *с-* у основных глаголов двунаправленного перемещения: *сходил <сбегал> за хлебом, съездил в Париж на конференцию*.

В толковых словарях они не считаются формами СОВ, и на первый взгляд кажется, что для такой трактовки есть основания: семантически формы СОВ у таких глаголов почти не отличаются от форм НЕСОВ – и те, и другие результативны. Однако одно существенное различие, характерное для оппозиции НЕСОВ – СОВ, между ними все-таки есть. Формы НЕСОВ результативны только в смысле выполнения действия, но не смысле достижения результата действия; ср. *Сегодня уже четыре раза ходил за хлебом, и все без толку*. Между тем формы СОВ обозначают, в полном соответствии с семантикой СОВ, достижение результата действия: *Сходил за хлебом* значит, что принес его. Добавим, что и в этом случае, как в случае с глаголом *держать – сдерживать* (см. 3.1.1), форма НЕСОВ НАСТ имеет такую же редуцированную «семантическую парадигму».

3.2. Набор аспектуальных значений формы (семантическая парадигма)

Эта тема была отчасти затронута в разделе 3.1. Рассмотрим еще два примера.

3.2.1. *Бежать* 3.4 = ‘переливаться через край при кипении’ (о жидкой пище), употребляется обычно в форме НЕСОВ НАСТ в актуально-длительном значении.

(10) *Куда ты смотришь, у тебя молоко бежит!*

Другие видо-временные значения у *бежать* 3.4 реализуются с трудом. В узуальном и общефактическом многократном *бежать* 3.4 заменяется СИН *убегать*:

- (11) а. *Молоко у нее всегда убегает <убегало>*,
 б. *Молоко у нее не раз убегало, но не*
 в. [?]*Молоко у нее всегда бежит <бежало>*,
 г. [?]*Молоко у нее не раз бежало.*

3.2.2. Нарративные лексемы глаголы *плыть*. *Плыть 4.1 (Над рекой плыла луна)* = ‘Наблюдателю кажется, что неподвижный объект А1 плавно перемещается в пространстве А2 над его головой, обычно из-за перемещения какого-то другого объекта’ (облаков и т.п.).

Плыть 4.2 (Навстречу <мимо> плыли белые украинские хаты) = ‘Перемещающемуся наблюдателю кажется, что неподвижный объект А1 плавно перемещается в направлении А2’. Обе лексемы, в силу специфики своих значений (указание на наблюдателя) тяготеют к употреблению в актуально-длительном значении.

4. Вид, синтагматика

4.1. Вид и управление

В своем основном значении *ехать* и другие глаголы неавтономного перемещения (*лететь, плыть* и т.п.) управляет двумя формами:

- (12) а. *ехать в Париж на поезде (на + ПР)*,
 б. *ехать в Париж поездом (ТВОР)*.

В контексте первой все они свободно употребляется в актуально-длительном и процессном значениях, в контексте второй такие употребления отклоняются от нормы:

- (13) а. – *Ты где? – Еще еду на автобусе;*
 б. *Пока я ехал на автобусе, я прочитал всю газету;*
 (14) а. – *Ты где? – *Еще еду автобусом;*
 б. **Пока я ехал автобусом, я прочитал всю газету.*

4.2. Вид и модальность

Рассмотрим следующие две лексемы глагола *оправдывать*:

- (15) а. *Суд оправдывает 1 <оправдал> милиционера (СОВ без ограничений)*,
 б. *Напрасно он оправдывает 2 <*оправдал> свой поступок.*

Оправдывать 2 = ‘Человек А1 совершил поступок А2, который он сам или другие люди оценивают как плохой; А1 или говорящий ссылается на обстоятельства А3, которые вынудили А1 к этому, чтобы снять с него часть ответственности за А2’.

Форма СОВ у этой лексемы есть, но только в контексте модальных слов или в модальных конструкциях.

- (16) а. *Ваше поведение можно <трудно, нельзя> оправдать,*
 б. *Он хотел как-то оправдать свой поступок,*
 в. *Ему не оправдать этого поступка.*

4.3. Вид и отрицание

4.3.1. Взаимодействие с отрицанием *не* глаголов эмоционального состояния. Выше (см. пункт 1.2.2) уже говорилось о специфике семантики форм ПОВЕЛ НЕСОВ от глаголов со значением внутренних состояний человека. Теперь обратим внимание на метаморфозы, которые происходят с глаголами эмоционального состояния в форме СОВ в утвердительных и общеотрицательных предложениях.

- (17) а. *Обрадуйся, если она тебе это скажет* ≈ ‘сделай вид, что обрадовался’,
 б. *Не обрадуйся (ненароком), если она тебе это скажет*
 ≈ ‘не прояви радости’.
- (18) а. *Удивись <возмутись>, если увидишь ее там*
 ≈ ‘сделай вид, что удивился <возмутился> ...’,
 б. *Не удивись <не возмутись> (ненароком), если увидишь ее там*
 ≈ ‘не прояви удивления <возмущения>’.

4.3.2. Слабая отрицательная поляризованность

- (19) а. *Он никому такого не спустит;*
 б. *Вы думаете, он вам это спустит?;*
 в. *Если он это спустит, значит, он сильно сдал;*
 г. *Сомневаюсь, что он вам это спустит.*

Значение: ‘Человек А1 оставит без наказания человека А3 за его поступок А2, который человеку А1 не нравится, потому что А1 не хочет или опасается наказывать А3’.

Глагол *спускать* – *спустить* в указанном значении тяготеет к закреплению в форме БУД СОВ в контекстах слабой отрицательной поляризованности (отрицательные, вопросительные, условные и «сомнительные» предложения).

5. Словарь в грамматике

Этот вопрос рассматривается на материале формальной (и компьютерно реализованной) модели синтаксиса русского языка, функционирующей в составе разработанного в Лаборатории компьютерной лингвистики ИППИ РАН лингвистического процессора ЭТАП-3. Формальная модель синтаксиса – это совокупность правил получения синтаксической структуры предложения (СинтС), опирающихся на комбинаторный словарь определенного типа. СинтС предложения имеет вид дерева зависимостей, в котором узлы (имена лексем) связаны одним из 65 отношений подчинения. В качестве иллюстрации в данном докладе я коротко рассмотрю одно из них – длительное отношение, описывающее так называемую длительную конструкцию (ДК),

представленную в словосочетаниях типа *работать* [Р] *два дня* [Т], *обедать* [Р] *целый час* [Т], *болтать* [Р] *весь урок* [Т]. Существенно, что формирующие ее глаголы не имеют валентности на именные группы со значением длительности действия. Формально:

длительн

- (20) Р —————> Т

Значение: ‘Ситуация Р имеет место в течение времени, равного Т’.

Возникает вопрос, зачем нужно особое длительное отношение и почему в данном случае недостаточно традиционного обстоятельственного.

Несколько лингвистических оснований для разграничения «длительн» и «обст»:

(21) а. *Зиму он работал на стройке* (длительн) VS.

б. *Зимой он работал на стройке* (обст).

(22) а. *Всю зиму он работал на стройке,*

б. **Всей зимой он работал на стройке,*

в. *Этой <прошлой> зимой он работал на стройке.*

(23) а. *Он не работал зимой* – одно осмысление;

б. *Он не работал два дня* – два осмысления (Игорь Б):

в. *Он не {работал} два дня* = ‘время неработы равно двум дням’;

г. *Он не {работал два дня}* = ‘время работы меньше двух дней’;

д. *Он не {работал двух дней}*.

Обсуждение в виде ответов на следующие вопросы:

1. Каковы возможные значения зависимых слов?

2. От каких близких конструкций следует отличать ДК?

5.1. Значения зависимых слов и условия на них

Пять групп слов: а) *минута, полчаса, час, день, месяц, год, век* и другие существительные со значением отрезков времени; б) наречия *долго* и *недолго*; в) названия отрезков времени с собственными именами типа *вторник, май, лето*; г) названия действий с фиксированной продолжительностью типа *лекция, обед, урок*; д) слова *дорога* и *время*.

(24) а. *Он отдыхал полчаса <два месяца, год, ...>,*

б. *Он долго <недолго> работал над диссертацией,*

в. *Он молчал весь май <все это лето>,*

г. *Он болтал целый урок <всю лекцию, весь обед>,*

д. *Он молчал всю дорогу <некоторое время>.*

В случаях (24а) и (24 б) ДК наиболее свободна (нет ограничений, если налицо такое зависимое). В случаях (24 в) и (24г) перед существительным обычно есть, а в случае (24 д) должно быть кванторное или указательное зависимое. Существенно, что условия применения правила (ограничения) включают ссылки на конкретные лексемы (*долго, недолго, дорога, время*). Еще некоторые лексические ограничения:

Если в отрицательном предложении длительное зависимое имеет форму РОД, то при глаголе не должно быть дополнения:

(25) *Он не читал двух часов.*

Если дополнение есть, перед длительной группой должна быть частица *и*:

(26) а. *Он не читал книгу и минуты,*

б. **Он не читал книгу минуты.*

Два фактора, разрушающих ДК (тогда гипотеза о длительном СинтО не вырабатывается): контекст кванторных прилагательных *каждый* и *сей*; контекст оборота вида *X за X-ом* (*час за часом, день за днем, неделю за неделей, месяц за месяцем*):

(27) *Самолет садился целую минуту VS Каждую минуту на поле садился самолет*
Длительная конструкция VS обстоятельственная конструкция.

(28) *День за днем <неделю за неделей, месяц за месяцем> она пробиралась домой.*
Кратно-длительная конструкция, другое СинтО.

Оба ограничения включают лексическую информацию (*каждый, за*).

5.2. Конструкции, близкие к ДК

Два класса конструкций – близкие со стороны существительного и близкие со стороны глагола. Для нас интереснее второй класс.

До сих пор рассматривались глаголы, у которых нет валентности на длительную группу: действия *болтать, есть, молчать, просить, работать, садиться, сидеть, читать* не требуют указания количества времени, в течение которого оно продолжалось. Перейдем к глаголам, у которых есть валентность на продолжительность действия. Они, естественно, подчиняют именную группу со значением длительности на правах дополнения, т.е. как комплетивное зависимое.

Ниже рассматриваются четыре класса таких глаголов с точки зрения того, какую лексическую информацию надо включать в правила распознавания соответствующих конструкций в тексте:

(29) а. *поработать <побежать, поболтать> час* (делимитативы),
б. *проработать <пробежать, проболтать> час* (пердуративы),

(30) а. *отвоевать всю войну <отсидеть свой срок>* (финитивы),
б. *доработать две недели <догулять свой отпуск>* (завершительный СД),

Глаголы этих четырех классов отличаются от глаголов в канонической ДК, в частности, по способности подчинять наречия типа *недолго* и *долго*.

Делимитативы подчиняют наречие *недолго*, но – по семантическим причинам – не наречие *долго*, а пердуративы – оба этих наречия.

(31) а. *В крепости гость побыл <пробыл> недолго,*
б. *Он проработал там очень долго.*

Финитивы и глаголы завершительного способа действия не подчиняют этих наречий.

(32) **отвоевать <доработать> долго <недолго>,*

Из сказанного следует, что наречия *долго* и *недолго* должны упоминаться в правилах распознавания ДК и родственных ей семантически, но синтаксически валентных конструкций, так сказать, поименно.

Всего, таким образом, для формального распознавания ДК и для ее отграничения от близких к ней комплетивных конструкций в правилах требуются ссылки на следующие

конкретные лексемы: 1) существительные *дорога* и *время*; 2) прилагательные *каждый* и *сей*; 3) наречия *долго* и *недолго*; 4) предлог *за*; 5) частицы *не*, *и*.

6. Заключение

Итак, словарь интегрального описания языка должен включать большое количество правил, т.е. освоить в значительной мере новый для лексикографии жанр. В свою очередь, грамматика должна содержать гораздо больший объем лексической информации, чем это предполагалось раньше.

Адриан Барентсен
 Амстердамский университет
 a.barentsen@uva.nl

Проблемы описания союза *Пока*

Временной союз *пока* примечателен тем, что он используется для выражения не-обычно большого количества различных отношений между действиями главной (ГЧ) и зависимой (ЗЧ) частями сложноподчиненного предложения. Это наглядно проявляется в том, что при переводе на другие (особенно неславянские) языки обычно нужно делать выбор между не менее чем четырьмя разными союзами. Например, в английском языке союзу *пока* регулярно соответствуют союзы *as long as*, *while*, *before* и *until/till*. Интерпретация союза *пока* в очень высокой степени зависит от его грамматического окружения. Это прежде всего основные категории предиката (вид и время) во взаимодействии с присутствием/отсутствием отрицания (как в ЗЧ, так и в ГЧ). Дополнительными факторами могут быть присутствие разного рода уточнителей (напр. *до тех пор*, *еще*) и лексическое наполнение предикатов.

Влияние категории вида на интерпретацию союза *пока* хорошо известно. В грамматиках и словарях оно отражается в привычном разделении на значения одновременности (при НСВ в ЗЧ) и следования (при СВ). В последнем случае, как известно, отрицательная частица *не* играет специфическую роль в выражении прекращающего следования (по терминологии В.С. Храковского [напр. Храковский 2005: 35]). Однако особая роль категории времени при функционировании союза *пока* осознается далеко не во всех описаниях, хотя указание на влияние этого фактора мы уже находим в работе [Никтина 1964: 72], где сопоставляются следующие два примера с явно неодинаковой семантикой:

- (1) *Идите, пока не взошла луна*¹
- (2) *Идите (до тех пор), пока не взойдет луна*

Сложность адекватного описания всего разнообразия вариантов употребления союза *пока* проявляется в том, что ему посвящено немало специальных работ. Более ранние из них указаны в исследовании [Барентсен 1979], где рассматривается большое количество вариантов употребления союза *пока* на основе обширного фактического материала. К более новым работам относятся [Зорихина-Нильссон 2002; Храковский 2005;

---

¹ Примеры такого типа даются и в некоторых более старых работах (напр. [Михайлов 1952: 18-19]), но там специфическая роль формы прошедшего времени СВ недостаточно ясно раскрывается.

И&М 2009]. Тем не менее удовлетворительное исчерпывающее описание этого союза все еще заставляет себя ждать.

К обычным критериям удовлетворительного описания (его полнота, прозрачность выделения вариантов и ясность толкования их семантики) мы бы еще прибавили требование как можно яснее показывать взаимные связи между вариантами. Как нам представляется, при этом важную роль в качестве организующей основы описания может играть понятие “общего значения”. Однако стремление к раскрытию общего значения характерно далеко не для всех школ современной лингвистики. Хорошим примером другого подхода к описанию *пока* является недавно появившееся весьма интересное и богатое исследование об этом союзе *пока* Л. Иорданской и И. Мельчука, работающих на основе модели «Смысл $\leftrightarrow$ Текст» [И&М 2009].

Нам представляется интересным сравнить их подход с нашим собственным подходом прежде всего на основе трактовки примеров типа (1). Надеемся, что это вызовет дискуссию, которая позволит нам не только лучше понять суть такого варианта (или ряда вариантов), но также сделает более наглядным влияние некоторых принципов и предпосылок обсуждаемых методов на описание конкретного материала.

Приведем несколько сведений о наиболее важных исходных позициях сравниваемых описаний.

В работе [И&М 2009: 238] различаются следующие четыре «лексемы» не-иллокутивного типа употребления союза *пока*:²

1	‘while/as long as’	(3) <i>Пока Иван работал, Маша читала</i>
2a	‘before’	(4) <i>Маша позвонит, пока Иван не проснулся</i>
2b	‘[lasting] until’	(5) <i>Маша будет стучать, пока (не) откроют</i>
3	‘until ... enough time’	(6) <i>Ну, пока Иван вернется, Маша все приготовит</i>

В комментариях к каждой лексеме даются сведения о грамматических явлениях, которые для нее считаются характерными. Интересным компонентом характеристики некоторых лексем является определенная пресуппозиция. Для лексемы 1, к примеру, она выглядит так: [the Enunciator believing that P and Q are connected].

При нашем нынешнем подходе также рассматриваются указанные четыре типа, но они разделяются по-другому: 1, 2a и 3 считаются вариантами союза *пока*, в то время как 2b является отдельным союзом (с условным обозначением *пока не*). Однако, по нашему мнению, различия между вариантами 1, 2a и 3 имеют другой характер. Мы считаем, что они выводимы из значения форм вида и времени, представленных в ГЧ и ЗЧ.

² Работа [И&М 2009] отличается от всех других трактовок союза *пока* тем, что отдельно выделяется еще и иллокутивный тип (с двумя лексемами). Иллокутивный тип употребления союза *пока* представлен в примерах типа: *Пока дети в школе, что сказал врач?* В них как бы “пропускается” обычная ГЧ (типа ‘я вас спрашиваю’). В нашем докладе иллокутивный тип не рассматривается.

Как и многие другие исследователи, мы исходим из того, что в современном русском языке частица *не* в составе союза *пока не* не имеет обычного значения отрицания. Т.е. здесь представлен определенный тип эксплетивного отрицания. Союз *пока не* указывает на то, что осуществление события, обозначаемого ЗЧ, рассматривается как своего рода поворотный, переломный момент по отношению к длящейся вплоть до этого момента ситуации, обозначаемой ГЧ. Прототипически ситуация ГЧ в этот момент прекращается из-за того, что при событии ЗЧ либо теряется возможность (или смысл) дальнейшего существования ситуации ГЧ, либо она достигает своей цели.

В отличие от этого для союза *пока* характерно другое представление, а именно представление о некотором прекращающемся фоне. Ситуация ЗЧ локализуется на этом фоне и прототипически предполагается, что она тоже прекращается, притом не позже прекращения фона. Интересной и важной особенностью союза *пока* является то, что фон может охватывать актуальную, речевую ситуацию, как в следующем примере:

(7) *А пока полк на марше, пусть Антось не отстаёт от разведчиков* (Упс. корп.)

В большинстве случаев ЗЧ эксплицитно описывает только один из названных элементов: при НСВ описывается сам фон, а при СВ обычно описывается событие, прекращающее этот фон. Но своеобразие союза *пока* заключается именно в том, что во всех случаях релевантным является также второй (имплицитный) элемент, представление о котором каким-то образом выводится из эксплицитных сведений. При НСВ в позитивной ЗЧ, как в примере (3), это приводит к предположению, что эксплицитно данная фоновая ситуация обязательно прекратится. А предикат СВ, как в примере (6), обычно заставляет нас думать о развивающемся процессе, который приводит к данной смене ситуаций. Таким образом, в примере (6) возникает представление о том, что Иван должен делать, чтобы вернуться на место.

Однако в ряде примеров, в которых ЗЧ содержит форму СВ прошедшего времени и СВ, представления о фоне и прекращающем событии выводятся по-другому. В них данная форма интерпретируется как пример т.н. перфектного значения. Как известно, в таком случае основное внимание направлено не на саму смену ситуаций, заложенную в значении данного глагола, а на возникшую при этом результирующую ситуацию. Именно такая результирующая ситуация может выступать и в качестве фона при союзе *пока*, если ГЧ позволяет актуальное прочтение (обозначаемое ею действие существует в момент речи или более или менее непосредственно после него). Этот тип представлен в следующем примере:

(8) *Бегите, пока дождь прекратился* [Никитина 1964: 73]

(Ср. взаимозаменяемость: *дождь прекратился – дождя нет.*) Поскольку значение союза *пока* заставляет нас думать о прекращении этого фона, возникает ожидание об

обратной смене ситуаций, т.е. что дождь снова пойдет. ГЧ примера (8) указывает, каким образом нужно воспользоваться данной нестабильной фоновой ситуацией.

Весьма сходный тип мы видим в примерах (1) и (4), только здесь фон окрашен негативно. Актуальная ситуация характеризуется здесь тем, что некая ожидаемая ситуация еще не наступила. Самым естественным концом такого состояния, конечно, является осуществление ожидаемого события. Поэтому здесь характер прекращающего события весьма ясно очерчен (в примере (1) – *взойдет луна*). Таким образом, примеры этого типа приближаются к предложениям с союзом *прежде чем*. В примере (1) ЗЧ легко можно заменить на *прежде чем взойдет луна*. Но при такой замене исчезает элемент актуальности отсутствия ожидаемой результативной ситуации, который характерен для типа (1). Подобную негативную характеристику ситуации в момент речи можно дать и посредством отдельного, самостоятельного предложения: *Луна (еще) не вошла! Идите!* По нашему мнению, в обоих случаях негативная частица имеет свою нормальную функцию. Поэтому мы не можем согласиться с мнением, что в примерах типа (1) и (4) отрицание является эксплетивным [М&И 2009: 247]. (Смотрите сохранение частицы *не* при трансформации ЗЧ в настоящее время: *пока не вошла луна – пока нас не видят.*)

Подобные различия в интерпретации указанных типов употребления союза *пока* будут рассмотрены на основе ряда примеров из нашего корпусного материала.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Барентсен 1979 – *Барентсен А.* Наблюдения над функционированием союза *пока* // Dutch Contributions to the Eighth International Congress of Slavists. Lisse, 1979. С. 57–159.
- Зорихина-Нильссон 2002 – *Зорихина-Нильссон, Н.В.* Еще раз о семантике высказываний с союзом «пока» // Scando-Slavica. 48. С. 81–102.
- И&М 2009 – *Jordanskaja, L. & I. Mel'čuk* Semantics of the Russian Conjunction ПОКА 'while, before, until' // Von grammatischen Kategorien und sprachlichen Weltbildern – Die Slavia von der Sprachgeschichte bis zur Politsprache. Festschrift für Daniel Weiss zum 60. Geburtstag (eds. Berger, Tilman e.a.) (= Wiener slavistischer Almanach, Sonderband 73, 237–262. Wien.
- Михайлов 1952 – *Михайлов, М. М.* Придаточные предложения с союзом *пока* // Русский язык в школе. 1952, № 6. С 13–20.
- Никитина 1964 – *Никитина Э. Г.* Типы временных придаточных предложений с союзом *пока* и отрицательной частицей *не* // НДВШ, Филологические науки. 1964. № 2. С. 68–78.

Храковский 2005 – Храковский, В. С. Таксис следования в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. СПб., 2005. С. 29–85.

Rosanna Benacchio

Università degli Studi di Padova

rosanna.benacchio@unipd.it

Грамматикализация в ситуациях языкового контакта: развитие артикля в резьянском диалекте

0. Среди процессов, касающихся грамматикализации, привлекающих интерес лингвистов, немаловажное место занимает порождение артикля, т.е. процесс (наблюдаемый во многих языках) перехода указательного местоимения в определенный артикль, и числительного в неопределенный.

Интересным является также наблюдение такого процесса в ситуациях языкового контакта (Норрег, Traugott 2003: 212-213), так как в данных случаях изменение имело место в менее давнюю эпоху (если не имеет место в настоящее время, прямо перед нашими глазами) по отношению к другим диахроническим изменениям, которые имеют свои корни в далеком, не наблюдаемом прошлом. Следовательно, сам процесс, фазы и образы его осуществления представляются более «наглядными».

В данной работе мы обратимся к анализу форм определенного и неопределенного артикля в резьянском диалекте, находящемся веками в ситуации «абсолютного контакта» с романским языковым ареалом, т.е. с итальянским и с фриульским языками (а также, в более раннюю эпоху, с немецким).

1. Определенный артикль. Посмотрим сначала определенный артикль. В резьянском диалекте наряду с формами указательного местоимения *jte*, *jta*, *jtö*; *jtī* (*jty*)/*jte*, встречаются клитические формы *te*, *ta*, *tö*; *ti/te*, которые выполняют функцию определительного члена, употребляясь (хоть и не регулярно, т.е. не без исключений и колебаний) перед определяемой именной группой, в проклитической позиции. Как следует из приведенных ниже примеров, интересующая нас местоименная форма больше не выполняет дейктическую функцию, а лишь указывает на определенность референта, точно как и определительный член. Точнее говоря, эта форма может выполнять анафорическую функцию (при случае «повторного называния»), функцию обозначения определенности референта «по общим сведениям», а также «генерализирующую» функцию.

Такое употребление встречается уже в первом дошедшем до нас письменном резьянском памятнике, а именно — в Резьянском Катехизисе XVIII века и продолжается вплоть до наших дней. См.:

“za *te* myrtve” (для мертвых) (Steenwijk 1992: 199), “*te* lipe maškire” (красивые маски) (там же : 205), “*ti* stari nu *ti* mladi” (пожилые и молодые) (там же), “*te* stare žane” (пожилые женщины) (там же : 209), “po *ti* növi modi” (по новой моде) (там же : 220).

Действительно, в своем развитии, резьянский определенный артикль прошел типичные фазы, характеризующие процесс грамматикпализации: бывшее указательное местоимение потеряло свое специфическое, дейктическое значение, приобрело значение более широкое, менее специализированное, ближе скорее к грамматическому, чем к лексическому уровню языка; другими словами, оно приобрело более широкую грамматическую функцию артикля, при этом расширив сферу своего употребления (потерпев экспансию). Кроме того, оно потерпело типичное явление грамматикализации, т.н. фонетическую эрозию, не только путем потери самостоятельного ударения и превращения в клитическую форму, но также и путем потери слогового «j» в начале слова. Наконец, бывшее указательное местоимение стало занимать более фиксированную синтаксическую позицию (в проклитической позиции, сразу перед существительным или, гораздо чаще, перед прилагательным или другими определениями, входящими в именную группу. Однако оно (еще не) превратилось в аффикс.

2. Неопределенный артикль. Подобные замечания можно сделать по поводу неопределенного артикля. В резьянском диалекте, наряду с числительным *dun*, *dnö*, *dnä*, *dny/dne*, являющимися ударными формами, образовался целый парадигм неударных, клитических форм, выполняющих функцию неопределенного члена: *din/ni*, *nö/nu*, *na*; *ni/ne* (Steenwijk 1992:124-126).

Точнее говоря, такие формы передают именной группе неопределенное значение (референт неизвестен для слушающего) как специфическое (референт известен для говорящего) так и неспецифическое (референт неизвестен и для говорящего), включая и родовое значение.

И в данном случае такое употребление встречается уже в Резьянском Катехизисе XVIII века, примерно в том же виде, в котором оно встречается в современных резьянских текстах. См.:

“To ma *din* lipi güšt” (это имеет хороший вкус) (Steenwijk 1992: 126), “nüna to jë *na* žanä anu nün to jë *din* muš” (nüna это женщина, а nün это мужчина) (там же), “bil pa *din* mlyn” (была тоже мельница) (там же: 189), “bila paršl *na* korijera da Lussemburgo” (приехал автобус из Люксембурга) (там же: 190), “vïdin, da jë *din* annuncïo” (вижу, что это объявление) (там же : 191), “za je vijät dölu na *din* must” (чтобы сбросить их на мост) (там же), “perké na mëla *noga* malaga sinïca, an mël *din* misac” (потому что у

нее был маленький сын, ему был месяц) (там же : 193)

Подобно тому, что было замечено выше по поводу определенного артикля о неопределенном артикле также можно сказать, что в резьянском диалекте он прошел типичные все фазы, составляющие процесс грамматикпализации: бывшее числительное потеряло свою специфическую функцию выражения количества и приобрело более широкое грамматическое значение. Другими словами, оно приобрело функцию неопределенного артикля, при этом расширив сферу своего употребления. Кроме того, оно потерпело типичное явление грамматикализации, т.н. фонетическую эрозию, не только путем потери самостоятельного ударения и превращения в клитическую форму, но также и путем потери (правда, не во всех формах) согласного «d» в начале слова. Наконец, бывшее указательное местоимение стало занимать (почти что/ более) фиксированную синтаксическую позицию (первую позицию в именной группе), хотя еще не превратилось в аффикс.

Описанные явления будут сравниваться с аналогичными явлениями, характеризующими другой славянский диалект, находящийся веками в ситуации «абсолютного контакта» с романским языковым ареалом, т.е. хорватский говор Молизе, а также с серболужицким языком, развивавшийся в контакте с немецким языком.

БИБЛИОГРАФИЯ

- BAŽEC 2010 – H. Bažec, *Inquadramento diacronico e sincronico di en in sloveno*, in: R. Benacchio, L. Ruvoletto (pod red.), *Lingue slave in evoluzione: studi di grammatica e semantica*, Il Incontro di Linguistica slava. Padova, 14-15 novembre 2008, Padova, Unipress, 3-16.
- BENACCHIO 1998 – R. Benacchio, *K voprosu ob opredelennom artikle v slavjanskich jazykach: rezjanskij govor*, in *Jazyki malye i bol'shie* (in memoriam acad. Nikita I. Tolstoj), pod. red. A.D. Duličenko, (“Slavica Tartuensia”, IV), 76-78.
- BENACCHIO 2002 – R. Benacchio, *I dialetti sloveni del Friuli tra periferia e contatto*, Udine, Società Filologica Friulana.
- BREU 2008 – W. Breu, *Razvitie sistem artiklej v slavjanskich mikrojazykach v absoljutnom jazykovom kontakte*, in: S. Kempgen, K. Gutschmidt, U. Jekutsch, L. Udolph (hrsg.), *Deutsche Beiträge zum 14. Internationalen Slavistenkongress Ohrid 2008*, München, O. Sagner, 75-88.
- HOPPER, TRAUGOTT 2003 – P.J. Hopper, E. Closs Traugott, *Grammaticalization*. Second edition, Cambridge, Cambridge University Press.

- IVANOV 1979 – V.V. Ivanov, *Sravnitel'no-istoričeskij analiz kategorii opredelennosti-neopredelennosti v slavjanskich, baltijskich i drevnebalkanskich jazykach v svete indoevropеistiki i nostratiki*, in *Kategorija opredelennosti- neopredelennosti v slavjanskich i balkanskich jazykach*, Moskva, AN SSSR, Institut Slavjanovedenija i Balkanistiki, Moskva 11-63.
- KOLARIČ 1961-1962 – R. Kolarič, *Določni in nedoločni spolnik v slovenščini*, "Zbornik za filologiju i linguistiku", 4-5, 170-174.
- STEENWIJK 1992 – H. Steenwijk, *The Slovene dialect of Resia. San Giorgio* (Studies in Slavic and General Linguistics, 18), Amsterdam - Atlanta, GA.

Jan Ivar Bjørnflaten
 University of Oslo
 j.i.bjornflaten@ilos.uio.no

Construction-Induced Grammaticalization: Agreement Loss and Decategorialization of Predicative Participles in Old Church Slavic.

It is generally agreed that the emergence of gerunds in the Slavic languages is due to the predicative participles' loss of agreement with their matrix words. It is also well known that the loss of agreement has been implemented in diverse ways since the morphological make-up of the gerunds varies in the Slavic languages, cf. respectively, the present gerund in Russian, Polish and Bulgarian, *govorja*, *mówiąc*, *kazavajki*. This variation in morphological make-up might indicate that the causes for the loss of agreement have been more complex than general assumed and might have followed different pathways. In this paper it will be focused on the very earliest examples of agreement loss in the predicative participles as recorded in Old Church Slavic. The attention will be directed to loss of agreement in Codex Suprasliensis. It will be demonstrated that the earliest instances of agreement loss occurred in certain constructions with co-referentiality of the patient of a verb and the agent of the predicative participle. This co-referentiality implied ambiguity which in its turn triggered reanalysis which resulted in decategorialization and grammaticalization of the erstwhile predicative participles. It will therefore be argued that loss of agreement in the predicative participle in the following example from Codex Suprasliensis came into being as a means to avoid ambiguity since the patient of the verb is co-referential with the agent of the predicative participle, cf.: *povelě voinomъ svoimъ šedъše vъ crьkьve i rešti piskupu sisiniju*. For this reason the following sentence from Assemanianus: *poveli mi prežde šedъšu pogreti otca moego* demonstrates the original state of affairs compared to the same sentence in Zographiensis where agreement has been lost, *poveli mi drevle šedъše pogreti otca moego*.

BIBLIOGRAPHY

Bjørnflaten, J.I., 2009: "The Form of the Present Gerund and the Formation of the Russian Standard Language". In: Juliane Besters-Dilger / Fedor B. Poljakov (Hrsg.), *Die russische Sprache und Literatur im 18.*

Jahrhundert: Tradition und Innovation. Gedenkschrift für Gerta Hüttl-Folter. Frankfurt am Main [u.a.] , Peter Lang Verlag (Русская культура в Европе / Russian Culture in Europe, 5), pp. 211-230.

Bjørnflaten, J.I., 2010: "Grammaticalization Theory and the Formation of Gerunds in Russian". In: *Diachronic Slavonic Syntax. Gradual Changes in Focus.* Edited by Björn Hansen, Jasmina Grkovic-Major. Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 74. München-Berlin-Wien , ISBN 978-3-86688-096-2, ISSN 0258-68-35, pp. 19-29.

Ольга Ю. Богуславская

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

boguslavskaya@inbox.ru

Предельность и неопредельность русских прилагательных¹

О. Противопоставление предельных и неопредельных прилагательных было введено в работе (Апресян 1968) и получило свое дальнейшее развитие в (Апресян 1974: 65 – 67). Формальный тест на предельность - сочетаемость с наречиями полной степени признака *совсем, совершенно, абсолютно*, в первую очередь со словом *совсем*. Первоначально противопоставление предельности и неопредельности рассматривалось для параметрических прилагательных. Параметрические прилагательные размера, описывающие нижнюю часть шкалы, сочетаются с наречием *совсем*: *совсем низкий, совсем узкий*, а для прилагательных, описывающих верхнюю часть шкалы, такие сочетания невозможны: **совсем высокий, *совсем широкий*. Для этой группы была предложена семантическая мотивировка различия в сочетаемости прилагательных с наречием *совсем*. «Высоту (глубину и т.д.) высокого предмета можно увеличивать бесконечно, и предмет все равно будет называться *высоким*; нельзя, однако, бесконечно уменьшать высоту (глубину и т.д.) низкого предмета. Если высота низкого сплошного цилиндра существенно меньше его диаметра, то он станет *плоским* или *тонким*» (Апресян 1974: 66).

Противопоставление предельных и неопредельных прилагательных естественно распространять на прилагательные других семантических классов, в том числе, таких, которые описывают не только физические характеристики объектов. При этом, однако, становится труднее предложить убедительную общую семантическую интерпретацию противопоставления. Так, если рассматривать близкие по смыслу прилагательные, указывающие на имущественное положение, то предельными оказываются *бедный, небогатый* и *нищий*, а для *нуждающийся, малообеспеченный, необеспеченный, малоимущий, неимущий* сочетаемость с *совсем* невозможна, хотя представить себе предельный случай этих свойств не труднее, чем предельный случай бедности или нищеты. Среди антонимичных прилагательных, указывающих на богатство, предельным является только

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Программы фундаментальных исследований ОИФИ РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей», гранта № НШ-4019.2010.6 для поддержки научных исследований, проводимых ведущими научными школами РФ и гранта РГНФ 10-04-00273а "Подготовка первого выпуска Активного словаря русского языка".

богатый, а состоятельный, обеспеченный, зажиточный сочетания с *совсем* не допускают. Ср. *Был бы он совсем богатым, построил бы здесь кирпичный замок и жил бы круглый год, а в город ездил в бронированном джипе* (М. Чулаки).

Нужно отметить также, что предельными могут быть не только градуируемые прилагательные. Часто являются предельными прилагательные неострого контраста типа *небогатый, недалекий*. Между тем они не градуируются. Аналогичным образом среди рассмотренных выше прилагательных, характеризующих имущественное положение, неградуируемое *нищий* является предельным: **более нищий; Хотя государство благодаря нефтедолларам перестало быть совсем нищим, библиотеки комплектуются так же плохо, как в годы финансового кризиса* (В. Живов).

В цитируемой работе Ю. Д. Апресяна ставится вопрос о природе противопоставления предельности/непредельности: имеем ли мы дело с семантическим признаком или с сочетаемостным ограничением, и этот вопрос остается открытым.

Представляется возможность предложить несколько аргументов в пользу решения считать предельность сочетаемостным (синтаксическим) признаком. Разберем один из них: прагматический характер ограничений на сочетаемость с *совсем*.

Классическое непредельное прилагательное – *длинный*. Действительно, нельзя сказать *Шест совсем длинный*. Однако когда класс объектов имеет разумные прагматические ограничения на максимальную длину, сочетания с *совсем* становятся допустимыми: *Она впервые надела совсем длинную юбку*. Это особенно характерно для контекстов, в которых сравниваются однотипные объекты разной длины; *Следует иметь в виду, что на Востоке для разных целей используются палочки разной длины. Для личной еды — одни, для раскладывания с общего блюда — другие, побольше. Бывают и совсем длинные — поварские, сработанные обычно из бамбука, поскольку они не впитывают влагу* (М. Казанская). Точно также ведет себя непредельное прилагательное *высокий*: *??совсем высокий, но Это была довольно высокого роста женщина, несколько пониже, однако, Катерины Ивановны (та была уже совсем высокого роста)* (Ф. М. Достоевский).

Ослабляются ограничения на сочетаемость с *совсем* и в случае, когда речь идет о сравнительной характеристике объекта, который меняется с течением времени или неодинаков в разных своих частях. Ср. *совсем худой; ??совсем толстый; но Он стал совсем толстым; совсем узкий; ??совсем широкий; но Здесь река становилась совсем широкой*.

В [НОСС 2004] и в Активном словаре русского языка [Перспектив 2010] предельность прилагательных представляется как сочетаемостное свойство. В зоне сочетаемости обязательно указывается возможность сочетания с показателями полной степени признака, причем указывается с какими именно.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1968 – *Ю. Д. Апресян*. Об экспериментальном толковом словаре русского языка // ВЯ, 1968. №5.
- Апресян 1974 – *Ю. Д. Апресян*. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- НОСС 2004 – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное. (совместно с Ю.Д.Апресяном и др.) Под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. – М; Вена: Языки славянской культуры, 2004. - 1418 с.
- Перспект 2010 – *В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян и др.* Перспект активного словаря русского языка. Отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. – М., 2010. – 718 с.
- Червенкова 1975 – *И. В. Червенкова*. Общие адвербиальные показатели меры признака (в современном русском литературном языке). Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук. М., 1975. 26 с.

Игорь М. Богуславский

Институт проблем передачи информации им. А.А. Харкевича РАН, Россия

Мадридский технический университет

igor.m.boguslavsky@gmail.com

О грамматикализации способов разрешения синтаксических конфликтов.

1. В докладе будут рассмотрены синтаксические явления, связанные с фактором линейного развертывания предложения от начала к концу. Эти явления будут прослежены на материале сочинительных конструкций русского языка, содержащих неодноместные союзы и союзные соединения трех типов: (а) союзы, образованные воспроизведением одного и того же или функционально близких компонентов (*и... и..., или... или..., то... то... а то..., либо... либо... или... , или... или... а может быть... и др.*), (б) союзы и союзные соединения, составленные из разнородных элементов. В их состав наряду с союзами могут входить также частицы и наречия (*как... так и..., не столько... сколько..., насколько... настолько..., не... а..., не только... но и..., если не... то... и др.*), (в) конструкции с союзом *а*, в которых соединяемые им компоненты содержат слова или сочетания, определенным образом семантически связанные между собой (*с одной стороны, А, а с другой стороны, Б; в одном случае А, а в другом случае Б; на первый взгляд А, а на самом деле Б; вначале А, а потом Б и др.*)

Синтаксическая особенность этих выражений, отличающая их от обычных сочинительных союзов типа *и* и *или*, состоит в том, что они маркируют первый член сочинительного ряда, ср. *Я испеку пирог или печенье* (одиночный союз *или* стоит перед вторым сочиненным членом) – *Я испеку или пирог, или печенье* (первый компонент союза стоит перед первым сочиненным членом, а второй перед вторым). Каноническая структура конструкций с неодноместными союзными соединениями имеет вид:

(1) $a1 X...a2 Y$,

где $a1$ и $a2$ - компоненты союзного соединения, стоящие непосредственно перед сочиняемыми словами или словосочетаниями X и Y .

2. Канонические сочинительные конструкции характеризуются тем, что сочиненные элементы имеют тождественные или близкие синтаксические функции. Имеется несколько типов неканонических конструкций, в которых это требование не выполняется. В предложениях с неодноместными союзными соединениями возможны два типа отклонений от структуры (1), различающиеся положением первого компонента

союзного соединения относительно X. Этот компонент может быть сдвинут относительно X влево (ср. (2а)) или вправо (ср. (2б)):

(2а) $a1 \dots X a2 Y$

(2б) $X \dots a1 a2 Y$

Мы будем называть такие конструкции асимметричными. Конструкцию (2а) иллюстрирует пример (3), а конструкцию (2б) – (4):

(3) *Деление по значению основано не [a1] на наблюдении над [X] языком, а [a2] над [Y] чем-то, не имеющим к языку непосредственного отношения.*

(4) *Межзвездный газ в диске распределен [X] не [a1] равномерно, а [a2] сосредоточен [Y] преимущественно в ветвях спиралей.*

Наша задача состоит в том, чтобы, во-первых, описать синтаксическое преобразование, в результате которого строятся предложения типа (3) и (4), и во-вторых, вскрыть прагматическую основу предложений типа (4). Мы покажем, что на их строении сказывается фактор линейного развертывания предложения. При их построении говорящий сталкивается с определенными синтаксическими конфликтами и разрешает их с большей или меньшей степенью стилистической успешности.

3. Мы будем исходить из предположения о том, что конструкции с сочиненными членами строятся из более полных конструкций в результате преобразования, называемого «сочинительное сокращение». Для предложения *Я испеку пирог или печенье* такой более полной конструкцией будет *Я испеку пирог или я испеку печенье*, в которой операция сочинительного сокращения устраняет повторяющиеся элементы *я* и *испеку*. В предложениях с неоднородными союзными соединениями сочинительное сокращение проходит несколько иначе. Для конструкции (1) исходной структурой является (5):

(5) $a1 P X \dots a2 P Y$

(5а) *Или [a1] я испеку [P] пирог [X], или [a2] я испеку [P] печенье [Y]*

При переходе от (5) к (1) происходит не только **опущение** второго вхождения фрагмента P (*я испеку*), но и **перенос** первого вхождения влево от *a1*:

(5б) *Я испеку [P] или [a1] пирог [X] или [a2] печенье [Y]*

Сокращение исходной структуры (5) может осуществляться полностью или не полностью. В первом случае производится как опущение повторяющихся компонентов, так и перенос первого из них влево. В результате получаются канонические предложения типа (5). Во втором случае происходит лишь одна из этих операций. Если производится только опущение (без переноса), то возникают неканонические конструкции типа (6а):

(6а) ^{??}*Или я испеку пирог, или печенье.*

А если проводится только перенос (без опущения), то возникают конструкции типа (6б):

(6б) ^{??}*Я испеку или пирог, или я испеку печенье.*

Предложения (6а) и (6б), конечно, нельзя признать вполне правильными. Однако, как мы покажем в докладе, имея другое лексическое наполнение и, главное, более развернутую структуру, предложения аналогичного строения вполне могут оказаться приемлемыми. Именно таковы предложения (3) и (4), приведенные выше.

4. Предложения типа (4) - «Перенос без опущения» - представляют большой интерес с точки зрения проблемы синтаксических конфликтов и их грамматикализации. Двигаясь от начала предложения к его концу и одновременно конкретизируя его содержание, говорящий может сталкиваться с затруднениями: то, что уже произнесено, иногда оказывается в том или ином конфликте с тем, что он планирует сказать. Эти затруднения могут иметь три исхода.

Первый из них состоит в том, что говорящий находит такое продолжение начатого предложения, которое полностью согласуется со всеми языковыми нормами. При изучении таких предложений мы имеем полное право абстрагироваться от этого аспекта их происхождения, поскольку он никак не отразился на их строении. При втором исходе говорящий не находит способа снять возникший конфликт, оставаясь в рамках языковой нормы. Тогда он либо бросает неполучившееся предложение и начинает новое (это характерно преимущественно для письменного языка, где можно что-то зачеркнуть), либо завершает его, жертвуя языковой правильностью. Последний случай в изобилии встречается в разговорной речи с ее спонтанным и одновременно окончательным характером.

Третий исход, иллюстрируемый асимметричными сочинительными конструкциями типа «Перенос без опущения», компромиссен и совмещает в себе предыдущие два. С одной стороны, предложение завершается благополучно. Оно не выходит за рамки языковой системы. С другой стороны, структура подверглась деформации, которая оставила на ней шов. Явственно ощущается отклонение от стандартных синтаксических моделей, некий синтаксический пируэт. Мы покажем это на примере предложения:

*Овальный пруд обступили кольцом старые ветлы, такие густые и поникшие, что сквозь их зелень не мог пробиться лунный свет, - он играл далеко на середине пруда, где в скользящей стеклянной зыби **плавала не то утка, не то грачонок еле держался на распластанных крыльях - нахлебался воды** (А. Толстой).*

Имея первоначально лишь приблизительный проект того, что будет сказано в данном предложении, говорящий начал строить сокращенную сочинительную конструкцию. Он поместил некоторый элемент предложения (*плавала*) вне сферы действия союзного соединения (*не то..., не то...*) в предположении, что этот элемент относится к обоим сочиненным членам (*утка и грачонок*). Однако в дальнейшем по мере конкретизации своего замысла говорящий обнаружил, что это предположение вступает в

определенный конфликт с тем, что он собирается сказать дальше: про грачонка надо сказать иначе, чем про утку. Поэтому исходное предположение требует пересмотра. Легализованный русским языком и грамматикализованный способ такого пересмотра состоит в том, что при втором сочиненном члене можно еще раз выразить с необходимыми уточнениями то же значение, что и значение, уже относящееся к обоим сочиненным членам (или значение, близкое к нему).

Эта двойственная природа ставит асимметричные конструкции в совершенно особое положение. Предложения с асимметричной конструкцией образуют достаточно компактную и однородную группу, чтобы можно было утверждать, что в них применен один и тот же прием, который тем самым является достоянием всех говорящих на русском языке. Асимметричная конструкция представляет собой грамматикализованный, узаконенный системой языка путь разрешения некоторых конфликтов, возникающих при сочинении.

Грамматикализация приводит к тому, что асимметричная конструкция появляется не только тогда, когда конфликт возник неожиданно для говорящего и он реально менял свои намерения по ходу произнесения предложения. Такие ситуации, действительно лежат в основе конструкции, мотивируют ее возникновение в языке, но никоим образом не исчерпывают всех случаев ее употребления. Получив права гражданства в качестве аварийного приема, конструкция расширяет сферу своей применимости и начинает использоваться в нейтральной и в художественной речи. В силу своей нестандартности конструкция приобретает некоторую экспрессивность и придает речи эффект спонтанности и разворачивания на наших глазах.

Александр В. Бондарко

Институт лингвистических исследований РАН

abondarko@gmail.com

**Семантика предела в системе глагольного вида
и в сфере лексико-грамматических разрядов**

1. В настоящее время в полной мере сохраняет свою значимость аспектологическая концепция Ю. С. Маслова. В его теории важную роль играет последовательно проводимое различие между видом как грамматической категорией и лексико-грамматическими классами. Подчеркивается, что о виде уместно говорить лишь применительно к тем языкам, в которых значения, относящиеся к протеканию и распределению глагольного действия во времени, получают «открыто (или чисто) грамматическое выражение». Что же касается аспектуальных значений, которые относятся к сфере скрытой грамматики, то они составляют систему аспектуальных классов и подклассов глагольной лексики. Речь идет о дифференциации и взаимосвязях грамматической категории вида и аспектуальных классов предельных и неопредельных глаголов, а также разрядов, охватываемых понятием «способы действия». Анализ рассматриваемых отношений в области аспектологии связывается с общей проблематикой взаимосвязей грамматики и лексики.

2. Представляется обоснованной распространенная (хотя и не общепризнанная) точка зрения, согласно которой семантика глагольного вида строится на основе комплекса признаков «ограниченность действия пределом» (ПРЕД) и «неделимая целостность действия» (Ц). Рассматриваемые признаки представляют собой инвариантные элементы категориального значения совершенного вида (СВ) как маркированного члена видового противопоставления. Несовершенный вид (НСВ) проявляет способность к импликации указанных признаков. Ограниченность пределом — это внутренняя характеристика действия с точки зрения полноты его проявления во времени. Что же касается элемента Ц, то имеется в виду системно-языковое отражение «взгляда на действие» («взгляда со стороны») — представление действия без вычленения срединной фазы.

3. Помимо указанных выше признаков, в семантике вида выделяется элемент «возникновение новой ситуации» (ВНС), рассматриваемый в его связях с элементом ПРЕД на уровне высказывания. Например: *Долго убеждал и наконец убедил*: достигнут результат и с этим связано возникновение новой ситуации. Инвариантность данного

признака не является абсолютной (ср. «периферийные исключения»: в высказываниях типа — *Ты еще побудешь у нас?* выражается не возникновение новой ситуации, а «данная ситуация»).

4. Признак ПРЕД выступает на передний план при рассмотрении вида в сфере лимитативности, объединяющей разные типы отношения действия к пределу, включая различия реального и потенциального, эксплицитного и имплицитного, абсолютного и относительного предела, а также при характеристике оппозиции предельности / неопределенности. Рассмотрение языкового материала в отношении к элементу ПРЕД играет важную роль при анализе связей категории вида с лексическими значениями глаголов и со способами глагольного действия. Речь идет, в частности, о тех способах действия, которые так или иначе конкретизируют семантику результата (ср. общерезультативный и специально-результативные способы действия). С другой стороны, признак Ц приобретает особую значимость при анализе «ориентационной» стороны семантики вида, связанной с точкой зрения говорящего, с его «взглядом на действие». Эта сторона характеристики глагольного вида играет важную роль при сопоставлении рассматриваемой категории (и аспектуальности в целом) с такими семантическими категориями, как темпоральность и временная локализованность. Есть и такие проблемы, при рассмотрении которых в равной степени актуальны оба признака, в частности, соотношение вида с семантикой таксиса, временного порядка, субъекта и объекта, определенности / неопределенности.

5. Конкретные реализации элемента ПРЕД во многих случаях отличаются четко выраженной интенциональностью, т. е. связью с намерениями говорящего, осознаваемостью, смысловой релевантностью. Это особенно характерно для употребления тендентивно-предельных глаголов, т. е. глаголов, способных к выражению направленности на достижение результата (при функционировании форм НСВ) и его реального достижения (при употреблении форм СВ), например: *Долго убеждал и наконец убедил*. Признак Ц не связан с явно выраженной интенциональностью. «Взгляд на действие» как целое, без выделения его срединной фазы, безусловно, представлен в конкретных высказываниях, однако эта сторона видовой семантики далеко не всегда осознается говорящими и обычно не выделяется как цель употребления формы СВ. Мы не можем сказать, что говорящий употребляет форму СВ для того, чтобы выразить неделимую целостность действия.

6. Признак ПРЕД распространяется не только на тендентивно-предельные, но и на нетендентивно-предельные глаголы, т. е. не только на действия, направленные на достижение предела (*поднимать – поднять* и т. п.), но и на те действия, которые не

связаны с такой направленностью (*допускать – допустить, замечать – заметить, оставаться – остаться* и т. п.). Действие, обозначенное исходным глаголом НСВ, может быть и неопределенным (например, *сидеть, спать, светиться, сиять, шушать*), но это не препятствует образованию СВ при перфективации, не связанной с видовой парностью: *сидеть – посидеть, спать – поспать, светиться – засветиться, сиять – засиять, шушать – зашушать* и т. п. Таким образом, понятие ПРЕД охватывает любые действия, представленные в реальном пределе (ср., с одной стороны, *строить – построить*, а с другой — *щадить – пощадить*; ср. также несоотносительные глаголы СВ: *постоять, зазвенеть, очутиться* и т. п.). Столь широкое распространение элемента ПРЕД обусловлено фундаментальным свойством обязательности, присущим славянскому глагольному виду. Тот факт, что признак ПРЕД распространяется и на те действия, которые не направлены на достижение предела, усиливает интерпретационную доминанту семантики вида и подчеркивает роль неуниверсальных элементов в этой семантике.

Greville G. Corbett
 University of Surrey
 g.corbett@surrey.ac.uk

Lexicalization and Paradigmatic Structure: Key Instances in Slavonic

The structure of lexemes' paradigms reflects the requirements of syntax. This implies regularity across the lexicon. How then can the structure of a paradigm (rather than particular forms) be lexicalized? There are possible instances of this, which we discuss both for their inherent interest and for their relevance to the more general issue of the syntax-morphology interface. Our approach relies heavily on the notion of default, and is within the Network Morphology framework.

We must first establish the necessary features and their values, and here the work of the Set-theoretical School (as in Zaliznjak 1973) is vital. That approach leads to a maximal requirement in terms of features and values, which enables every necessary distinction to be captured. Much of the interest of inflectional morphology arises from the differences between the maximal requirements of the system and the paradigms of particular lexemes and of particular groups of lexemes. The most familiar instances involve syncretism, where distinctions required by syntax are available for some but not all of the relevant items. This can arise when one inflectional class does not make all the distinctions found in another, or when some relevant featural combinations are not distinguished. An example of the latter would be the syncretism of gender values in the dual or plural in some Slavonic languages.

The instances of particular interest for the current topic are those where some, or even almost all, lexemes differ in their paradigm structure from the structure which is set up to meet the requirements of syntax. We examine, then, instances where there is a structural mismatch between the needs of syntax and the paradigm structure of significant numbers of lexemes. These mismatches have arisen in different ways:

the animate accusative in Russian

In the modern language there is a unique accusative only for one type of noun, and also in the adjective paradigm; elsewhere the accusative is syncretic with another form (nominative or accusative). By default the accusative case form can be handled by a referral to another form, and this is overridden in a minority of instances.

the Russian second locative

This is available for nouns only. It can be treated by a high level default; this default is overridden just for the relatively few nouns which have a unique form for the second locative, and hence arguably a different paradigm structure (compare Brown 2007).

the Russian second genitive

We can treat this similarly to the second locative. However, there is an additional problem: when its form is not that of the normal genitive, it is not unique but is syncretic with the dative.

the adnumerative in Russian:

The numerals '2'-'4', *oba* 'both' and a few other items require a form of the noun which is unique for a handful of nouns (like *čas* 'hour') but which is identical to the genitive singular for all remaining nouns. This example is more challenging than the second locative and second genitive because of the syntactic effects. We might propose a high level default, giving the adnumerative form of the noun as genitive singular (to be overridden in a few instances) and the form of the adjective as genitive plural or nominative singular (this option is subject to the influence of a range of factors). But there is a piece of evidence showing that this is not the right way to go. Russian has items like *životnoe* 'animal', which function as nouns, while having adjectival morphology. In terms of their adnumerative form, they follow their morphological classification, and behave as adjectives. The default, then, is to be stated within the morphological component, rather than at the syntax-morphology interface.

the adnumerative in Serbian/Croatian/Bosnian

This is also known as the 'quantification form' (Naylor 1977) or the '234 form' (Browne 1993). It is specially interesting for our topic, since it has no unique form: it is always syncretic with some other form in the paradigm. However, the situation is still complex, since rules are required to specify the required form of nouns, adjectives, determiners and verbs.

In conclusion, the Slavonic examples of mismatches between the requirements of syntax and the paradigm structure of various numbers of lexemes require us to work further on the syntax-morphology interface. In most instances, however, there is evidence that the analysis should involve defaults which belong high in the morphological hierarchy rather than at the interface with syntax.

Andriy Danylenko

Pace University

adanylenko@pace.edu

Ukrainian in the Language Map of Europe

The paper deals with the areal-typological profiling of Ukrainian among languages of Europe, constituting Standard Average European (SAE) and, in particular, Central European (CE). The author offers a survey of traditional – comparative-historical (Mareš 1980) and statistical (Besters-Dilger 2000) – interpretations of Ukrainian, followed by that of an areal-typological analysis. Placed recently in the context of the “areal typology” (Dahl 2001) and the “dynamic” taxonomy (Heine and Kuteva 2006), Ukrainian together with Russian and Belarusian appear “less civilized” (replica) languages. East Slavic either borrows surface structures migrating all over the *Europe unie* or imitates deep structures on the model of Standard Average Western European (van der Auwera 1998) or, in particular, a Central European linguistic area (Kurzová 1996), called a Danubian (Décsy 1973) or a Carpathian Sprachbund (Thomas 2008).

In order to elaborate on an alternative placing of Ukrainian in Europe as a linguistic map, the author concentrates on both phonological and morphosyntactic features taken by some scholars as CE salient features. Among the phonological traits one can name the spirantization of *g, the dispalatalization of the palatalized consonants, the existence of medial *l*, and the umlauting (delabialization of the rounded vowels) (Novák 1939/1940, Thomas 2008, 132–34). With an eye of refuting their Sprachbund-forming status, the author places them in a wider context, thus projecting them onto the Ukrainian phonological system. In the morphosyntax, the author dwells on the most representative features, i.e., three-tense system, including a simple preterit derived from the perfect and periphrastic ‘ingressive’ future, preceded by a brief discussion of the nominative-accusative structure of CE languages.

To take the three-tense system in Czech and Slovak as the focus CE languages, the author reminds that the tense reduction in Slavic up to three items can be seen as an elaboration and simplification of aspectual distinctions, for instance, from the formation, among other oppositions, of imperfect vs. aorist through its loss to the regrammation (a change of grammatical content) of the perfective vs. imperfective category in modern eastern Slavic languages (Andersen 2006). Thus, the three-tense system in Czech and Slovak together with the

variety of German spoken in the Carpathian Basin, on the one hand, and a similar temporal system in Hungarian show convergent features by accident.

For the periphrastic ingressive future in CE (H *írni fogok*, G *ich werde schreiben*, Cz *budu psáti*, Slk *budem písati* ‘I shall write’), it is clear that the Hungarian future auxiliary *fog* ‘to take’ is different from the perfective auxiliary ‘to be’ (LCS *bǫdǫ*) used either with the infinitive or the *l*-form (from the resultative participle) in East, West (Slovak, Czech, Sorbian, Polish, Kashubian), and South Slavic (Čakavian, Kajkavian, and Slovene) as well as the German auxiliary *werden* ‘to become’. Accordingly, the corresponding Hungarian future can be labeled “de-inceptive”. A complete de-inceptive analogue of Hungarian is the Ukrainian synthetic or ‘inflectional’ future like *pysaty-mu* (to write-1 sg. fut.), originated from a paraphrase with the inceptive phasal verb *jati* ‘to take’ grammatized subsequently as an auxiliary (Danylenko 2012).

The case of Ukrainian in its relation to SAE, in general, and CE in particular, shows that, to claim that languages can undergo structural changes as a result of contact looks barely enough to explain why particular languages, not necessarily adjacent, show convergent patterns. Based on areal-typological and genetic factors, the author hypothesizes that typologically ‘conservative’, synthetic East Slavic, having fully elaborated on prehistoric aspectual distinctions, might be placed at the center of Europe, thus constituting the so-called ‘Standard Average Indo-European’ (SAIE). At its periphery, one finds the typologically innovative, analytical Western European languages, which elaborated, instead, on tense paradigms tending to get rid of the older aspectual distinctions inherited from the IE times. Demonstrating some features shared by CE, Ukrainian still belongs to the core of SAIE.

LITERATURE

- Andersen, Henning (2006a). ‘Grammation, regrammation, and degrammation. Tense loss in Russian’. *Diachronica* 23(2): 231–58.
- Besters-Dilge, Juliane (2000). ‘Das Ukrainische zwischen West - und Ostslavischem – sprachvergleichende und typologische Bemerkungen’. In Besters-Dilge, Juliane, et al. (eds.). *Sprache und Literatur der Ukraine zwischen Ost und West*. Bern: Peter Lang, 221–33.
- Dahl, Östen (2001). ‘Principles of areal typology’. In Haspelmath, Martin, et al. (eds.). *Languages Typology and Language Universals: An International Handbook*, vol. 2. New York: Walter de Gruyter, 1456–70. (Handbuch zur sprach- und Kommunikationswissenschaft 20.2).

- Danylenko, Andrii (2012). 'Auxiliary Clitics in Southwest Ukrainian: Questions of Chronology, Areal Distribution, and Grammaticalization'. *Journal of Slavic Linguistics* 20(1) (forthcoming).
- Décsy, Guyla (1973). *Die linguistische Struktur Europas: Vergangenheit. Gegenwart. Zukunft*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
- Haspelmath, Martin (2001). 'The European linguistic area: Standard Average European'. In Haspelmath, Martin, et al. (eds.). *Languages Typology and Language Universals: An International Handbook*, vol. 2. New York: Walter de Gruyter, 1492–510 (Handbuch zur sprach- und Kommunikationswissenschaft 20.2).
- Heine, Bernd and Tania Kuteva (2006). *The Changing Languages of Europe*. Oxford, New York: Oxford University Press.
- Kurzová, Helena (1996). 'Mitteleuropa als Sprachareal'. *Acta Universitatis Carolinae. Philologica* 5. *Germanistica Pragensia* 13: 57–73.
- Mareš, František Václav (1980). 'Die Tetrachotomie und doppelte Dichotomie der slavischen Sprachen'. *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 26: 33–45.
- Novák, L'udovít (1939/1940). 'Neznáme nemecké vplyvy na západoslovanský, východoslovanský a maďarský konsonantizmus'. *Linguistica Slovaca* 1-2:106–17.
- Thomas, George (2008). 'Exploring the parameters of a Central European *Sprachbund*'. *Canadian Slavonic Papers* 50(1-2): 123–53.
- Van der Auwera (1998). 'Conclusion'. In van der Auwera, Johan (ed.). *Adverbial Constructions in the Languages of Europe*. Berlin, New York: Mouton der Gruyter, 813–36 (Empirical Approaches to Language Typology. EUROTYP 20-3).

Леонид Л. Иомдин

Институт проблем передачи информации им. А.А. Харкевича РАН

iomdin@gmail.com

Микросинтаксис русского языка

1. Что такое микросинтаксис?

В течение последнего десятилетия автор активно исследовал разнообразные, по большей части маргинальные, явления русского синтаксиса, которые прежде не получали адекватного отражения ни в грамматических описаниях, ни в лексикографических построениях и словарях.

Если говорить об общей синтаксической системе языка, то легко убедиться в том, что она состоит из двух неравных и существенно различных частей, по сути дела, двух синтаксисов. Это, во-первых, основной синтаксис языка, который включает относительно небольшое число базовых конструкций, и, во вторых, периферийный, содержащий во много раз большее количество конструкций. Базовые конструкции высокочастотны, неидиоматичны и строятся на основе весьма общих грамматических правил. Каждая из периферийных синтаксических конструкций встречается в текстах значительно реже, чем любая базовая, хотя в целом их частотность очень высока: – едва ли не во всяком русском предложении, кроме, может быть, самых элементарных, выступает хотя бы одна периферийная конструкция.

Часть синтаксиса языка, образуемую периферийными конструкциями, иногда называют «малым синтаксисом». Автору представляется более правильным использовать для характеристики этой совокупности языковых явлений термин «микросинтаксис»: ведь, по сути дела, речь идет не о величине или большей/меньшей важности соответствующего фрагмента языка, а о том, какие методы следует применять при работе с ним. Исследование и описание любых периферийных языковых конструкций, как и обработка их в компьютерных приложениях, требует методов, подходов и инструментов гораздо более индивидуальных, штучных, прецизионных, менее поддающихся внутриязыковой и межъязыковой экстраполяции, чем те, которые применяются для базовых конструкций. Здесь уместно, по нашему мнению, провести аналогию с медициной: как известно, некоторые органы человека нуждаются в более тонких методах оперативных вмешательств, чем другие органы. Комплекс таких методов называется микрохирургией. Последняя не противопоставляется общей хирургии по масштабу или принципу значимости, а является ее составной частью. Именно составной, хотя и

специфической, частью общего синтаксиса языка является микросинтаксис в изложенном только что понимании.

В состав микросинтаксиса входят объекты двух основных типов – (1) нестандартные синтаксические конструкции и (2) синтаксические фраземы. Граница между этими объектами достаточно условна; по мнению автора, главным различающим критерием тут является степень **лексикализации** объекта. Скажем, инфинитивно-модальная безличная конструкция *Z-у X-овать* ‘Z-у предстоит X-овать’ (*Тебе выходить на следующей; “Вздыхнул я и открылся: из такого я, девочки, вагона, что вам жить, а мне умирать”* – А. Солженицын) относятся к первому типу, так как лексическое заполнение обоих элементов конструкции, в общем, не ограничено. К этому же типу следует, по нашему убеждению, отнести и инфинитивно-модальную конструкцию *Z-у не X-овать* ‘Отсутствует перспектива, что Z сможет X-овать’ (*Одному тут не справиться, “Мне этот бой не забыть нипочём”* – В. Высоцкий): хотя один элемент этой конструкции лексически жёстко ограничен (он реализуется единственной лексической единицей *не*), тем не менее другие позиции конструкции лексически свободны, а ограничения затрагивают слово весьма общей семантики, по существу, слово служебное.

С другой стороны, конструкцию *Z-у не до X-а* $\approx$ ‘Z занят более важными делами, чем X, и считает, что X-ом можно пренебречь’ (*Мне было не до обеда, “Богам не до этого – их удел – творенье”* – В. Голованов), автор отнёс бы ко второму микросинтаксическому типу, поскольку здесь лексически связанными являются целых два словесных элемента – *не* и *до*.

Безусловно ко второму микросинтаксическому типу, т.е. к синтаксическим фраземам, относятся единицы типа *руки чешутся* (сделать что-л.; ср. “У людей руки чешутся кидать камни, а тут объявляется, что это священная обязанность – Ф. Искандер). От обычных фразеологических единиц, лишенных синтаксической специфики (таких, как *смотреть сквозь розовые очки*, синтаксически не отличающихся от свободного словосочетания того же лексического состава) эта единица отличается идиосинкратической способностью управлять инфинитивом – способностью, которой лишены оба её лексических элемента.

Синтаксической спецификой обладают такие разные фразеологические и полуфразеологические выражения, в разное время подробно исследованные автором, как *всё равно* (во всех значениях этой фраземной вокабулы, ср. *Я всё равно стану космонавтом, Нам всё равно, куда ехать, Писать — это всё равно, что чувствовать*), *Этому человеку хоть бы что; Какого чёрта ты здесь сидишь?*, многочисленные типы конструкций с лексически повторяющимися элементами (*Работа есть работа* (Б. Окуджава); *Культ не культ, а чего не случается* (А. Галич); *Учеба учебой, а отдохнуть тоже надо; Стучи не стучи, тебя никто не услышит; Вань, а Вань* и т.д.

2. Один класс русских разговорных конструкций

Многие конструкции обоих микросинтаксических типов обладают важной особенностью, которая делает их трудными для адекватного научного описания: они находятся на пересечении грамматики и словаря.

В данном докладе автор хотел бы остановиться на одном таком промежуточном словесно-грамматическом объекте русского языка, который до сих пор, насколько нам известно, специально не изучался в литературе. Имеются в виду разговорные конструкции типа *Хорошо меня там не было*.

Эти конструкции представлены в следующих примерах, взятых из современных текстов, бытующих в Интернете:

(1) А они, пся крев, к девушке приставали. Ну, конечно, помочь ей решил, а тут патруль. Один из немцев в меня вцепился. Я, чтоб вырваться, ему и въехал камнем по голове. Он упал, а я побежал – патруль за мной. Потом домой приходили – **хорошо меня не было**. Тогда отец и сказал, что нужно к советским уходить. А документы у меня были, но я их вместе с курткой утопил, когда реку переплывал. Вы же видели, что там творилось? (В. Конюшевский. Попытка возврата)

(2) Здесь раньше был другой памятник, работы русского скульптора 18 века; но мэр этого городишки приказал его убрать... Хорошо мы сумели его спасти от уничтожения - все экскурсоводы вышли на забастовку и пригрозили, что экскурсии в этот город вообще прекратятся. Тогда старинный памятник просто перенесли в другое место...

(3) [По незнанию залили воду в бензобак.] Досталось и завгару с начальником отдела кадров, которые берут на работу таких остолопов. Хорошо еще не успел мотор завести и засосать в него воду, а то пришлось бы карбюратор разбирать.

Нашей задачей является установить, 1) какие лексические единицы входят в состав такой конструкции; 2) какова ее синтаксическая структура и 3) каковы ее семантические особенности.

В рамках исследования мы опираемся на некоторые теоретические принципы лингвистической модели «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст» И.А. Мельчука, Ю.Д. Апресяна и их ближайших коллег, а также решения, принятые при создании многоцелевого лингвистического процессора ЭТАП-3. В частности, мы исходим из того, что

неоднозначные словоформы типа *хорошо*, *интересно* и т.д. могут относиться к одной из двух частей речи: прилагательному и наречию.

В качестве наречия такую словоформу следует трактовать тогда, когда она выступает как обстоятельство при глаголе (*Он хорошо <интересно>играет на скрипке*), а в качестве прилагательного – во всех случаях, когда она выступает в позиции сказуемого: не только в бесспорных ситуациях, когда подлежащим является обычное существительное, типа *Ваше мнение нам интересно*, “*Впечатление хорошо тем, что это неуязвимая штука*” (Д. Гранин), но и в таких ситуациях, в которых некоторые исследователи видят особую часть речи – предикатив: *Хорошо летом в деревне; Интересно узнать, когда будет следующий поезд; Хорошо прогуляться перед сном; Хорошо, что я вовремя отказался* и т.п. Коротко говоря, аргументация здесь такова: разумно считать, что в предложениях типа

(4) Интересно, что, развязывая сексуальную энергию масс, сами пророки очень часто бывают импотентами и говорят женскими голосами (В. Войнович. Москва 2042);

и

(5) Мне кажется интересным, что американские критики очень скептически относятся к нашим трудам о Гоголе, где он рассматривается как мастер реализма (Я. Засурский)

единица *интересный* одна и та же. Поскольку в (5) это бесспорно прилагательное, в (4) тоже имеет место прилагательное. Слово *хороший* в предикативном употреблении в форме полного прилагательного встречается нечасто, но все же встречается:

(6) Эта педагогика напоминает мне Гейне: он находит очень хорошим, что в немецких школах преподают римскую историю так, как ее преподавали до Нибура (А.И.Герцен, Русские немцы и немецкие русские).

На этом основании разумно усматривать прилагательное и в предложении (7):

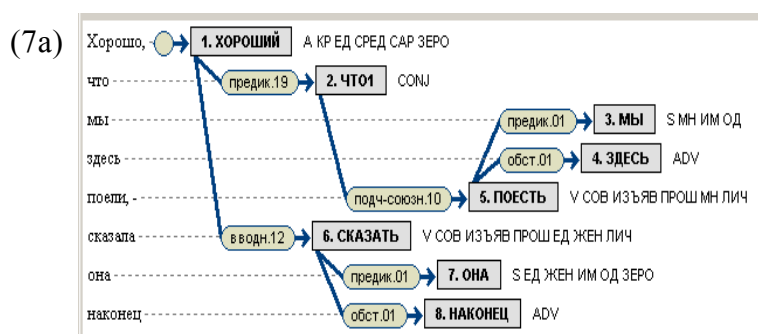
(7) Хорошо, что мы здесь поели, - сказала она наконец (А. и Б. Стругацкие, Улитка на склоне).

Par extension, мы видим прилагательное, а не наречие и в конструкциях с ненулевой связкой *быть*:

(8) Особенно было хорошо, что знания его не лежали в нем мертвым грузом, а все время крутились, кипели, сцеплялись друг с другом, проверялись наблюдениями, складывались в новое и интересное (В.В.Вересаев, Исанка).

Разумеется, не все предикативные слова разумно считать прилагательными. Таковы, в частности, наречия, у которых нет пары среди прилагательных (*жаль, надо, можно, нельзя*), а также наречия, которые по смыслу далеко отстоят от такой пары (*жалко*).

Какова синтаксическая структура предложений с предикативными прилагательными и наречиями, в частности, предложений (4)-(8)? Как правило, предикативные прилагательные или наречия синтаксически подчиняют себе придаточное предложение, вводимое союзом, союзным словом или бессоюзно, либо инфинитивный оборот, ср.

Очевидно, что сами по себе предикативные слова не имеют управляющих свойств, которые обуславливали бы синтаксическое подчинение им придаточных клауз или инфинитивных оборотов. Если мы сравним предложения

(9а) Мне льстило, что он меня пригласил

и

(9б) Мне было лестно <казалось лестным>, что он меня пригласил,

то увидим, что глагол *лстить* управляет союзом *что*; а слово *лестный* им непосредственно не управляет: **Лестный, что он меня пригласил, поступок*. В (9б) имеет место несобственное управление союзом со стороны прилагательного, проявляющееся тогда, когда это прилагательное исполняет роль сказуемого. Такое несобственное управление слов мы задаем с помощью специального конструкта – особой серии синтаксических признаков. У слова *интересный* имеются, в частности, синтаксические признаки **предчто, прединф, предвопр**: *Интересно, что...*, *Интересно знать, кого это*

хоросят с такими удивительными лицами... (М.Булгаков, Мастер и Маргарита), Интересно, зачем он меня вызвал, Интересно, придет он или нет и т.д. У слова *хороший* имеется больше синтаксических признаков: **предчто, прединф, предчтобы, предесли, предкогда**, ср. *Хорошо, что...; Как хорошо уметь читать!* (В.Берестов); *Вижу я, что иногда хорошо любить, а иногда хорошо и ненавидеть; иногда хорошо, чтобы тебя били, и иногда хорошо, чтобы ты и сам кого-нибудь побил.* (Л.Н. Андреев), *Хорошо, если конь закусил удила* (В.Высоцкий), *Хорошо, когда ты подготовлен заранее* (А. Вампилов).

А вот признака **предвопр** у слова *хороший* нет: **Хорошо, куда он пошел.*)

Обратимся теперь к примерам (1)–(3) и посмотрим, можно ли интересующие нас конструкции, представленные в них, интерпретировать в терминах перечисленных выше синтаксических свойств слова *хороший*. На первый взгляд кажется, что эти конструкции весьма близки к конструкциям, где слово *хорошо* выступает в качестве сказуемого, подлежащее при котором выражено придаточным, вводимым союзом *что*. Действительно, в (1)–(3) везде после *хорошо* можно вставить союз *что*, и предложение останется правильным. Может быть, тем самым в этих примерах представлен бессоюзный вариант конструкции *хорошо, что*, и их следует трактовать как проявление все того же синтаксического признака **предчто**? К примеру, в английском языке соответствующие конструкции свободно взаимозаменяются: *It is good that I knew this = It is good I knew this.*

По нашему мнению, это не так. Хотя добавление в наши конструкции союза *что* допустимо, обратное преобразование –

Хорошо, что P ⇒ *Хорошо, P*

возможно далеко не всегда. В частности, если при *хорошо* есть какие бы то ни было зависимые элементы, преобразование становится невозможным. В примерах (10)–(18) варианты (а) правильны, а варианты (б) – нет:

- (10) а. Как хорошо, что мы здесь! – б. *Как хорошо мы здесь
 (11) а. Очень хорошо, что ты сомневаешься!
 – б. *Очень хорошо ты сомневаешься!
 (12) а. Хорошо ли, что он ушел? – б. *Хорошо ли он ушел?
 (13) а. Было хорошо, что он ничего не знает.
 – б. *Было хорошо он ничего не знает.
 (14) а. Кому хорошо, что ты столько работаешь?
 – б. *Кому хорошо ты столько работаешь?
 (15) а. Было лучше, что он не вернулся – б. *Было лучше он не вернулся.
 (16) а. Наверное, хорошо, что мы остались одни.
 – б. *Наверное, хорошо мы остались одни.

- (17) а. Ты знаешь, хорошо, что я отказался от этой работы.
– б. *Ты знаешь, хорошо я отказался от этой работы.
- (18) а. Он согласен со всеми, кто считает, что хорошо, что он уволился
– б. *Он согласен со всеми, кто считает, что хорошо он уволился.

Похоже, что в наших конструкциях *хорошо* может выступать лишь изолированно.

Единственное исключение составляет контекст частиц *ещё* и *хоть*:

- (19) а. Хорошо еще, что не проиграли – б. Хорошо ещё не проиграли
(20) а. Хорошо хоть, что не проиграли – б. Хорошо хоть не проиграли.

Характерно, что даже для частицы *уже* такое преобразование не проходит:

- (21) а. Хорошо уже, что не проиграли – б. *Хорошо уже не проиграли.

Невозможно такое преобразование и для любых синонимов или антонимов *хорошо*:

- (22) а. Отлично <здорово, великолепно>, что мы выиграли право провести чемпионат мира по футболу – б. *Отлично <здорово, великолепно> мы выиграли право провести чемпионат мира по футболу
(23) а. Нехорошо, что я это говорю и знаю (Б.Пастернак, Доктор Живаго)
– б. *Нехорошо я это говорю и знаю

В этих условиях считать, что в (1)-(3) мы по-прежнему имеем дело с прилагательным *хорошо* и его несобственным управлением бессоюзным придаточным, по-видимому, неверно.

Может быть, *хорошо* становится здесь вводным словом? Для других предикативов такие трансформации вполне обычны, ср.

- (24) а. Похоже, что он ушел $\Rightarrow$ б. Похоже, он ушел = в. Он, похоже, ушел
= г. Он ушел, похоже.

Однако для *хорошо* эта трансформация недопустима: в (25) варианты (в) и (г) либо грамматически неверны, либо в них фигурирует наречие *хорошо* и они означают нечто совершенно не относящееся к нашему материалу:

- (25) а. Хорошо, что он ушел – б. Хорошо он ушел – в. ??Он хорошо ушел
– г. *Он ушел хорошо

Добавим, что в (25б) интонационная картина совершенно другая, чем в вводных конструкциях (24б-г).

Учитывая всё сказанное, мы приходим к выводу, что в рассматриваемых конструкциях *хорошо* – это не прилагательное и не наречие. Это особый союз, так сказать, *in statu nascendi*, близкий по синтаксическому поведению и даже по семантике к уступительному союзу *правда*. Постулирование такого союза хорошо объясняет перечисленные выше особенности конструкции, а также ее семантику.

Предложение с союзом *хорошо* заполняет **срединную позицию в дискурсе**, что наглядно демонстрируют примеры (1)-(3).

Типичное употребление такой единицы – в текстах, описывающих развитие ситуации в нежелательном для ее субъекта направлении. Если говорится

Хорошо Р,

то это означает, что благодаря Р ситуация приняла менее драматический оборот, чем могла бы. Возможно, полная схема словарного толкования союза *хорошо* должна включать три переменных предиката::

Q;

Хорошо Р;

если бы не имело место Р, то было бы R

Похожим образом характеризует семантику интересующей нас конструкции Н.Д.Арутюнова, которая, не вдаваясь в грамматические подробности, интерпретирует выражение типа *хорошо еще* = «не так плохо, менее плохо, еще ничего, могло бы быть хуже, бывает хуже», и отмечает, что “ту же функцию выполняет опущение союза *что*: *Хорошо еще люди помогли, а то совсем бы пропал; Хорошо нашелся добрый человек, выручил*. Такие предложения часто используются в ситуации, когда случай (или случайный человек) помог выйти из беды.” (Н. Д. Арутюнова. Об объекте общей оценки. ВЯ, 1985, № 3).

Союз *хорошо* заполняет семантическую нишу, оставленную уже вполне готовым союзом – *благо* ≈ ‘тем более что’.

Попробуем сравнить союз *благо* и слово *хорошо* в союзном употреблении. Нетрудно увидеть, что если в предложении

(26а) Ученые настроены довести проект до конца своими собственными силами, благо в команде археологов двенадцать пар крепких рабочих рук, готовых повторить подвиг таежных строителей

заменить *благо* на *хорошо*:

(26б) Ученые настроены довести проект до конца своими собственными силами, хорошо в команде археологов двенадцать пар крепких рабочих рук, готовых повторить подвиг таежных строителей

смысл существенно изменится. *Благо* в (26а) означает, что наличие сильных рабочих **способствует достижению желаемого результата**. *Хорошо* в (26б) означает, что наличие таких рабочих **противодействует наступлению нежелательного результата**. Тем самым союзы *благо* и *хорошо* оказываются в некотором смысле антонимичными.

В докладе будут детально рассмотрены некоторые другие аспекты принятого решения, изложение которых мы в целях экономия места сейчас не приводим.

Eleonora Iovkova-Shii

Kanda University of International Studies

yov.shii@eos.ocn.ne.jp

Grammaticalization and the Bulgarian *-l* participle: Semantic-Functional Shift from Tense-Aspect to Modality

Since Meillet (1912/1948) the term “grammaticalization” has been used in two different ways: “to refer to that part of the study of language that focuses on how grammatical forms and constructions arise, how they are used, and how they shape the language”, and “to address the processes whereby items become more grammatical through time” (Hopper and Traugott, 1993). Regarding the second usage, two types of grammaticalization have been distinguished, e.g. the making of a grammatical formative out of a lexical item, and the making of a “more” grammatical formative out of a “less” grammatical formative (cf. Heine, Claudi and Hünnemeyer, 1991). Again, as it has been pointed out (Traugott, 1989; Hopper, 1991), grammaticalization is not distinct from other kinds of semantic change.

In this presentation I will focus on the Bulgarian *-l* participle and discuss the categorial shift of the *-l* participle forms within the framework of grammaticalization.

The Bulgarian *-l* participle has functions in three categorial domains: tense, aspect, modality. Some of the participle forms preserve the functions of the prototype, e.g. tense-aspect, achieving new modal functions. Others function entirely in the modal domain. The widening of the semantic-functional domain of the *-l* participle can be viewed as a case of grammaticalization.

The studies on grammaticalization are usually concerned with the diachronic process, but as it has been pointed out (Lehmann 1986), grammaticalization can also be interpreted as a synchronic process. In this presentation the main concern will be the synchronic situation of the *-l* participle forms.

The grammaticalization of the *-l* participle presents a situation of decategorization of the tense-aspect category. The decategorization of tense-aspect is accompanied by a process of subjectification. The path of the semantic-functional change of the *-l* participle forms displays a tendency to move from more concrete (propositional) or objective meaning to more abstract (non-propositional), or expressive meaning. As Traugott (1989) states the reverse change, e.g. expressive > propositional, is highly unlikely to occur.

As I mentioned, the functional domain of the *-l* participle constructions overlaps with the domains of three different grammatical categories – tense, aspect, and modality. Again, the *-l* participle forms show a variety in accordance with the aspectual properties of the participle

(Aorist participle, Imperfect participle) and preservation or omission of the auxiliary in third person.

The form with the Aorist participle preserving the auxiliary in third person maintains the prototypical functions (tense-aspect) and at the same time acquires new modal meanings. This form displays a polysemy as shown below.

- 1) *Ivan e došāl.*
  - a.) Ivan has come (=Ivan came and he is now here).
(current relevance of past action = perfect)
  - b.) It seems that Ivan has come. (inference)
  - c.) I am surprised to know that Ivan has come. (surprise)

The situation where one and the same form expresses several meanings can be defined as a process of generalization, e. g. “a morpheme covers a wider span of meanings” or “has a more general distribution” (Bybee and Pagliuca, 1985).

The form with the Aorist participle is polisemous but there are means to distinguish the functions and the polysemy can be eliminated on the syntactic or contextual (discourse) level.

The existence of the generalization stage points to the fact that the grammaticalization process has not yet come to an end. Heine (2002) calls this stage a “switch context stage” - the stage responsible for the grammaticalization process. If we use the schema for the grammaticalization process proposed by Hopper and Traugott (1993), which is $A > A+B > B$ (or, the modified version $A > B/A > B$), we can say that the situation with the Aorist participle form presents the second stage $A > \boxed{A+B} > B$ ($A > \boxed{B/A} > B$) of that schema.

The diachronic change of perfect to inference from result and indirect evidence was facilitated by the similarities (or, if we borrow Heine’s term “analogy”) between the two meanings. Again, it has been pointed out (Dahl, 1985; Traugott, 1989; Traugott and König, 1991; Bybee, 1994; Bybee et al. 1994) that conventionalization of implicature plays a crucial role in semantic change.

Again, concerning the process of grammaticalization, it has been disputed whether this process is a kind of bleaching/weakening (Sweetser, 1988) or strengthening (Hopper and Traugott 1993) of the function. As for the generalization stage, it is highly unlikely to accept bleaching. Rather, the bleaching, or more correctly said, the specification, occurs in the next stage where decategorization (the shift from one category to another) /refunctionalization (functional renewal represented as continuity of form and discontinuity in function) occurs. This process can be displayed as follows:

generalization of meaning > pragmatic strengthening > specification (bleaching)

$A > A + B \quad > \quad A > B + A \quad > \quad A > B$

Besides the Aorist participle forms preserving the auxiliary in third person, Bulgarian has other *-l* participle forms functioning entirely in the modality domain.

Another type of *-l* participle form is one with Aorist or Imperfect participle omitting the auxiliary in third person. This form expresses report or admirativity with present implication.

- 2) Ivan došál.
It is been said that Ivan has come. (report)
- 3) Dášterja vi svirela mnogo hubavo na piano.
I am surprised to know (from what I am witnessing now)
that your daughter plays piano so well.
(surprise for ongoing event)

Again, there are forms preserving the auxiliary in third person but occurring only with the Imperfect participle. These forms express “inference from report” and have their own functional domain. As example 4’) (ungrammatical) shows, such a form can not be used in a situation of “inference from result”. In a situation of “inference from result” the Aorist participle form is used as in 4”).

- 4) Toj e piel mnogo.
I infer from what I have heard that he had drunk a lot. /
I infer from what I have heard that he drinks a lot in general.
- 4’) *Toj e piel mnogo.Litzeto mu e červeno.
I infer from what I have heard that he had drunk a lot. His face is red./
I infer from what I have heard that he drinks a lot in general. His face is red.
- 4”) Toj e pil mnogo.Litzeto mu e červeno.
I infer from what I see that he has drunk a lot. His face is red.

Finally, there are constructions with *bil* which, in my opinion, invariably express “disbelief”. The meaning of “disbelief” is sometimes explicated as shown below.

- 5) A pāk deto kazvat, če vālčitzata se bila ovālčila v nivite, ne vjarvam.
They say that the she-wolf brought forth young in the field, but I do not believe it.

The situation with the Bulgarian *-l* participle forms is very similar to that of the Turkish *-miş* forms. This has caused some authors (Georgiev, 1952; Andrejčin, 1953; Mirčev, 1963) to state that the paradigm of the Bulgarian *-l* participle forms and their functions is a calque or borrowing from Turkish. Similarities with the Turkish evidential are striking and cannot be denied but as Friedman (1978) and Gerdžikov (1984) point out, Turkish provided merely an impetus for what was essentially native development. Also, as Gerdžikov (1984) states, the beginning of this phenomenon can be found far earlier than the Ottoman period.

REFERENCES

- Andrejčin, L. 1953. "Gramatikata kato nauka i nejnata praktičeska rolja." *Bălgarski ezik* 4.
- Bybee, J. 1994. "The grammaticization of zero." *Perspectives on grammaticalization*, W. Pagliuca (ed.), 235-254. Amsterdam: John Benjamins.
- Bybee, J., W. Pagliuca 1985. "Cross-linguistic comparison and the development of grammatical meaning." *Historical semantics, historical word-formation*, J. Fisiak (ed.), 59-83. Berlin: Mouton.
- Bybee, J., R. Perkins, W. Pagliuca 1994. *The evolution of grammar. Tense, aspect, and modality in the languages of the world*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Dahl, Ö. 1985. *Tense and aspect systems*. Oxford: Basil Blackwell.
- Friedman, V. 1978. "On the semantic and morphological influence of Turkish on Balkan Slavic." *Papers from the fourteenth regional meeting Chicago linguistic society*, 108-118.
- Georgiev, V. 1952. "Opit za periodizacija na istorijata na bălgarskija ezik." *Izvestija na Instituta za bălgarski ezik* 2.
- Gerdžikov, G. 1984. *Preizkazvaneto na glagolnoto dejstvie v bălgarsija ezik*. Sofija: Nauka i Izkustvo.
- Heine, B. 2002. "On the role of context in grammaticalization." *New reflections on grammaticalization*, I. Wischer, G. Diwald (eds.), 19-29. John Benjamins.
- Heine, B., U. Claudi, F. Hünemeyer 1991. *Grammaticalization. A conceptual framework*. The University of Chicago Press.
- Hopper, P. 1991. "Some principles on grammaticalization." *Approaches to Grammaticalization* 1, E. Traugott, B. Heine (eds), 17-35. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hopper, P., E. Traugott 1993. *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lehmann, C. 1986. "Grammaticalization and linguistic typology." *General Linguistic* 26-1, 3-23.
- Meillet, A. 1912/1948. *Linguistique historique et linguistique générale*, 1, 130-148. Paris: Edouard Champion.
- Mirčev, K. 1963. *Istoričeska gramatika na bălgarskija ezik*. Sofija: Nauka i Izkustvo.
- Sweetser, E. 1988. "Grammaticalization and semantic bleaching." *Berkley Linguistics Society* 14, 389-405.
- Traugott, E. 1989. "On the rise of epistemic meanings in English: an example of subjectification in semantic change." *Language* 65-1, 31-55.
- Traugott, E., E. König, 1991. "The semantics - pragmatics of grammaticalization revisited." *Approaches to grammaticalization* 1, E. Traugott, B. Heine (eds), 189-218. Cambridge: Cambridge University Press.

Fumiaki Hattori

Kyoto University

hattori@slav.mbox.media.kyoto-u.ac.jp

Grammaticalized or Not: Some Examples from the Early Old Russian Past Tenses

1. This paper examines some forms of the early Old Russian past tenses and questions whether they should be considered ‘grammaticalized’.

It is well known that the term ‘grammaticalization’ was probably first used by the French linguist Meillet.

It was Bréal’s compatriot, Antoine Meillet, who may be called the founder of modern grammaticalization studies. His “L’*évolution des formes grammaticales*”(1912) marks the beginning of a perspective of grammaticalization that is still prevalent today. (Heine, Claudi & Hünemeyer 1991: 8)

The classic definition of the term grammaticalization has been provided by Heine, Claudi & Hünemeyer (1991: 2): “Where a lexical unit or structure assumes a grammatical function, or where a grammatical unit assumes a more grammatical function, we are dealing with grammaticalization.” It might be added that grammaticalization involves changes at formal, functional and semantic levels, and therefore some definitions make reference to certain semantic or syntactic characteristics of grammaticalization.

2. Traditional grammars explain that a great difference exists between Old Russian and modern Russian, especially in the past-tense paradigms. In their view Old Russian has two simple past tenses, the aorist, the imperfect, in addition to perfect tenses all based on the 1-participle. Moreover, the early Old Russian past tenses are the same as in the Old Church Slavonic, whereas later Old Russian shows the gradual loss of all forms except the -1 form without overt auxiliaries, with the loss of the aorist completed sometime in the thirteenth century (Кузнецов 1959: 215-16).

These important changes in the past tense system of Old Russian may well be discussed in the context of grammaticalization.

3. However, the early Old Russian past tenses can also be considered from the revisionist position. For example, Klenin writes:

It has long been recognized that the traditional analysis of Old Russian past-tense system is inadequate to describe how the tense forms are distributed in Old Russian texts.

Sobolevskij observed that the Old Russian imperfect occurs in religious and other clearly Slavonic texts, but not in legal texts, a fact that led him to consider it alien to native Russian from the very beginning of its attested history. More recently, such scholars as Alexander Issatschenko, B. A. Uspenskij, and K. V. Gorshkova and G. A. Khaburgaev have emphasized that the aorist, too, is artificial in Old Russian, as early, they have claimed, as the eleventh century. In this (for lack of a better term, ‘revisionist’) view, native East Slavic from the eleventh century onward had a tense system much like that of modern Russian (with an *-l-* form past tense), whereas the aorist was characteristically Slavonic (Klenin 1993: 330).

Some examples from the Archangel Gospel of 1092 are notable, because these might support the revisionist view of the early Old Russian past tenses.

- 1) И ВЪРОВАША ЪКО ТЫ ЇСИ ПОСЪЛАЛЪ МА. (16v : 15)
- 2) ПИЛАТЪ ЖЕ ДИВИ СА. АЩЕ ОУЖЕ ОУМРЕ. И ПРИЗВАВЪ
КЕНТОУРИОНА. ВЪПРОСИ ЮГО. АЩЕ ОУЖЕ ОУМЪРЛЪ ЇСТЬ.
(112v : 4)
- 3) МЪСТА. ИДЕЖЕ ЛЕЖАЛЪ Г(ОСПОД)Ъ. (121v : 15)

When compared with the examples from other texts, these examples are more appropriately explained as an *l*-form past tense rather than a compound perfect.

REFERENCES

- Heine, Bernd, Claudi, Ulrike & Hünemeyer, Friederike. 1991. *Grammaticalization: A conceptual Framework*. Chicago: Chicago University Press.
- Klenin, Emily. 1993. The Perfect Tense in the Laurentian Manuscript of 1377. In *American Contributions to the Eleventh International Congress of Slavists*, 330-43. Columbus: Slavica.
- Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. 1997. Историческая грамматика русского языка. 2-е изд., испр. М.
- Кузнецов П. С. 1959. Очерки исторической морфологии русского языка. М.

Romuald Huszcza

University of Warsaw

Jagiellonian University in Cracow

rhuszczajp@yahoo.co.jp

Grammaticalization of Honorifics in West Slavic languages

The West Slavic languages, namely Slovak, Czech, Upper and Lower Sorbian and Polish, including minority languages and dialects (such as Kashubian or Silesian), demonstrate clearly various trends, directions and different locations of honorific grammaticalization within the whole linguistic system. There are numerous factors of both intralinguistic and extralinguistic nature which contributed to the development of honorifics as a grammatical category within all these languages, but the scope, content and degree of reflection of the social and cultural background must be analyzed separately with respect to each language. Apart from these relative factors, including sphere of cultural values and different models of social communication with its etiquette and repertory of behavitives, the phenomena of honorific diversification of utterances reveal some universal mechanisms and tendencies of pragmatic nature. The present paper is aimed at a rather general and mostly typologically outlined comparison of honorific opposition systems in all these languages rather than at a detailed analysis of forms and expressions within their sociolinguistic environment.

For honorifics in general the most essential property is their concentration in particular fragments of the language system and two main locations are clearly visible in various languages, namely the set of personal pronouns and the set of verbal inflectional forms. Closely related to the former set is also a peculiar set of phatic forms consisting of titular vocatives, including social and professional titles, personal names and family terms while in the latter it is the subset of 2nd person singular forms, including imperatives, and, in a lesser degree, the 3rd person singular forms where the honorific opposition has been grammaticalized most widely.

In the Slavic languages in general and the West Slavic ones in particular the presence of category of person and its incorporation into predicative parts of speech seems to underlie a strong interdependence between personal pronouns and predicative forms of person and this typological feature brings in result the characteristic departure of honorific distinctions from the set of personal pronouns as a source of their systemic expansion.

Thus, the main areas of the West Slavic honorific distinction can be outlined in the following way:

Titular vocative (phatic) forms Pol. *panie dyrektorze* (Voc. ≠ Nom.)Cz. *pane direktore* (Voc. ≠ Nom.)U.-Sor. *knježe direktoro* (Voc. ≠ Nom.)Slk. *pán direktor* (Voc. = Nom.)L.-Sor. *kněz direktor* (Voc. = Nom.)**Personal pronouns****2nd person sing.**

– HON SING : + HON SING

Cz. and Slk. *ty* : *vy*,U.-Sor. and L.-Sor. *ty* : *wy*,

– HON SING : + HON SING MASC/FEMIN

Pol. *ty* : *pan, pani***3rd person sing.**

– HON SING MASC/FEMIN : + HON SING MASC/FEMIN

Pol. *on, ona* : *pan, pani*

(in case of a person spoken about and present as a listener)

Predicative forms including imperatives**2nd person forms**

– HON SING MASC/FEMIN : + HON SING MASC/FEMIN

Cz. *proč jsi to dělal, proč jsi to dělala?* : *proč jste to dělal, proč jste to dělala?*U.-Sor. *čehodla sy to činil, čehodla sy to činila?* : *čehodla sće to činil, čehodla sće to činila?*Slk. *prečo si to robil, prečo si to robila?* : *prečo ste to robili?*L.-Sor. *dla cogo sy to cynil, dla cogo sy to cynila?* : *dla cogo sće to cynili?*Pol. *dlaczego to robieś, dlaczego to robiłaś?* : *dlaczego pan to robił, dlaczego pani to robiła?*

– HON DUAL MASC/FEMIN : + HON DUAL

U.-Sor. (wój) *čehodla staj to činiloj, čehodla stej to činiloj?* : (wy) *čehodla sće to činili?*

– HON DUAL : + HON DUAL

L.-Sor. (wej) *dla cogo stej to cyniloj?* : (wy) *dla cogo sće to cynili?*

– HON PLUR MASC/FEMIN : + HON PLUR MASC/FEMIN/MIXED GENDER
/HIGHERREGISTER/LOWER REGISTER

Pol. *dlaczego (wy) to robiliście, dlaczego (wy) to robiłyście?*

: dlaczego panowie to robili, dlaczego panie to robiły,

dlaczego państwo to robili, dlaczego państwo to robiliście?

Imperatives

basic grammaticalizations

– HON IMPERAT SING : + HON IMPERAT SING

Cz. počkej : počkejte

Slk. počkaj : počkajte

U.-Sorb. čakaj : čakajće

L.-Sorb. pocakaj : pocakajšo

– HON IMPERAT SING : + HON IMPERAT SING/MASC/FEMIN

Pol. zaczekaj : *proszę zaczekać/ niech pan/niech pani zaczeka*

– HON IMPERAT PLUR : + HON IMPERAT PLUR/MASC/FEMIN/MIXED GENDER

Pol. zaczekajcie : *proszę zaczekać/ niech panowie, niech panie,
niech państwo zaczekają*

– HON DUAL : + HON DUAL

L.-Sorb. pocakajtej : pocakajšo

– HON DUAL MASC/FEMIN : + HON DUAL

U.-Sorb. čakajtaj, čakajtej : čakajće

All the above forms are taken at random from a wide and complex set of expressions but even here we can see how the honorific grammaticalization in West Slavic was directed and which areas it covered. The honorific oppositions are focused basically on the pronominal forms and verbal predicates which are marked with the strongest degree of social interaction, i.e. the 2nd person sing., representing the communicative role of the addressee. The original semiotic mechanism of the social rank elevation which is prevailing here stems from widening the communicative perspective from INDIVIDUAL YOU toward YOU AND YOUR COMPANY/DEPENDANTS/ATTENDANTS, where such strictly individual contact is “dissolved” by means of symbolic “plurality” of the addressee. In Polish, however, we have another mechanism of changing the communicative perspective which is based in general on

weakening degree of directness of the communicative contact by means of using the 3rd person pronoun (namely pronominally used honorific nouns *pan, pani*) in indicating the addressee of an utterance. Both mechanisms, which have been mentioned here, represent some characteristic communicative gestures of avoiding direct contact with an addressee of higher social rank, originating most probably in a very old taboo which existed in the court etiquette.

When we try to discuss the way of grammaticalization of honorifics in the West Slavic languages we come across traditional grammatical theory strongly influenced by the Latin standard paradigm of conjugation and the implicit pan-Slavism of verbal inflection. This attitude resulted in entirely unified model of conjugation affected by person and number applied to almost all grammars of Czech, Slovak, Upper and Lower Sorbian and Polish, where the honorific forms are consequently omitted. There will be no exaggeration, however, in stating that the West Slavic school grammar, stemming from the period of Leskien and the spirit of comparative diachronic investigation in the same degree as the core of Slavic verbal inflection theory until present day either consequently neglects the existence of honorifics as an inflectional verbal category or treats honorific uses of verbal forms as a sort of irregularity, a case of breaking of person and number agreement or a paradigm-exceeding phenomena.

Therefore the claim of the grammatical and inflectional character of the predicative honorifics in West Slavic languages is yet to be substantiated in a revised shape of verbal paradigm. The only exemption from such traditional attitude, which has been strongly supported by the classical grammatical doctrine, is practically-oriented text books where these forms are being taught on the relatively early level of instruction

It is widely known that the Slavic conjugation in a grammatical characterization is rather complex and multidimensional due to clearly visible overlapping multiple categories. There are numerous conjugation classes and differences within the system of semantic oppositions that situate these languages on mutually contrasting positions. Still the inflectional paradigms, as we can see in the West Slavic case, seem to be based on similar rules. When we try to take as an example a few single fragments of the past tense verbal paradigm in these languages, namely the paradigm of West Slavic equivalents of English *to be* or *to have* we will notice that in all languages in question this fragmental paradigm seems to be surprisingly common. The first important common feature is person, gender and number agreement applied as a main criterion for ordering and internal organization of the paradigm. The second feature is a clearly observable imbalance between purely hypothetical or merely potential forms filling the entire paradigmatic space and forms which, being only pragmatically required, are meaningfully omitted. Therefore the entire paradigm of verbal forms in the West Slavic conjugation is still waiting for filling the gaps.

BIBLIOGRAPHY

- Anusiewicz J., Marcjanik M.(ed.), 1992, *Polska etykieta językowa*, Wrocław
- Bogusławski A., 1985 *De l'adresse, avec référence particulière en polonaise*, "Revue des Études Slaves"
- Brown P., Levinson S., 1987, *Politeness: Some universals in language usage*, Cambridge
- Cybulski M., 1994, *Pan i sługa. Niektóre uwarunkowania zmian w polskich obyczajach językowych*, E. Wrocławska (ed.) „Uwarunkowania i przyczyny zmian językowych”, Warsaw
- Engel U., 1988, *Deutsche Grammatik*, Heilderberg
- Huszczka R., 2006, *Honoryfikatywność. Gramatyka, pragmatyka, typologia*, Warsaw
- Laskowski R., 1998, *Semantyka trybu rozkazującego*, „Polonica”, vol. XIX
- Łaziński M., 2006, *O paniach i panach. Polskie rzeczowniki tytularne i ich asymetria rodzajowo-płciowa*, Warsaw
- Lubecka A., 1993, *Forms of address in English, French and Polish*, Krakow
- Marcjanik M., 1997, *Polska grzeczność językowa*, Kielce
- Okopień Sławińska A., 1979, *Jak formy osobowe grają w teatrze mowy*, C. Niedzielski, J. Sławiński (eds.) „Tekst i fabuła”, Wrocław
- Ożóg K., 1990, *Zwroty grzecznościowe współczesnej polszczyzny mówionej*, Warsaw
- Rittel T., 1985, *Kategoria osoby w polskim zdaniu*, Warsaw
- Šewc H., 1968, *Gramatika hornjoserbskeje reče. 1. zvjak fonematika a morfologija*, Budišin
- Wierzbicka A., 1992, *Semantics, Culture and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*, New York

Юрико Канэко
университет Иватэ
ykaneko@iwate-u.ac.jp

Функционирование аспектуальных доминант в повествовательных текстах: на материале русского и японского языков¹

Аспектуальные системы в разных языках мира могут различаться по степени грамматикализованности аспектуальных значений, которые выражаются в виде специальных языковых оформлений. Актуальность вопроса о выявлении этих различий в славянской аспектологии повышается при определении видовой парности глаголов, а именно степени грамматикализации некоторых приставок (например, *идти-пойти, кричать-закричать*). Проблема состоит в том, что грань между аспектуальной граммемой и исходной лексемой иногда бывает настолько неопределенной, в силу их тесной взаимосвязи что, по словам В.В. Виноградова, «категория вида является ареной борьбы и взаимодействия грамматических и лексических значений» (Виноградов 1947:499). Сложность установления границы между аспектуальной граммемой и акциональной лексемой в отдельном языке обусловлена, как правило, тем, что их объединяет и интегрирует аспектуальное выражение на различных языковых уровнях.

В исследованиях русской и японской языковых картин мира выявлены разные семантические доминанты, играющие особую роль в представлении динамических явлений и формировании аспектуальной системы того или иного языка. В русском языке это идея **ПРЕДЕЛА** как временной границы действия (Петрухина 2003), в японском языке – идея **СТАБИЛЬНОСТИ** ситуации как временной континуум (Канэко, Петрухина 2004, Канэко 2005). Различие этих аспектуальных доминант в сравниваемых языках оказывает влияние, прежде всего, на разное членение находящегося в поле зрения говорящего фрагмента действительности, на выбор разных его признаков для номинации, а также на сами способы номинации.

В русском языке момент предела в развитии действия как его «критическая точка» актуализирует представления о темпоральной структуре ситуации и ее временных границах и отражается в таких аспектуальных признаках, как предельность/непредельность, а также в категориальном значении маркированного совершенного вида (СВ). Идея временной границы является ведущей в русском

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке МEXT Kakenhi, грант №23720191.

отглагольном словообразовании (ср. разнообразные модификаторы, выражающие временную границу действия: *за-/по-/про-/отговорить* и т.д.).

В отличие от русского языка в японском языке развита семантическая сфера идеи стабильности, или ее противоположной стороны – “немаркированность” предела глагольного действия². При представлении его стабильных фаз употребляется ряд продуктивных типовых аналитических конструкций (*-te iru*, *-te aru*, *-te iku*, *-te kuru* и др.), подробно см. (Канэко 2010). Среди них наиболее грамматикализованной считается форма на *-te iru* ‘быть’³ (*-te ita* в прош. вр.), актуализирующая наличие различных стабильных фаз ситуации, синхронной моменту наблюдения, в частности состояния, процесса, свойства, отношения, а также некоего эффекта действия (в перфектном значении). А идея предела выражается немаркированной, простой формой глагола на *-ru* (*-ta* в прош. вр.), которая, будучи вокабулой, представляет названное действие как нечто целое.

В повествовательных текстах различие аспектуальных форм выполняет таксисную функцию, т.е. выражает хронологические соотношения одновременности/последовательности между действиями. В русском языке, как правило, претеритальные формы СВ обозначают действия, сменяющие друг друга на линии повествования, и придают сюжету развитие, а претеритальные формы НСВ описывают ситуацию, «наличную к определенному моменту в течение событий» (Маслов 1984:183). Отметим, что употребление СВ в данной функции в русском языке становится доминантой, и идея временной границы между событиями выражается более последовательно и четко, чем в других славянских языках (Петрухина 2000, Dickey 2000). В этом отношении происходит сближение граммы СВ и лексемы фазовых дериватов и конструкций. А в японском языке последовательность действий выражается, как правило, немаркированной формой на *-ru* (*-ta*), а их одновременность – маркированной формой на *-te iru* (*-te ita*). При этом в отличие от русского СВ целостность простой формы на *-ru* (*-ta*) не связывается с критической точкой – достижением определенного результата, и его временные границы четко не обозначены.

На фоне вышесказанного различие в аспектуальных доминантах сравниваемых языков может влиять на структурирование повествовательных текстов в русском и японском языках, а также на представление смежных событий, существующих в отдельно взятой ситуации. В докладе будут затронуты результаты анализа некоторых типовых способов преобразования временных отношений между действиями, наблюдаемых при переводе повествовательных текстов с русского языка на японский и обратно. Речь пойдет о следующих случаях: (1) когда в русском оригинале действия описываются последовательно как цепь событий, а в японском переводе они формируются как

² В сопоставительном изучении японского и английского языков не раз отмечено о сравнительно слабой степени идей предела и границы в японском языке (Кагэяма 1990, Ikegami 1993).

³ Исходное значение вспомогательного глагола.

статическое описание ситуации; (2) наоборот, при переводе японского оригинала на русский язык описание стабильных фаз действий интерпретируется с точки зрения границ действий и получает последовательную структуру; (3) когда феноменологическое описание ситуации в японском повествовании преобразовывается в русском языке с точки зрения агенса целенаправленного действия.

ЛИТЕРАТУРА

Dickey S.C. Parameters of Slavic Aspect. Stanford. 2000.

Ikegami Y. What does it mean for a language to have no singular-plural distinction? Noun-Verb homology and its typological implication // Conceptualizations and mental processing in language. Berlin-New York. 1993. С.801-814.

Кагэяма Т. Нихон-го то Эи-го-но гои-то таисё (сопоставление лексики японского и английского языков) // Кодза: Нихон-но то Нихон-го кёику. Токио. 1990. Т.7. С.1-26.

Канеко Ю., Петрухина Е.В. Аспектуальная семантика в глагольных системах русского и японского языков (сопоставительный анализ фрагментов языковой картины мира) // ВЯ. 2004. №4. С.19-33.

Канэко Ю. Начинательность в системе аспектуальных значений в русском языке в сравнении с японским языком. Опыт сопоставительного анализа языковых картин мира. КД. Токио. 2005.

Канэко Ю. Отношение к пределу глагольного действия в японском языке в сопоставлении с русским // Антропология языка. М. 2010. Вып.1. С.58-80.

Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л. 1984.

Петрухина Е.В. Аспектуальные категории глагола в русском языке (в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками). М. 2000.

Петрухина Е.В. Доминантные черты русской языковой картины мира (в сравнении с чешской) // X Конгресс МАПРЯЛ. Русское слово в мировой культуре. Пленарные заседания: сборник докладов. СПб. 2003. Т.1.

Виноградов В.В. Русский язык. М.-Л. 1947.

Юкико Маруяма

Токийский университет иностранных языков

yukikomaru@gmail.com

Употребление дуальных форм в житийных текстах старорусского периода: грамматические и лексические факторы¹

В настоящей работе будет рассмотрено использование дуальных форм в житийных текстах, созданных после исчезновения дв. ч. как грамматической категории в живом языке. Для исследования привлекаются оригинальные русские жития, написанные на рубеже древне- и старорусского периодов и в конце старорусского периода:

1. Житие Стефана Пермского (далее – ЖСП) (ГИМ. Синодальное Собр., № 91, лл. 650–777²), написанное Епифанием Премудрым в 1406 – 1410 гг.
2. Житие Сергия Радонежского (далее – ЖСР), написанное Епифанием Премудрым в 1417 – 1418 гг. Материалом служит текст до преставления Сергия включительно в Пространной редакции (РГБ. Троиц. № 698, лл. 1–156об. и № 663, лл. 539–553)³.
3. Пахомиевские редакция ЖСР (далее – ЖСР (П)), написанные Пахомием Логофетом (Сербом) в середине XV в. Материалом служат Первая (РГБ. Троиц. № 746, лл. 209–261об.), Третья (РНБ. Ф. I. № 306, лл. 74–123об.⁴), Четвертая (РГБ. Троиц. № 116, лл. 355–393об.) редакции и авторский вариант (РНБ. Соф. № 1248, лл. 329–374об.⁵).
4. Повесть о боярыне Морозовой (далее – ПБМ) (РНБ. О.І.341, лл. 1-58об.⁶), созданная в 70 годах XVII вв. Автор не известен⁷.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Grant-in-Aid for Scientific Research (проект №20720105) (Япония).

² Список изучен по изд.: Житие св. Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым / Изд. Археографической комиссией под ред. В.Г. Дружнина. СПб., 1897. Переиздание с введением М. Чижевского, Heidelberg, 1959.

³ Об употреблении форм дв. ч. в ЖСП и ЖСР см. подробнее: Ю. Маруяма. К вопросу о распределении форм двойственного числа в русских житийных памятниках начала XV в. (на материале «Жития Стефана Пермского» и «Жития Сергия Радонежского») // Русский язык в научном освещении, 2011, №21 (в печати).

⁴ Список изучен по изд.: *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 377–439.

⁵ Список изучен по изд.: *Шибеев М. А.* Авторский вариант Жития Сергия Радонежского // ТОДРЛ. СПб., 2007. Т. 58. С. 294–319.

⁶ Список изучен по изд.: Повесть о боярыне Морозовой / подг. текстов и исследование А. И. Мазунина. Л., 1979. С. 127–155.

⁷ Об употреблении форм дв. ч. в ПБМ см. подробнее: Ю. Маруяма О функциональном распределении форм двойственного числа в русском языке XVII в. (на материале «Повести о боярыне

Все контексты с дв. ч. рассмотрены согласно классификации, представленной О.Ф. Жолобовым⁸. На докладе особое внимание уделяется свободному употреблению дв. ч. и конгруэнтным предикатам.

В ЖСП, ЖСР и ЖСР (П) при выборе числовых форм существительных, обозначающих парные части тела, главную роль играют лексические факторы. Если *колѣно, ланита, нога, око, рамо, рука, скраница, слухъ, съсьць, ухо* в основном стоят в дв. ч., то *зѣница, плеще, ручица, стопа, челюсть* – преимущественно во мн. ч. В отличие от житий XV в., в ПбМ лексический фактор такого большого значения уже не имеет, о чем говорит приблизительно равное по количеству использование форм дв. ч. и мн. ч. слов *рука* и *нога*. Там более активную роль играет прагматический фактор. Формы дв. ч. используются исключительно в описании Феодоры и ее единомышленников, ср.: *Феодора же яко узре любезную свою и прием ю за обе руце* (ПбМ, л.40об.)⁹, а для сцен жестоких страданий героинь характерно употребление форм мн. ч., ср.: *Тогда властели, видяще дерзновение ея* (Феодоры – Ю.М.), *повелеша ю взяти и рукавами срачицы ея увиша по концех сосец и руки наопако завязаша и повесиша на стряску. <...> и висла с польчаса, и ремнем руки до жил протерли* (ПбМ, л. 36).

Что касается конгруэнтных предикатов, то в ЖСП, ЖСР и ЖСР (П) на выбор их числовых форм сильное влияние оказывают соответствующие субъекты. При существительных, обозначающих парные части тела, и при числительных *два / оба* и существительном, сочетающемся с ними, в основном они стоят в дв. ч. Здесь важную роль играет лексико-грамматический фактор. Вместе с тем в ЖСР наблюдается и начало вторжения прагматического фактора. В эпизодах, описывающих видения, когда субъектами являются люди, удостоивающиеся посещения Богородицы, ангелов, святых, и они обозначены словами *родители / родителие / родителя / они* или прямо не указаны, но из контекста ясно, что речь идет о двух лицах, в отличие от других частей текста, предикаты стоят во мн. ч., ср.: *Родители же его молахоса старцѣ, въпрашающе его и глаголюще* (ЖСР, № 698, л. 28об.); *Исповѣда же ему святыи вса по радѣ, аже видѣ, и а же слыша, и бдохѣ ѣбо вкѣпѣ радующеся душею трепещуще от неизреченнаго видѣннѣа* (ЖСР, № 698, л.115). В ЖСР (П) же при *родителие / родителя* и местоимениях сказуемые последовательно стоят во мн. ч. Что касается случаев, когда субъект действия прямо не указан, а по поводу числа действующих лиц полноценную информационную нагрузку несет лишь предикативная форма, то до главы преставления Сергия чаще всего употребляется форма дв. ч., ср.: *И (Исакий – Ю.М.) приникъ къ олтарю, прилѣжно зряще его, дивяся чудному видѣннѣю, приводить свѣдѣтеля родителя своего по плоти Макариа*

Морозовой») // Материалы XXXV международной филологической конференции. Вып. 6. Секция. «История русского языка и культурная память народа», 13-18 марта 2006 года, СПб., 2006. С. 90-97

⁸ Историческая грамматика древнерусского языка / Под ред. В. Б. Крысько. Т. II. Двойственное число / О.Ф. Жолобов, В.Б. Крысько. М., 2001.

⁹ Далее сплошной линией подчеркнуты формы дв. ч., а пунктирной – формы мн. ч.

именем, глаголя: «Кто естъ, отче, чюдныи онъ мужь, служаи съ отцемъ нашимъ Сергиемъ, его же николи же видѣхъ». Макарии же рече: «И азъ, чядо, зря его, згъло удивляюся и не вѣм, откуда естъ». И зряста вкупѣ, он же ничто же видѣ (ЖСР (П), Третья ред., л.99). В ПБМ совсем иная картина. Там чередование числовых форм наблюдается при всех видах субъектов, а выбор числовых форм зависит от того, сторонниками кого (Феодоры или царя) являются субъекты, ср.: *Обе сии сестры единородныя, великая глаголю Феодора и благоверная Евдокия, вождедеста в жизни сей видетися в лице и побеседовати. И молястася всесилному богу, яко да утешит их. <...> И сидеса на пути съ Еленою, и приидоста до Печерскаго подворья. <...> И беседоваста любезно мученица со исповедницею* (ПБМ, л.27об.-28об.); (царь и патриарх – Ю.М.) *И сиде глаголюще совещашася обще, еже мучити их* (ПБМ, л.34).

Таким образом, на основе полученных данных можно сделать вывод, что в ходе исторического развития влияние грамматического и лексического факторов на употребление форм дв. ч. ослабевает. На первое место выходят дискурсивные стратегии авторов при составлении произведений. Возможно, именно это и привело к окончательному исчезновению дуальных форм и в книжном языке.

При исследовании грамматикализации и лексиколизации важное значение имеет феномен деграмматикализация, к которой Р. Ramat относит исчезновение морфологической категории. По его мнению, ее типичным примером служит утрата дв. ч. как грамматической категории в древнегреческом языке¹⁰. В этом отношении русский язык, где формы дв. ч. использовались продолжительный период времени и в современном языке частично остались как формы мн. ч., может представить нам ценный материал.

¹⁰ Р. Ramat. Thoughts on degrammaticalization // Linguistics 30. 1992. P. 551.

Keiko Mitani

Kyoto University

kmitani@mb1.suisui.ne.jp

On *mimo*: a consideration on lexicalization in Slavic

In his *Old Church Slavonic Grammar*, Horace Lunt treats *mimo* as a prefix along with *vs*, *vъz*, *do*, *za*, *iz*, *na*, etc. [Lunt, p.82]. The author, meanwhile, suggests the ambiguity of this item, questioning whether it is an independent adverb 'past, by', or a prefix to independent verb-stems, meaning 'go (carry, run) past' [*ibid.* p.166]. Indeed, in the OCS canon *mimo* appears in the preverbal position adjacent to the motion verbs, e.g., *аште не можетъ чаши си мимо ити отъ мене* [CC, p.327], and thus admits two interpretations: one, as a prefix with the sequence of *мимо ити* a prefixally derived verb, and two, as an adverb occurring in the immediate preverbal position. The latter interpretation may be supported by a similar case, with the adverb *вънъ* (outside) : *петръ же вънъ съдѣаше* [CC, p.147].

Modern lexicography as well as linguistic practice of modern Slavic languages has recognized *mimo-* in the position in question as a prefix and registered *mimo-*attached verbs as independent lexemes, so that the question of plausible ambiguity suggested in the OCS texts seems to have been eliminated. However, *mimo*, an item that is rather marginal, but can be a prefix, preposition, or an adverb in its isomorphic realization in the Slavic lexicon, still deserves further consideration, since its morphological availability and semantic functions can show several essential issues concerning lexicalization in Slavic.

Based on this assumption, my report explores:

- (1) morphosyntactic distributions and semantic features of *mimo* as an adverb, a preposition, and a prefix in contemporary Slavic languages;
- (2) relationships between the nominal, adjectival and verbal derivatives with *mimo-*, and the divergence of their productivity among Slavic languages and varieties;
- (3) the specificity, or "prefixoid"-like status of the prefix *mimo-* in the verbal derivation systems in Slavic.

Examples in the report are mainly from Serbian/Croatian, Russian, and Sorbian (Upper/Lower), but cases from other Slavic languages are also present.

REFERENCES

- Lunt, Horace. 2001. *Old church Slavonic grammar*. Berlin : Mouton de Gruyter (7th rev. ed.)
- СС : Цейтлин, Р. М., Вечерки, Р., Благовой, Э. 1994. *Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков)*. М.:Русский язык.
- Babić, Stjepan. 2002. *Tvorba riječi u hrvatskom književnome jeziku*. Treće, poboljšano izdanje. Zagreb: HAZU.
- Hasko, Victoria & Perelmutter, Renee (eds.) 2010. *New Approaches to Slavic Verbs of Motion*. Amsterdam : John Benjamins.
- Klajn: Клајн, Иван. 2002. *Творба речи у савременом српском језику, Први део*. Београд.
- Miklosich, Franz. 1926. *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, IV. Syntax*. Heidelberg.
- Muka, Arnošt. 2008 (1911-1928) *Wörterbuch der niederwendischen Sprache und ihrer Dialekte*. Bautzen : Domowina
- Piper : Пипер, Предраг. 2009. О природи граматичких разлика између српског и хрватског језика. Прилог. In Малџиева, В., Тополињска, З., Ђукановић, М., Пипер, П. *Јужнословенски језици: граматичке структуре и функције*. Beograd : Beogradska knjiga.
- Talmy, Leonard. 2000. *Toward a cognitive semantics: Concept structuring systems*. Vol.1. Cambridge, Mass. ; London : The MIT Press.

Руселина Ницолова

Софийский университет им. Св. Климента Охридского
nitsolova@abv.bg

О взаимоотношении между формальными и семантическими изменениями при грамматикализации

В настоящее время, когда существует огромное количество работ по теме грамматикализации, созданных с позиции разных грамматических теорий и на основе материала разных языков, грамматикализация является понятием, объем и содержание которого не очень четко очерчены и поэтому непрерывно расширяются. Грамматикализация определяется как процесс, при котором лингвистические элементы (лексические, прагматические и иногда даже фонетические) превращаются в конституенты грамматики, или менее грамматические элементы (напр. деривационные морфемы) превращаются в более грамматические (напр. флективные морфемы) (Wischer 2006:129). К этому определению можно добавить и случаи, когда один вид грамматических элементов в определенных новых аналитических формах начинает выражать совершенно другой вид грамматических значений (обычно прагматических) – имеем ввиду образование эвиденциальных форм на основе форм перфекта индикатива в языках большого балкано-западноазиатского ареала, в котором входят языки разных семей (болгарский, македонский, турецкий, албанский, азербайджанский, персидский, таджикский, западно-армянский, грузинский, другие кавказские языки, непальский и др.).

При грамматикализации реализуются два вида изменений: формальные (фонетические и синтактико-морфологические) и семантические, которые приводят к новой функции грамматикализованного элемента в новом состоянии грамматической системы языка. Эти два вида изменений развиваются не редко с разной скоростью, так что кроме случаев с параллельным развитием обеих сторон грамматикализации существуют и не мало случаев, когда в формальном отношении грамматикализация находится на более высокой степени развития, чем в семантическом отношении, и наоборот, см. напр. грамматикализация аффирмативных и негативных форм будущих времен, как и грамматикализация определительного и неопределительного артикля в болгарском языке.

В канонических случаях грамматикализации лексем и конструкций, как известно, формальные изменения обычно проходят через несколько фаз: автосемантическое слово или конструкция – функциональное слово – клитика – аффикс (флексия) (Norreg, Traugott 1993), а возможно и нуль. Фонетические изменения бывают:

а) индивидуальные изменения вследствие „изнашивания” (англ. attrition) слова, связанные с фонетическим сокращением грамматикализируемого элемента (в самом широком смысле этого слова, в котором входит и потеря ударения, и исчезание целого элемента или его части) – напр. от спряжении древнеболгарского (старославянского) глагола *chotěti* (рус. *хотеть*) в наст. времени *choštŭ, choštěši, choštětъ* ... сегодня осталась в болг. яз. лишь сокращенная форма 3 л. ед.ч. *ще* (частица-клитика – показатель футурности) в аффирмативных формах будущего времени, а отрицательные формы древнеболгарского глагола *iměti* (рус. *иметь*) *ne imatъ, ne imaši, ne imatъ* ... заменились неизменяемой формой *няма* (после контракции с отрицанием и сокращения у формы 3 л. ед. ч. *ne imatъ* сначала краесловного *-ъ* вследствие действия фонетического закона об исчезании редуцированных гласных в слабых позициях, а потом и окончания *-t*, которое в формах наст. времени заменилось нулевым окончанием). Подобное сокращение форм глагола *хтети* существует и в сербском, и в хорватском языках, но там грамматикализация находится на более ранней ступени развития, при которой в формах будущего времени еще налицо спряжение этого (уже вспомогательного) глагола в комбинацией с полным, с сокращенным инфинитивом или с *да*-конструкцией, напр. серб. *неваћу, ја ћу певати* и *ја ћу да певам* (‘я буду петь’);

б) системные изменения, связанные с действием фонетических законов в отдельных периодах, которые затрагивают и грамматикализируемый элемент, напр. закон об исчезании слабых редуцированных гласных в конце слова сократил форму древнеболгарского показательного анафорического местоимения м. р. ед. ч. в имен. пад. *-tъ* > *-t*, что потом стало условием для морфологического реанализа именных сочетаний с этим местоимением, которое превратилось в определительный постпозитивный артикль. Очень часто индивидуальные изменения и законовые изменения проявляются комплексно.

Синтактико-морфологические изменения при грамматикализации очень разнообразны. Не редко наблюдается сокращение морфем – чаще всего окончаний - или генерализация одного окончания для всей парадигмы в аналитических формах. В последнем случае форма с этим сохранившимся окончанием вообще не выражает грамматических значений, обозначаемых раньше окончанием, а имеет новое грамматическое значение в аналитической форме. Кроме того очень важно подчеркнуть, что таким образом очень часто устраняется грамматическая редундантность при выражении определенных морфологических значений (напр. числа, лица). Хороший пример в этом отношении представляют отрицательные формы болгарского глагола *имам* ‘иметь’ - *няма*, 3 л., ед.ч., наст. вр. и *нямаше*, 3 л., ед.ч., имперфект, которые превратились в составную часть всей парадигмы будущего и будущего предварительного времени, ср. *няма да чета, няма да четеш...*, *няма да съм чел, няма да си чел...*, и

будущего в прошедшем и будущего предварительного в прошедшем, ср. *нямаше да чета, нямаше да четеш...*, *нямаше да съм чел, нямаше да си чел...* Формы *няма* и *нямаше* в этих парадигмах уже не обозначают ни лица, ни числа, а являются лишь футурным показателем, сочетан с отрицанием, в разных темпоральных планах.

Подобная генерализация одной глагольной формы (2 л., ед.ч. императива *буди*) существует и в русских неопределительных местоимениях типа *кто-нибудь*, ср. *какой-нибудь* - *какие-нибудь* и др., в которых составной формант *-нибудь*, теперь превратившийся в частицу, обозначает произвольность выбора референта местоимения из множества однородных объектов, ср. и словацкие неопределительные местоимения с глагольным формантом *hoci* - *hoci kto, hoci čo* 'кто угодно, кто попало; что угодно, что попало', который тоже обозначает произвольность (полную или в некотором смысле ограниченную) выбора референта из множества однородных объектов. Другой пример генерализации формы с одним окончанием в парадигме представляют аналитические формы классов болгарских неопределительных местоимений типа *кой да е* и *който и да е* ('кто бы то ни был'), у которых и в мн. ч. налицо форма 3 л., ед.ч. глагола *съм* 'быть'- *е* вместо старую форму мн.ч. *са* – *който и да е*. Сложный формант *и да е* обозначает в сочетании с вопросительным местоимением частичную произвольность при выборе референта из множества, а в сочетании с относительным местоимением – полную произвольность при таком выборе.

Не редко при грамматикализации проявляется действие и общих морфологических законов, напр. закон о сокращении инфинитива и закон о замещении инфинитива в болгарском и сербском языке конструкцией с союзом *да* и формами наст. вр. проявляют свое действие при оформлении буд. вр. с глаголом со значением 'хотеть', так что в болгарском языке долгое время, почти до первых десятилетий XX в., а в сербском языке и до сих пор существуют параллельные формы с полным, с сокращенным инфинитивом и с *да*-конструкцией.

Синтаксические изменения при грамматикализации состоят в соединении и сращении часто сокращенных и клитизированных элементов, а иногда в их элиминировании или в низкой синтагматической вариативности, напр. элиминирование союза *да* в аффирмативных формах болгарского будущего времени, т.е. *ще пия* < *ще да пия* ('я буду пить'), ср. и вариативный порядок элементов в аналитических финитных *се*-формах и фиксированный в некоторых причастиях болгарского языка и только фиксированный порядок в русском языке, ср. *аз се мия* 'я моюсь', *мия се* 'моюсь', *миещ се* 'моющийся'.

Семантические изменения при грамматикализации очень разнообразны, но во всех случаях наблюдается процесс семантического обесцвечивания (англ. *bleaching*) грамматикализуемого элемента, потери его существенных лексических семантических признаков за счет появления его нового значения, обычно более абстрактного –

грамматического. Существуют разные попытки объяснения механизма этих семантических изменений: при помощи метафоры или метонимии, как и более общим объяснением конверсационными импликатурами Грайса. О рассматриваемых нами случаях грамматикализации можно сказать, что новые семантические признаки или содержатся в качестве не основных, периферийных в значении грамматикализуемой лексемы (напр. в лексемах типа *хотеть* со значением 'желание, связанное с волей', которые превратились в грамматический футурный показатель в болгарском, сербском и хорватском языках, признак 'футурность' был периферийным, так как чаще всего желанные действия ситуированы в будущем), или имплицитуются в зависимости от некоторых семантических признаках грамматикализуемого элемента, напр. болгарский перфект, который стал основой для образования форм опосредованной эвиденции (ренарратива, дубитатива, конклюдива), обозначает результат действия, который налично в моменте речи. Именно его результативность имплицитовала, что говорящий мог быть несвидетелем действия в отличие от дуративных времен (аориста и имперфекта), которые начали обозначать лишь засвидетельствованные говорящим прошедшие действия.

Появление нового значения у грамматикализуемого элемента необходимое, но не достаточное условие для вхождения новой граммемы в грамматической системе языка. С одной стороны, необходимо дистрибутивным или другим образом разграничить граммему от старой лексемы, если она еще употребляется в языке, напр. вспомогательный глагол *ща* в формах будущих глагольных времен и автосемантический глагол *ща* 'хотеть' в болгарском языке и соответствующий глагол в сербском и хорватском языках. С другой стороны, очень длинный и сложный процесс представляет включение грамматикализуемого элемента в новое состояние грамматической системы парадигматически и синтагматически (см. критерии о степеней грамматикализации в Lehman (1985)). К этому надо добавить и соотношение лексики: грамматики при грамматикализации – у грамматикализации самая высокая степень, если она охватывает всю возможную лексику, без семантических ограничений. Кроме того грамматикализация данной лексемы может произвести некоторые изменения и в лексической системе языка, напр. появление нового глагола со значением 'хотеть' – *искам* в болг. языке. Ареальные контакты могут провоцировать и стимулировать формальные и семантические изменения при грамматикализации, как это наблюдается например в рамках балканского языкового союза.

Мотоки Номати

Центр славянских исследований при Хоккайдском университете
 mnomachi@slav.hokudai.ac.jp

Языковой контакт и грамматикализация залоговой конструкции (на материале кашубского и других славянских языков)

Кашубская глагольная система, как и аналогичные системы других славянских языков, имеет две морфосинтаксические формы пассива:

1. конструкция со вспомогательным глаголом *bëc* «быть» (или *òstac* «стать») и страдательным причастием на *-n-*, *-t-* и *-l-*.
2. конструкция с морфемой *sã* «ся».

Считается, что кроме этих двух конструкций в кашубском языке существует еще одна конструкция с глаголом *dostac* «получить» (или *dostawac* «получать») и страдательным причастием в среднем роде. Пример (1) показывает, как она выглядит:

(1) *Òn to dostòł (òd ni, przez / bez niã) przëdzelóné.*
 он это получил (от /через нее) распределенное
Ему это распределили. / Ему это было распределено (ею).

(2) *Òna mù to przëdzelëła.* актив
 она ему это распределила
Она ему это распределила.

(3) *To bëło/òstało mù (òd ni, przez / bez niã) przëdzelóné.* пассив
 это было/стало ему (от /через нее) распределенное
Это было ему распределено (ею).

Предложение (3) является пассивной формой исходного предложения (2). Пример (1), в свою очередь, также можно считать пассивной формой примера (2). При этом различие между (1) и (3) состоит в том, что в одном случае (1) косвенное дополнение в дательном падеже *mù*, которое в случае (2) играет семантическую роль реципиента в предложении, становится пассивным и также получает статус грамматического субъекта *òn*. В примере (3) пассивную форму приобретает местоимение *to*, которое является прямым дополнением глагола в (2). При этом нет сомнения в том, что не происходит

изменения логического содержания данных высказываний, поэтому в лингвистической литературе конструкция типа (1) называется реципиентным пассивом.

Пассивная конструкция этого типа наблюдается и в ряде других славянских языков, которые находились или по сей день находятся под влиянием немецкого языка:

- (4) чеш. Karel *dostal* (od otce) *vyhubováno*.
 Карел получил (от отца) выруганное.
Карела выругали / Карел был выруган отцом.
- (5) словац. Za to *dostal zaplatené* rovnako ako vedecký pracovník.
 За это получил заплаченное равно как научный работник.
Ему заплатили за это как научному работнику.
- (6) гор-луж. Hilža je sukňu (wot maćerje) *darjenu dóstala*.
 Елизавета есть юбку (от матери) подаренную получила
Елизавете подарили юбку / Елизавете подарила юбку мать.
- (8) словен. In je *dobil vrnjeno* le puško.
 И есть получил возвращенную только пушку.
И ему вернули только пушку.
- (9) град. хорв. Pismo je *dostala poslano* na novu adresu.
 Письмо есть получила посланное на новый адрес.
Ей послали письмо на ее новый адрес.

Реципиентный пассив кашубского языка, наряду с названными славянскими языками, вероятнее всего происходит из кальки так называемого немецкого «bekommen Passiv» типа *Ich bekam das Buch geschenkt*, в котором данная конструкция уже в сравнительно высокой степени грамматикализована. Поэтому специалисты по германским языкам часто анализируют ее в рамках исследования категории залога и иногда включают в парадигматику глагола, но в изучении кашубского языка названная конструкция раньше никогда не подвергалась систематическому анализу и не была описана в научной литературе. Мы, следовательно, пока не знаем, в какой степени реципиентный пассив грамматикализован в кашубском языке.

С учетом вышесказанного, реципиентный пассив рассматривается в синхронном срезе, во-первых, в грамматическом (формальном) отношении, во-вторых, в семантическом (функциональном) отношении в рамках теории грамматикализации Бернда Хайне, которая применяется к лингвистической типологии и исследованию языкового

контакта и изменению языковой структуры в результате контакта. В-третьих, обсуждаются типологические особенности названной конструкции в кашубском языке в сравнении с другими славянскими языками, в которых имеется реципиентный пассив, с учетом степени его грамматикализации в каждом языке.

Как результат анализа предлагаются следующие выводы (предварительные):

Грамматическое отношение

На уровне морфологии: наблюдается строгое соблюдение употребления страдательного причастия окаменевшей в среднем роде формы и тенденция к парадигматизации глагола с причастием в качестве описательной формы глагола, что считается характерными для грамматикализации признаками.

На уровне синтаксиса: названная конструкция является результатом деагентизации исходного предложения и пассивизации дополнения в дательном падеже – она и играет дополнительную роль в парадигматической системе предложений.

Семантическое отношение

Наблюдается тенденция к десемантизации глагола *dostac*, который действительно функционирует в качестве вспомогательного глагола в названной конструкции, хотя не все глаголы, управляемые дательным падежом, становятся при этом пассивными. Условиями формирования конструкции являются также ясные значения результативности и переходности глагола. Данный факт затрудняет оценку степени грамматикализации в семантическом отношении.

Диахроническое отношение

Названная конструкция обладает высокой степенью грамматикализованности с самого начала ее фиксации, по крайней мере, в формальном отношении. Это является результатом не столько калькирования данной конструкции из немецкого языка, сколько взаимного влияния внутри грамматической системы в кашубском языке, а именно влияния высоко грамматикализованного описательного перфекта, который состоит из сходных с реципиентным пассивом элементов и имеет подобное значение.

Борис Ю. Норман

Белорусский государственный университет

boris.norman@gmail.com

Развитие притяжательных местоимений 3-го лица в славянских языках в свете процессов грамматикализации

Притяжательные местоимения 3-го лица (далее ПМ-3) по своему происхождению, как известно, представляют собой формы родительного падежа личных местоимений. Например, русские ПМ-3 *его, ее, их* и сегодня практически совпадают формально с личными местоимениями *его, ее, их*. Это дает основание некоторым грамматикам считать, что в частном случае личные местоимения могут выступать в функции притяжательных.

Функционально такие формы ПМ-3 соотносятся, с одной стороны, с притяжательными местоимениями 1-го и 2-го лица (рус. *мой, твой, наш, ваш*) и притяжательными прилагательными (*Машин, отцов*), а, с другой стороны, – с родительным падежом имени существительного (*Маши, отца*). При этом они не склоняются, что еще более подчеркивает их изолированное положение в системе посессивов.

Однако в целом для языковой системы такое положение, очевидно, не является оптимальным, и на новейшем этапе развития славянских языков наблюдаются попытки грамматикализовать подкласс ПМ-3, по принципу «Каждой функции – свою форму». Действие процессов грамматикализации выступает здесь в виде тенденции к морфологизации ПМ 3-го лица, то есть в стремлении придать этой части местоименной парадигмы свое собственное, специфическое и регулярное выражение, морфологически отличное от форм личных местоимений. При этом самое интересное, что каждый язык выбирает для этого свои средства.

Так, в южнославянских языках (болгарском, сербском, словенском и др.) тенденция к морфологизации ПМ-3 проявляется наиболее явно. Там на основе личноместоименных форм образовались специфические формы ПМ-3, не совпадающие ни с какими другими словами. В частности, в болгарском языке мы имеем дело с посессивами *негов, неин, техен*, изменяющимися по роду и числу (ср.: *негов характер, негова риза, негово положение, негови деца* и т.п.). Тем самым формальная пропасть между ПМ-3 и остальными притяжательными местоимениями исчезает; все посессивы образуют единый в функциональном и формальном отношении класс. К этому стоит добавить, что меняется и безударный коррелят личных и притяжательных местоимений;

ср. в рамках первых оппозиции *него – го, нея – я, тях – ги*, в рамках вторых – *негов – му, неин – и, техен – им*.

В других славянских языках движение в данном направлении носит более «робкий» и спорадический характер.

В частности, в русском языке важнейшим проявлением морфологизации в данной сфере является то, что личные местоимения после предлога принимают протетическое *н-*; ПМ-3 этого не делают (ср.: *для него, от нее, за них* и *для его спокойствия, от ее слов, за их свободу*). Существуют между указанными подклассами также определенные отличия позиционного и акцентологического толка.

В польском языке личные местоимения имеют в качестве вариантов краткие (клитические) формы, в частности: *znam jego – znam go*. ПМ-3 отношения к оппозиции по ударности/безударности не имеют (можно сказать только *znam jego syna*; невозможно **znam go syna*). Различия в функционировании ПМ-3 и форм личных местоимений обнаруживаются в польском также в связи с особенностями грамматической категории рода. Здесь личные местоимения во множественном числе выражают противопоставление по признаку «мужско-личности – женско-вещности»: *znam ich – znam je*; ПМ-3 это противопоставление неизвестно: *znam ich grase*.

В чешском появляется морфологизованное ПМ-3 женского рода *její* (при том, что форма мужского и среднего рода *jeho*, а также множественного числа *jejích* остаются несклоняемыми). Впрочем, форма *jejích* уже словообразовательно отличается от генитивной формы личного местоимения *jích* (R.Večerka).

Чрезвычайно любопытны те проявления тенденции к морфологизации ПМ-3, которые находят себе место за пределами литературной нормы. В русском просторечии широко распространены морфологизованные варианты ПМ-3 *евоньий, еёный (ейный), ихний*, причем последняя форма на сегодняшний день находится уже «в приемной» литературной нормы.

В белорусском наряду с несклоняемыми ПМ-3 *яго, яе, іх* (омонимичным формам родительного падежа личного местоимения) появляются морфологизованные посессивы *ягоны* и *іхні*. Они широко употребляются в разговорной речи и – в качестве стилистического средства – в художественных и публицистических текстах (что легко объяснимо с учетом молодости литературной нормы). Любопытно, что в альтернативном («оппозиционном») варианте нормы, так называемой тарашкевице, безоговорочно принимаются не только морфологизованные варианты *ягоны* и *іхні*, но и – для женского рода – *ейны*.

В украинском морфологизовалось притяжательное местоимение множественного числа *їхній* – данная форма фиксируется и нормативными грамматиками (не исключаящими, впрочем, существования дублетной формы *їх*).

Таким образом, при всех различиях, обусловленных природой каждого славянского языка, для них на современном этапе очевидно общее стремление к вовлечению ПМ-3 в морфологическую парадигму посессивов. Это можно считать одним из проявлений тенденции к грамматикализации.

Елена В. Падучева

Всероссийский институт научной и технической информации РАН

elena.paducheva@yandex.ru

Моментальные глаголы совершенного вида и их стативные корреляты

У предельных глаголов совершенный и несовершенный вид принадлежат к одному и тому же акциональному классу – обе формы обозначают ДЕЙСТВИЕ (как *открыть* – *открывать*) или предельный ПРОЦЕСС (как *растаять* – *таять*). У моментальных глаголов СВ обозначает, в агентивном случае, ДОСТИЖЕНИЕ (как *прийти*, *выиграть*), в неагентивном – ПРОИСШЕСТВИЕ (как *опоздать*), а НСВ может а) иметь только тривиальные значения (многократное, как *приходить*), но может также б) иметь нетривиальные значения, причем разные у разных глаголов. Например, *вмещает* – это приблизительно то же, что ‘может вместить’, тогда как *заслуживает* заведомо не то же, что ‘может заслужить’, а скорее предполагает ‘заслужил’; напротив, *я засыпаю* <от скуки> означает ‘вот-вот засну’, и никак не предполагает ‘заснул’. В любом случае, «моментализация» глагола СВ уменьшает у парного глагола НСВ шансы на процессное (актуально-длительное) значение и, наоборот, способствует стативизации имперфектива.

Моментальность у глагола СВ (и, соответственно, стативность производного НСВ) может быть следствием утраты агентивности. См. в Булыгина, Шмелев 1998 о возможности процессного имперфектива у глагола *соблазнять* в агентивном значении и стативности имперфектива у неагентивного *соблазнять*:

- (1) а. Дон Жуан *соблазняет* очередную даму
[агентивное значение; процесс];
б. Меня *соблазняет* возможность поехать в Италию
[неагентивное значение; статив].

Для сравнения: глагол *замедлить* и в неагентивном употреблении не становится моментальным, так что его НСВ может иметь процессное значение – *Встречный ветер замедлял движение корабля*.

В докладе ставится вопрос, какие нетривиальные значения может иметь несом. вид моментального (или «моментализованного») глагола с неагентивным подлежащим.

В Падучева 1996, 2004 были рассмотрены два возможных соотношения между СВ и НСВ: 1) парный глагол НСВ моментального глагола выражает ПЕРФЕКТНОЕ СОСТОЯНИЕ, т.е. состояние, наступившее **после** события; 2) парный глагол НСВ выражает ТЕНДЕНЦИЮ, т.е. состояние, имеющее место **до** наступления конечного результата. Примеры.

1) Значение ПЕРФЕКТНОГО СОСТОЯНИЯ способны иметь в НСВ глаголы самых разных тематических классов (часто пересекающихся), в частности:

– глаголы движения (*входить, выходить, доходить, выступать*); изменения места или относительного расположения: *размещаться, располагаться, выступать, нависать*; каузации движения (*гнать, звать*); особый подкласс движений составляют глаголы с локативным объектом: *заваливать, загромаждать, заполнять, покрывать*; другой особый подкласс – глаголы с перемещающимся наблюдателем (Апресян 1980, Гловинская 2001, Мещерякова 2005, Падучева 2011): *поворачивать, кончаться, начинаться, изменять <направление>, приводить* и другие.

– глаголы восприятия (от глаголов СВ со значением ‘начать /перестать быть в поле зрения’): *заслонять, открываться <о виде>, закрывать, застилать, обнаруживать (обнаруживает незаурядную эрудицию), скрывать, пропадать (Где ты пропадаешь?)*;

– глаголы изменения состояния: *облегчать, лишать, мешать; выделять*;

– глаголы создания: *соединять (Новый бульвар соединил – соединяет две площади)*, в том числе – создания образа (*выражать, отражать, воплощать, описывать*).

2) Значение тенденции имеют, например, глаголы *заболевать, изнемогать, засыпать, наступать, начинать, падать <об интересе>, опаздывать*; ср. также значение предстояния в контексте завтра исполняется, возвращается, отправляется, открывается <выставка>, решается <вопрос>.

Например, *нервы сдают* – это тенденция: когда нервы сдали, они уже больше не сдают; *я заболеваю* – тоже тенденция: когда человек заболел, он больше не заболевает.

И тенденции, и перфектные состояния демонстрируют метонимическое соотношение между обозначаемыми ситуациями глаголов СВ и НСВ: СВ обозначает ситуацию в целом, НСВ – ее часть. Но есть и другие типы соотношений. Один массовый тип соотношения – когда СВ обозначает просто событие или изменение состояния, а НСВ – способность осуществлять это изменение. Такое значение имеют в НСВ глаголы *вызывать, вмещать, поднимать, выдерживать, заставлять, вредить, пробуждать*. Различие в значении между НСВ и СВ этих глаголов особенно ясно видно в контексте отрицания. Из отрицания глагола в СВ следует только, что не произошло событие, см. (2); а отрицание глагола в НСВ имеет импликацию **невозможности**; т.е. НСВ выражает более сильное утверждение, см (3):

(2) Это не *объяснило* [СВ] его отсутствия;

Это не *доказало* [СВ] его непричастности.

(3) Это не *объясняет* [НСВ] его отсутствия = ‘не может объяснить’;

Это не *доказывает* [НСВ] его непричастности = ‘не может доказать’.

Откуда же возникает модальность (не)возможности? Дело в том, что каузативные глаголы *объяснить, доказать* в своем агентивном значении выражают каузальное

отношение между деятельностью и ее результатом; а именно, каузальное отношение между деятельностью субъекта и состоянием сознания Адресата. Между тем, в неагентивном случае способность S каузировать P (т.е. выполнение соотношения S *объясняет / доказывает* P) может определяться только ингерентным свойством S (ср. Падучева 2004: 388, Кустова 2004: 249, Апресян 2009: 45). То есть S либо может, либо не может объяснить P.

Аналогично для глагола *вызывать*:

- (4) а. Короткое замыкание не вызвало [СВ] пожара [может быть верно];
 б. Короткое замыкание не вызывает [НСВ] пожара
 = ‘не может вызвать’ [неверно].

При этом если глагол не моментальный, т.е. допускает процессное, а не стативное, понимание несов. вида, то значения невозможности не возникает:

- (5) Их беседа не замедляет работу ≠ ‘не может замедлить’.

У глаголов, обозначающих контролируемое действие, в числе видовых имеется потенциальное значение, которое очевидным образом связано с узуальным значением. В чем же состоит различие между узуальным и потенциальным значением? Ответ дается в Шатуновский 2009. Глагол действия, в принципе, включает два компонента: человек хочет (выбирает) сделать действие и может его сделать. Обычно акцент на выборе, в частности, зависящем от внешних условий, и тогда возникает узуальное значение (например: *С женой он говорит по-французски*). Если же выбор уходит в пресуппозицию и акцентирован компонент ‘может’, то возникает потенциальное значение. В контексте *Ребенок уже говорит* вопрос о выборе не возникает, поэтому значение потенциальное; в контексте *Он отдыхает на лучших курортах* не требуется способностей, и значение узуальное. Наконец, в контексте неагентивного субъекта, как в (2) – (4), вопрос о выборе тоже не возникает – фактором, обуславливающим возможность <повторения события>, может быть только свойство субъекта:

- (6) Мост выдерживает нагрузку в 100 тонн, Кран поднимает 10 тонн; Автобус развивает скорость до 300 км в час. увеличивает грузоподъемность.

Отдельного рассмотрения требует вопрос о соотношении между СВ и НСВ глаголов каузации эмоционального состояния, типа *огорчать, радовать*.

Elena Petroska

University Ss. Cyril and Methodius in Skopje

epetrosk@indiana.edu

Evidentiality in Macedonian (Grammaticalization and Lexicalization)

Evidentiality in Macedonian is expressed by markers as a result of grammaticalization and lexicalization of specific units. There are different morphosyntactic groups of potential evidential markers in Macedonian. There are valuable existing works on grammatical ways of expressing evidential meanings in Macedonian (the grammaticalised tense forms), and they are very important for the attempt to have a uniform treatment of grammatical and lexical means serving for the expression of evidentiality. The idea is to set up a framework for the systematic study of lexical units in the domain of evidentiality (Wiemer 2006). Morphemes with an independent status belong to the lexicon, and other morphemes that are bounded function as head operators (in a clear morphosyntactic sense). Functional linguistic units with a distinctive word status connect the superordinate predicates with their propositional arguments (complementizers), which have their own argument-predicate structure. Other functional units function as adjuncts or they are out of the sentence syntax (particles). Many lexical units can be reinterpreted as functional words (prepositions, complementizers and particles). It could be said that bound morphology, paradigms of tense, aspect and mood and auxiliaries are part of the grammar the same way as the functional words (prepositions, complementizers, particles etc.). By saying this we can assume that functional units are part of the grammar. However, this is not enough for distinguishing between different functional elements (morphemes, word groups etc.). We need better criteria to distinguish if a specific unit is more a unit of the lexicon, or more a formation of more complex units of the grammar.

The relation between lexicalization v.s. grammaticalization should be seen as a relation of a holistic unit with the constituents of a bigger syntactic format. According to Lehmann (2002), and (Wiemer 2010) a sign is lexicalized if it doesn't have an analytic access, and if it is inventoried; and it is grammaticalized when it seeks functions in the analytic formations of complex signs. Not having an analytic access is when the particle or the proposition develops from petrified verb form, for example in Czech *pry* < *pravi* 'they say', Russian *мол* 'says' and the particles that are developed from the verbs *ИЗГЛЕДА/СЕ ЧИНИ*, as in Macedonian, and other South Slavic languages.

Evidential particles have a scope over the whole proposition. Since they are whole sentence operators (or clause complementizers) could we say that these particles are their grammatical formations (or components). So, the question is could we say that they are

grammatical markers of evidentiality?! Even if we say so, we have to describe every particle (complementizer, preposition) as a distinctive unit of a lexical inventory of a specific language. According to Lehmann (2002) many complex prepositions and conjunctions are not presenting a non-complete process of grammaticalization, but are simply products of a lexical change.

Classification of the evidential markers is an important step for creating a database for a description of the evidential markers' inventory (according to Wiemer's theory). It is not possible to determine very precisely what is the difference between the sentential adverb and (modal) particle, and that is why we use one term for all these units - particle. Structurally, particles are not an integral part of the sentence they modify. In example (1) *наводно* functions as a particle, and a marker of reported evidentiality.

(1) Марко наводно веќе дошол.

Main subject of interest are the particles developed from the verbs *изгледа*, *се чини*. They have inferential meaning, and we qualify them as inferential markers of indirect evidentiality. Cases when the present tense form 3rd prsn. sgl. form loses the subordinate relation with the host sentence, i.e. when it becomes a petrified form as a particle or parenthetical will be analyzed. Example (2) it becomes a marker of inferential evidentiality.. Very frequent use is when the marker hasn't lost the syntactic relation with the context, especially when it is still used with the subordinate conjunction (complementizer), (3) and (4), but is a petrified form, – and again it functions as an inferential marker. These examples present a process of a lexical change.

(2) Децата изгледа имаат мачка.

(3) Децата изгледа дека имаат мачка.

(4) Изгледа дека децата имаат мачка.

REFERENCES

- Lehmann, C. 2002 New Reflections of grammaticalisation and lexicalization. In: *New reflections on grammaticalization*. Wischer, I. and G. Diewald (eds.) 1-18. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Wiemer, B. (2006): Particles, parentheticals, conjunctions and prepositions as evidentiality markers in contemporary Polish (A first exploratory study). *Studies in Polish Linguistics* 3, 5-67.
- Wiemer, B. 2010 Herasay in European languages. In: *Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages*. Diewald G. and E. Smirnova (eds). De Gruyter Mouton

Предраг Пипер

Белградский университет

piperm@eunet.rs

О грамматикализации сербских фемининативов

Идея о постоянных языковых процессах лексикализации и морфологизации, которую И.А. Бодуэн де Куртене выделял как один из основных результатов своих лингвистических исследований (1897), лежит в основе теории грамматикализации, в том виде, как эту идею сформулировал А. Мейе (1912) и как она развивалась в дальнейшем. Исходя из понимания грамматического значения как составной части грамматической категории, которую отличает обязательность для широкого класса лексических единиц, а также регулярность выражения и регулярность организации такого категориального значения (Пипер 1988), далее в данном реферате *грамматикализация* рассматривается как процесс расширения круга лексем, для которых некоторая грамматическая форма и содержание являются обязательными, а также как процесс роста регулярности их форм и/или организации содержания, в отличие от *грамматикализованности* как достигнутой степени процесса грамматикализации на определенном этапе языкового развития. Лексикализация понимается как процесс, который в отношении тех же критериев имеет направление, противоположное грамматикализации, и результатом которой является бóльшая или меньшая лексикализованность (степень ненагруженности лексем грамматическими функциями), которая может быть большей или меньшей, но никогда не бывает полной. Поскольку грамматикализация может быть предметом как исторической, так и синхронической лингвистики, необходимо указать, что здесь грамматикализация фемининативов в сербском языке рассматривается только во втором указанном понимании.

Постоянные процессы грамматикализации и лексикализации отличаются по степени распространенности, интенсивности развития, скорости, формам и степени реализации. Некоторые языковые процессы, начавшиеся в определенный период, иногда получают стремительное ускорение под воздействием общества и определенной политики в отношении литературного языка и его нормы. Это подтверждает процесс грамматикализации статусных фемининативов в современном сербском литературном языке. Статусными фемининативами (СФ) в работе называются фемининативы, обозначающие профессию, общественную функцию, признание в обществе и т.п., напр., сербск. разг. *професорка, председница, лауреаткиња* и т.п.

СФ в сербском языке, так же как в других славянских языках, существуют давно, например, для обозначения женских (*бабица*) или преимущественно женских профессий (*неговатељица*), а также для многих других профессий (*учитељица*). Число таких слов естественным образом увеличивалось одновременно с постепенными переменами в обществе и изменением места женщины в сербской языковой картине мира, при этом существительные мужского рода выполняли и выполняют функцию гендерно нейтральных форм, т.е. форм для обозначения статуса независимо от пола (напр., *судија*, *академик*). Политический тезис новейшего времени о том, что употребление гендерно нейтральных существительных мужского рода представляет нарушение полового равноправия и дискриминацию женщин, встретил поддержку в сербских СМИ, близких нынешней власти (какими являются практически все СМИ в современной Сербии), а также среди политически ангажированных лингвистов и неправительственных организаций. Их радикальные требования о том, что для каждого существительного м.р., имеющего статусное значение, должен существовать соответствующий СФ, фактически означает требование полной грамматикализации значения пола в системе статусных существительных, так как если что-либо является регулярным и обязательным для широкого класса лексем, тогда речь идет о грамматикализованном явлении. Это один из редких случаев (если и не единственный), когда в основном СМИ и неправительственные организации при поддержке государства пытаются ввести в литературный язык новую грамматическую категорию. Представители (точнее, преимущественно представительницы) понимаемого таким образом гендерного равноправия опубликовали словарь фемининативов сербского языка, которые они считают обязательными для употребления, подкрепляя свое требование мнением, что Сербия не будет принята в ЕС, если это требование не будет выполнено. Электронные СМИ и печать, а также общественные личности используют эти фемининативные неологизмы, подчеркивая степень своей поддержки власти путем употребления „политически корректного“ языка. Большая часть общественности, включая и большинство лингвистов в Сербии, сдержанно относится к этой новинке, оставаясь при мнении, что задача лингвистов не придумывать новые слова и новую грамматику, а описывать, объяснять и кодифицировать то, что уже существует в языке. Они выступают не против СФ, а против их политизации и искусственного расширения, т.е. фактически против принудительной грамматикализации.

Болгарский лингвист И. Леков указал на тот факт, что одной из типологических черт сербскохорватского языка является значительное число дублетов на всех уровнях языковой системы (Леков 1963). Политические фемининативные неологизмы, которые одни сербские лингвисты поддерживают, а другие не поддерживают или сдержанно относятся к их употреблению, повлияли на то, что в начале XXI века число грамматических или лексико-грамматических дублетов в сербском языке искусственным путем значительно увеличилось.

Данная ситуация ставит перед грамматистами различные вопросы – теоретические, типологические, нормативные, социолингвистические и другие: например, как относиться к грамматикализации „извне“; насколько лингвист ответственен за то, что происходит в грамматике его родного языка; какой степени достигла грамматикализация статусных феминативов в отдельных славянских языках; насколько этот процесс был естественным и последовательным и насколько он обусловлен культурной традицией или актуальной „политической корректностью“ в грамматике; следует ли вводить в грамматические описания квалификаторы, в соответствии с которыми отдельные грамматические формы маркированы политической принадлежностью тех, кто их использует; где границы политической феминизации сербской или какой-либо другой грамматики: можно ли ожидать, что ради полного гендерного равноправия вместе с каждой глагольной, адъективной или местоименной формой мужского рода следует в качестве альтернативной указывать и форму женского рода (и в каком порядке), т.е. до каких границ может расширяться „гендеризация“ славянской грамматики, какую форму существительного использовать, когда значение пола коммуникативно несущественно и т.д.

Проблема грамматикализации СФ в сербском языке, а также в других славянских языках, является не только социолингвистической. „Пустое“ место в грамматической системе – не редкость, и многие такие „пустые“ места долго или постоянно остаются незаполненными. Необходимость в заполнении грамматической лакуны может быть большей или меньшей в зависимости от степени функциональной нагруженности данного сегмента грамматической системы и его коммуникативной востребованности. Различные формы изменяемых слов обнаруживают различную степень коммуникативной востребованности, например, формы единственного числа статусных феминативов более востребованны, чем формы множественного числа. Заполнение „пустого“ места в системе наиболее адекватно, когда новая единица и формально, а не только функционально вошла в систему, что увеличивает грамматикализованность таких единиц (напр., *астронауткиње : жене астронаути*).

Заполнение „пустых“ мест в грамматической системе описательными выражениями имеет немало недостатков – прежде всего это неэкономичность, усложнение синтаксического включения в структуру предложения, частая стилистическая маркированность, более слабый терминологический потенциал, ощущение условности подобного выражения, что сопровождается соответствующей негативной коннотацией, а описательные выражения вместо СФ могут оставлять впечатление дискриминации, что легко становится предметом политической манипуляции. Синтаксис СФ отличает бóльшая или меньшая степень выраженности возможностей согласования, т.е. „толерантность“ или „нетерпимость“, „конфликтность“ согласования (ср. *госпођа професор* и *госпођо професор*, *госпођо професоре*, *госпођо ?професорице*, *госпођо*

*професорка), что обусловлено и грамматически (типом согласования), и лексически. Словотворчество легче осуществляется в языке художественной литературы и в разговорном стиле. Поэтому СФ в процессе их грамматикализации обычно вначале стилистически маркированы, а позднее многие из них становятся стилистически нейтральными.

В докладе на материале сербского и других славянских языков рассматриваются также другие вопросы, связанные с грамматикализацией СФ, такие, как грамматика фамилий, синтаксис обращений, усиление семантизации категории рода и др.

Представляется полезным время от времени пересматривать и заново формулировать цели и задачи грамматических исследований, в центре которых по природе вещей должны быть взаимоотношения грамматических правил и лексических единиц, процессы грамматикализации лексем и лексикализации граммем, разработка как можно более полных, детальных и прежде всего точных грамматических описаний, но в предметном поле которых должны быть и грамматические явления, рассматриваемые с социолингвистического, лингвокультурологического, нормативного и всех других аспектов, существенных для функционирования грамматических форм.

ЛИТЕРАТУРА

- Бодуэн де Куртенэ 1897: И. А. Бодуэн де Куртенэ. Некоторые из общих положений, к которым довели Бодуэна его наблюдения и исследования языка // *Критико–биографический словарь русских писателей и ученых*. Под ред. С. А. Венгрова. Том V. СПб., стр. 33–35.
- Дмитриева 2002: М. Дмитриева. Гендерные роли через призму языка // *Gender–Forschung in der Slawistik*. Herausgegeben von Jirrina van Leeuwen–Turnovcova, Karin Wullenweber, Ursula Doleschal, Franz Schindler. Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 55, 273–289.
- Леков 1963: И. Леков, За някои от най-съществениите типологични черти на сърбохърватския език. – *Ivšićev zbornik*. Zagreb.
- Пипер 1988: П. Пипер, О граматичком значењу // *Живи језици*. – 30, 1/4.
- Ђорић 2006: Б. Ђорић, Граматички род и питање полне дискриминације у језику // *Српски језик*. – Год. 11, бр. 1/2.
- Meillet 1912: A. Meillet, L'évolution des formes gramaticales. *Scientia* (rivista di Scienza), 12, No. 26
- Savić et all. (ed) 2009: Rod i jezik. – Ur. S. Savić, M. Čanak, V. Mitro, G. Štasni. – Novi Sad : Ženske studije i istraživanja : Futura publikacije, 2009.

Drobnjak (ed) 2006: On je rekla : upotreba rodno-senzitivnog jezika. Ur. N. Drobnjak. –
Podgorica : Kancelarija za ravnopravnost polova Vlade Republike Crne Gore, 2006.

Ljubomir Popović
University of Belgrade
fonljupo@gmail.com

A Case of Interplay of Discourse and Grammar and Discourse and Lexicon: The Use of Onomatopoeic Interjections in Serbo-Croatian and Other Standard Languages of Štokavian Origin

The subject of the paper

This paper deals with the use of onomatopoeic interjections. This can best be illustrated with a few examples.¹ (In the translation, interjections are given in their original form; both interjections and onomatopoeic verbs in the examples in Serbian are underlined.)

1. The narrator relates his impressions and emotional reactions in a situation when he found himself under heavy shelling:

(1) Gr-r-ruuu!

Ni broja se ne zna ovim eksplozijama. Drhtavica obuzima telo. Lukine usnice su pomodrele. Gru-u! Esplozije se sustižu [...].

Gr-u! Gr-u! Gr-r-r-ru! Kovitlaju, prašte, riju granate oko nas. Ah, najteže je kad zaurla ona teška. Gr-r-ru! [...] (S. Jakovljević, *Srpska trilogija*)

(1.a) Gr-r-ruuu!

The explosions seem endless. The body starts to tremble. Luka's lips are turning blue. Gru-u! The explosions follow each other [...].

Gr-u! Gr-u! Gr-r-r-ru! The shells swirl, explode, tear the earth around us. Oh, the worst is when the heavy one roars. Gr-r-ru! [...]. (S. Jakovljević, *The Serbian Trilogy*)

2. One of the characters involved in a dialogue tells of different incidents when people's rifles went off by themselves:

(2) [...] a ona [puška] sama upali: Trees! Kao grom, Bože me prosti! [...]

[...] Dok tek tresnu puška, Živko pade ko sveća, i zakuka. [...]

Ispriča mi zatim nekoliko slučajeva gde je prazna puška, baš prazna, bez zrna i baruta, pukla i ubila čoveka namesto. (R. Domanović, *Celokupna dela*)

---

¹ The examples have been taken from texts that formerly belonged to the Serbo-Croatian language corpus; but today – when there are officially four separate standard languages on what used to be the Serbo-Croatian language territory – these texts belong to the corpus of the Serbian standard language. The findings of this paper, however, are valid for all of these standard languages, since they are all based on Štokavian dialects.

- (2.a) [...] and the rifle went off of its own accord: Trees! Like a thunderclap, by God! [...] [...] Suddenly, the rifle went off with a bang, Živko fell down, and started moaning. [...] He then told me of several incidents in which an empty rifle, completely empty, with no bullet or powder, went off and killed a man on the spot.
(R. Domanović, *Complete Works*)

3. The author describes the setting of the action:

- (3) U visini je zastava vijorila, zategnuta kao jedro; njeno platno je pucketalo: pprppprpp.
(I. Andrić, *Staze, lica, predeli*)
(3.a) High above, a flag was flying, taut as a sail; the canvas crackled: pprppprpp.
(I. Andrić, *Paths, Faces, Landscapes*)

4. A shoemaker, taking part in a dialogue, narrates his troubles with tanned leather:

- (4) Jednako mi sepija pucka: okreni ovako, ona – cak! okreni s druge strane, opet – cak!
(S. Ranković, *Gorski car*)
(4.a) The leather keeps cracking: when I turn it this way, it [goes] – cak! when I turn it the other way, again – cak! (S. Ranković, *King of the Mountain*)

The aim of the paper

This paper does not aim to describe the use of onomatopoeic interjections *per se*, but rather to offer certain insights into how onomatopoeic interjections, as a holistic language means of presenting acoustic phenomena, differ from other means provided by the lexico-grammatical system for this purpose, and also to offer insights into the ways that both types of language means are used and combined in discourse.

CONCLUSIONS

Combinatory word classes (parts of speech) and systematically constructed texts.

Before giving a characterisation of onomatopoeic interjections and their use, it is useful to look at other word classes and the character of texts in which interjections are used.

- Disregarding other types of interjections and some types of particles, other word classes can be termed *combinatory*: they are meant to be combined into syntactic structures, or, in other words, to make it possible for sentences to be realized as *structured* units.
- The most important of these word classes name various features of extra-linguistic reality; thanks to inflectional morphology, categorial grammatical values are added to their

grammatically systematized lexical meaning; thanks to word formation rules, they represent open lexical sets (with various grammatical and semantic subclasses). In principle, they are lexicalized. The spoken form of the words is based on the phonological system and corresponding phonotactic rules.

- Texts formed from combinatory word classes can be termed *systematically constructed texts*. They are realized by means of structured (not holistic) sentences. They can be used to talk about anything, in any type of discourse, with various pragmatic effects. In addition to their denoting function, they can have various expressive (stylistically marked) effects. And thanks to onomatopoeic verbs, the acoustic aspects of different phenomena can also be expressed.

The specificities of onomatopoeic interjections. In counterdistinction to combinatory word classes, the following can be said about onomatopoeic interjections:

- Onomatopoeic interjections can basically be characterized as a *holistic word class*, i.e. they are primarily used as *word-sentences* (or, more precisely, *word-utterances*). (Orthographically, they are written, like other orthographic sentences, with an initial capital letter, and they end with a full stop or, much more frequently, with an exclamation mark. Such sentences can be complete paragraphs; cf. (1).)
- They do not have a combinatory lexico-grammatical categorization; they are not inflected; they are an open class, but not thanks to grammatically regulated word formation, rather, thanks to individual creative word formation in a particular discourse situation, i.e. thanks to *discourse-driven word formation*; some interjections are lexicalized (conventional), but others (even when they are included in dictionaries) represent improvisations in discourse. The pronunciation of unlexicalized interjections can transcend the phonological system and phonotactic rules (cf. *pprppprpp* in (3)). The form of lexicalized interjections can also vary (cf. the variations in pronunciation/spelling of the interjection *bum* in (1).) It should also be pointed out that their effect depends to a great extent on the manner of pronunciation (and can be combined with gestural effects).
- The principal specific feature of these interjections is no doubt their onomatopoeic character: they reproduce acoustic phenomena, very often emphasizing characteristics such as repetitiveness, intensity, suddenness. Therefore, they are *iconic*, but also *expressive* language means. However, the correlation of an acoustic phenomenon with an underlying *phonogenic situation* (a situation in which a sound is created) makes it possible for the interjection to imply the realisation of that situation. The nature of that

situation is interpreted on the basis of its conventional connection with the interjection in question and/or taking into account the context in which the interjection is used.

- Examples (1) – (4) illustrate two types of interjection use. The first is an example of the *holistic (holophrastic) use* of interjections, i.e. in the discourse, the interjection has the status of a sentence (more precisely, utterance). As such, it contributes to the expressiveness of the narration, and enhances the impression that the discourse makes on the listener or reader. The nature of the acoustic phenomenon (and the implied phonogenic situation) is understood from the context. Examples (2) – (4) illustrate the *synergic use* of interjections and syntactic units, i.e. various kinds of integration of interjections with clauses. It should be pointed out that these are not constructions based on the syntactic system, but rather *discourse configurations*.
- Specialization makes onomatopoeic interjections particularly appropriate for use in certain types of discourse (dialogue, narration); on the other hand, this specialization is the reason that, unlike combinatory word classes, interjections are not found in most types of discourse.

Discourse, grammar, lexicon. Onomatopoeic interjections and their specialization are closely connected to the use of certain types of discourse and the effects that are to be achieved. However, the form of systematically constructed texts is also determined to a great degree by the nature and requirements of the discourse; cf. the informational actualization of sentences and the corresponding sentence configurations, narrative verbal forms, nominal sentences, ellipsis, and other phenomena, some of which are illustrated in the examples (1) – (4); to this should be added the importance of the prosodical aspects of the discourse. Therefore, the methodological conclusion would be that, when considering grammatical and lexical phenomena, the use of language in discourse (more precisely, in various types of discourse) should also be taken into consideration.

The practical significance of the findings of this paper.

The findings presented in this paper are not meant only as a contribution to theoretical issues, but also as a practical contribution to the treatment of interjections in monolingual and bilingual dictionaries and in grammars. They can also be of use in the processing of digital corpora, as well as the compiling of corpora of aligned texts.

All of this will be illustrated in the paper by additional examples, and will be further elaborated.

REFERENCES

- BABIĆ, S. 1986: *Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku*, Zagreb: JAZU, Globus.
- BABIĆ, S. *et al.* 1991: *Povijesni pregled, glasovi i oblici hrvatskoga književnog jezika*, Zagreb: JAZU, Globus.
- KLAJN, I. 2003: *Tvorba reči u savremenom srpskom jeziku*, II, Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, Institut za srpski jezik SANU; Novi Sad: Matica srpska.
- RMS 1967–1976: *Rečnik srpskohrvatskoga književnog jezika*, I–VI, Novi Sad: Matica srpska.
- RSANU 1959–2010: *Rečnik srpskohrvatskog književnog i narodnog jezika*, I–XVIII, Beograd: SANU.
- STEVANOVIĆ, M. 1986: *Savremeni srpskohrvatski jezik*, I, Beograd: Naučna knjiga.

Каролина Скварска
 Славянский институт ЧАН
 skwarska@slu.cas.cz

Роль лексического наполнения в конструкциях с отношением семантической диатезы

Диатезой мы считаем отношение между двумя конструкциями, которые отражают ту же ситуацию с разных точек зрения, и в основе которых лежит та же глагольная лексема. В отличие от т. н. грамматических диатез (пассивная д., результативная д. и т. п.), у семантических диатез не изменяется форма глагола, нельзя, однако, сформулировать точные правила для описания изменений формы дополнений, и даже для возможности поверхностного выражения отдельных партиципантов ситуации. Примеры сем. диатез: чеш. *napustit konev vodou – napustit vodu do konve*, рус. *выбить пыль из ковра – выбить ковер*, польск. *leczyć pacjenta z neurastenii – leczyć neurastenię*.

Наше исследование семантических диатез связано с разработкой *Словаря сочетаемости чешского глагола (Valenční slovník českých sloves - VALLEX)*, следовательно оно исходит от отдельных глаголов. Результаты исследования, таким образом, дают возможность совершенствования лексикографического описания глаголов в словарях сочетаемости и других (напр. двуязычных) словарях. Объектом нашего исследования являются семантические диатезы в чешском, русском и польском языках, особенно в сравнительном плане, которому для славянских языков в прошлом уделялось мало внимания (исключением является напр. статья З. Тополинской: TOPOLIŃSKA 1984). Сравнительное изучение проблематики диатез дает информацию о разнообразии грамматических и лексико-семантических систем довольно близких языков и одновременно помогает дать более точное описание явлений в отдельных языках.

Материал приобретен, главным образом, из электронных корпусов (Český národní korpus, Национальный корпус русского языка, Korpus Języka Polskiego PWN, Korpus IPI PAN), из Интернета, из словарей.

Основой описания семантических диатез является их классификация, разработанная на принципе семантического анализа предиката и семантического описания участников ситуации (ср. работы Ф. Данеша: DANEŠ – HLAVSA 1978, DANEŠ 1985). В нашем выступлении мы покажем плодотворность такого описания и возможности его дальнейшего усовершенствования. С точки зрения классификации диатез мы сосредоточимся на диатезах, в которые вступают глаголы и их левовалентное

и правовалентное дополнения – такие диатезы остались у Ф. Данеша в стороне.

На основании классификации диатез мы попытаемся ответить на следующие вопросы, связанные с грамматической и лексико-семантической характеристиками глагола и его дополнений:

1) Сколько глаголов может вступать в отдельные диатетические отношения в исследованных языках?

Самая распространенная диатеза в приведенных языках – это т. н. локативная диатеза (ср. КЕТТНЕРОВА́ 2011) – в диатетические отношения вступают глаголы создания (создания) и нарушения взаимного наличия с партиципантами КОНТЕЙНЕР – ЕГО СОДЕРЖИМОЕ или ОБЪЕКТ – ЕГО ПОВЕРХНОСТЬ (ср. чеш. *čistit bláto z bot* – *čistit boty od bláta*, рус. *чистить снег с крыши* – *чистить дорогу от снега*, польск. *czyścić kurz z mebli* – *czyścić meble z kurzu*). Ф. Данеш нашел 300 чешских глагольных лексем, способных вступать в такие отношения (DANEŠ 1985, 52). С другой стороны, существуют и такие диатезы, основой которых может стать минимальное количество глаголов, ср. глаголы излучения энергии с участниками ситуации ИСТОЧНИК – СУБСТАНЦИЯ (чеш. *vyzařovat*, польск. *promieniować, emanować*, рус. Ø), глаголы просьбы с участниками ситуации АДРЕСАТ – СОДЕРЖАНИЕ ПРОСЬБЫ (чеш. *vyžadovat*, рус. *просить, спрашивать*, польск. *prosić*). Мы, конечно, во многих случаях не способны определить точное число таких глаголов, однако и по приблизительному количеству можно прийти к выводам о степени устойчивости таких отношений в исследуемых языках.

2) В какой степени устойчиво лексическое наполнение комментов данных глаголов?

Некоторые глаголы вступают в диатетические отношения только с очень ограниченным кругом лексических наполнений, ср. рус. *дарить кого-л. улыбкой* – *дарить кому-л. улыбку* (APRESJAN 2010, с. 350, сочетание с творительным падежом устаревшее). В крайних случаях такие конструкции уже считаем фразеологизмами, ср. чеш. *prohnat někomu hlavu kulkou* – *prohnat někomu kulku hlavou* (SČFI). Некоторые глаголы могут вступать в диатетические отношения, однако никогда с тем же лексическим наполнением комментов в обеих конструкциях, ср. чеш. *prolít čaj cedníkem* - **prolít cedník čajem*, *prolít rýži vodou* - **prolít vodu rýží* (прим. по DANEŠ 1985, 61).

3) Каково взаимоотношение между 1) и 2) ?

4) Может одна лексема наполнять два разных дополнения в конструкциях, находящихся в отношении диатезы?

Мы попытаемся дать ответ на этот вопрос на примере лексического наполнения партиципанта ситуации КОНТЕЙНЕР в одной, а ЕГО СОДЕРЖИМОЕ во второй конструкции у глаголов нарушения взаимного наличия с префиксом *pro-* в чешском и русском языках, напр. чеш. *prořezat*).

В нашем выступлении, таким образом, постараемся показать, какой мерой устойчивости отличаются конструкции отдельных диатез в исследуемых языках и какие отношения возникают в зависимости от лексических наполнений.

ЛИТЕРАТУРА

- АПРЕСЯН 2010: АПРЕСЯН, Ю.Д. и др., *Теоретические проблемы русского синтаксиса. Взаимодействие грамматики и словаря*. Москва, Языки славянских культур, 2010.
- СКВАРСКА в печ.: СКВАРСКА, К., Семантические диатезы в чешском языке с учетом русского и польского языков. *Зборник Матице Српске за славистику*. (в печати)
- DANEŠ 1985: DANEŠ, F.: Některé typy hierarchizace sémantické struktury věty. *Věta a text*, Praha, Academia, 1985, s. 29–64.
- DANEŠ – HLAVSA 1978: DANEŠ, F. – HLAVSA, Z., Hierarchizace sémantické struktury věty. In: *Československé přednášky pro VIII. mezinárodní sjezd slavistů v Záhřebu*. Praha, Academia, 1978, s. 67–77.
- KETTNEROVÁ 2011: KETTNEROVÁ, V., Lokativní sémantická diateze v češtině. *Slovo a slovesnost* 72, 2011, s. 83–101.
- SČFI: *Slovník české frazeologie a idiomatiky*. Praha, Academia, 1994.
- SKWARSKA докл.: SKWARSKA, K. Sémantické diateze v češtině a dalších slovanských jazycích. Доклад на конф. Stoleté kořeny ÚJČ, Прага июнь 2011.
- TOPOLIŃSKA 1984: TOPOLIŃSKA, Z., Właściwości diatetyczne czasowników w języku polskim, macedońskim i serbsko-chorwackim (założenia opisu typologicznego). In: *Studia konfrontatywne polsko-południowosłowiańskie*. Wrocław, Zakł. Nar. im. Ossolińskich, 1984, s. 103–134.
- VALLEX: LOPATKOVÁ, M. – ŽABOKRTSKÝ, Z. – KETTNEROVÁ, V. ET AL.: *Valenční slovník českých sloves*. Praha, Univerzita Karlova – Nakladatelství Karolinum, 2008.
<http://ufal.mff.cuni.cz/vallex/2.5/doc/home.html>

ЭЛЕКТР. КОПИУСА

Český národní korpus: <http://ucnk.ff.cuni.cz>   Korpus IPI PAN: <http://korpus.pl>
Национальный корпус русского языка: www.ruscorpora.ru

Korpus Języka Polskiego Wydawnictwa Naukowego PWN: <http://korpus.pwn.pl/>

Jens Nørgård-Sørensen
 University of Copenhagen
 jns@hum.ku.dk

Animacy in Russian – a sub-gender?

In Russian linguistics it is customary to classify animacy as a kind of gender. In his book on gender Corbett (1991: 4) proceeds from Hockett's (1958: 231) definition: "Genders are classes of nouns reflected in the behavior of associated words" – and emphasizes that "the determining criterion of gender is agreement". Against this background it is reasonable to conclude that there are two gender categories in Russian: one with the values *animate* and *inanimate*, another with the values *masculine*, *feminine* and *neuter*. In the following I shall stick to the traditional terminology, referring to the former category as *animacy* and only to the latter as *gender* (or *gender proper*).

Corbett ascribes a somewhat subordinate status to animacy, defining it as "a sub-gender, narrower in range than the three main genders". But even if we recognise animacy as a gender distinction, we need not consider it subordinate to gender proper. I shall argue that animacy is not only a full-fledged agreement category along with person, number and gender. I shall also provide evidence that animacy is a more prominent category of the noun than the other categories mentioned. I shall show how the central status of animacy is reflected in agreement and other formal patterns in combination.

Corbett notes that animacy is reflected in agreement of the adjective, the relative pronoun and – for some Slavic languages – the predicate verb. He fails to mention the crucial point that animacy is also reflected in several anaphorically used pronouns, cf (1)-(2).

- (1) *Devuška okazalas' uzlovatoj i bezulybčivoj. Takix (*takie) i xmel'nye mužiki za tri ulicy obxodjat.*

Girl_{SG.FEM.NOM} appeared withdrawn and gloomy. Such_{PL.ACC=GEN} (*such_{PL.ACC=NOM})
 even drunk chaps behind three streets go-around

'The girl appeared withdrawn and gloomy. Even drunk chaps will make a long
 detour round girls like that.'

- (2) *Lico u nee bylo porazitel'noj krasoty. Takie (*takix) on videl kogda-to v al'bome pokojnoj materi.*

Face_{SG.NEUT.NOM} with her was astonishing_{GEN} beauty_{GEN}. Such_{PL.ACC=NOM}
 (*such_{PL.ACC=GEN}) he saw once in album late_{GEN} mother_{GEN}

'Her face was astonishingly beautiful. Once he had seen such faces in his late mother's album.'

The crucial thing about anaphors like *takoj* 'such (a)' and certain others is that they do not inherit the number value of the antecedent. As an anaphor *takoj* may or may not appear in the same number as the antecedent, but it does not inherit the number value of the antecedent in any case.

As opposed to number, both the animacy value and the gender value are inherited consistently – irrespectively of the number value of the target. The examples show that even feminine and neuter nouns in the singular must be identified as either animate or inanimate. Otherwise it would not be possible to account for the inflection of anaphors with this kind of nouns as antecedents, cf (1) and (2) where the anaphors exhibit accusative-genitive syncretism and accusative-nominative syncretism respectively. This demonstrates that animacy is prominent to the language users to at least the same degree as gender. Agreement patterns point to an equal status of animacy and gender as inherent features of the noun. Whenever a noun occurs in discourse, both the gender and the animacy values are prominent independently of case and number. The only exception is constituted by *pluralia tantum* nouns which actually do not possess a gender value. On the other hand, they do possess an animacy value. Exhibiting accusative-nominative syncretism, they are inanimate.

Conclusion 1: Animacy is the only category for which every Russian noun stem has an inherent value. This indicates that animacy is primary to gender.

It appears that Corbett's description of animacy as "narrower in range" than gender proper should be understood as related to inflection. This calls for two remarks.

First, it is not at all clear if gender is reflected in the inflection of the Russian noun in a much more prominent way than animacy. The three declensional classes are not unambiguously related to gender (Stankiewicz 1968: 24). Second, very few desinences are unambiguously related to one particular gender, and of the few desinences that are actually specified for gender the majority are also specified for animacy.

Conclusion 2: There is no evidence that gender is more widely specified in the inflection of the noun than animacy. In isolation, inflection points to an equal status of animacy and gender.

Animacy and gender are lexically encoded categories; in other words they are inherent features of the noun stem. For both categories it is possible to set up assignment rules predicting the animacy and gender value of all Russian nouns (Corbett 1991: 34-43, 165-68; Corbett and Fraser 1993; Fraser and Corbett 1995).

What is important for my argument is the fact that animacy assignment is never dependent on gender, while, on the other hand, gender assignment occasionally depends on animacy. Animacy reflects a simple semantic distinction - between *active individuals* and everything else (including *non-active individuals* and *non-individuals*) (Nørgård-Sørensen 1997: 339, fthc.). One of the features playing a role in gender assignment is animacy. Animacy is decisive for the assignment of gender to indeclinable nouns, a noun class rapidly increasing in number.

Conclusion 3: Animacy and gender are not assigned independently of each other. Only animacy assignment is independent and clearly primary to gender assignment. To the Russian linguistic mind denotata of nouns are primarily divided into animates and inanimates and only secondarily – partly on the basis of this primary classification – they are divided into masculine, feminine and neuter.

Additional evidence of the primacy of animacy is found in derivational patterns. Among the factors determining derivation in Russian one does not find gender in isolation. On the other hand there are derivational patterns depending exclusively on animacy. In derivation of relational adjectives the choice of suffix may depend on the specification of the source noun as animate or inanimate:

Derivational source	Suffix	Examples
Inanimate noun	-ov-	<i>golos-ov-oj</i> (<i>golos</i> 'voice')
	-n-	<i>reaktor-n-yj</i> (<i>reaktor</i> 'reactor')
Animate nouns		
Human	-sk-	<i>direktor-sk-ij</i> (<i>direktor</i> 'director')
Non-human	-in-	<i>miš-in-yj</i> (<i>miš'</i> 'mouse')

Elsewhere (Nørgård-Sørensen 1997, fthc.) I have argued that the apparent exceptions from this pattern are not real exceptions.

Conclusion 4: Derivation offers further evidence in favour of the above conclusions. Of the two lexically encoded (inherent) grammatical features of the Russian noun, animacy and gender, animacy is the more fundamental. Since inherent (i.e., lexically encoded) features must be considered primary to inflectional (i.e., morphologically encoded) categories like number and case, animacy is in general the most fundamental grammatical category of the Russian noun, i.e., the category most prominent to the linguistic mind.

Summing up, I shall return to agreement. If it is correct that animacy is the most fundamental grammatical feature of the Russian noun, one should not expect to find any other

category which is more widely represented in agreement. This proves to be the case. I have already emphasized that as an agreement category animacy is not only reflected in adjectives and relative pronouns (as mentioned by Corbett) but also in anaphoric pronouns, cf (1)-(2). In other words, animacy is reflected in the same form classes as the other agreement categories: gender, number and person.

It should be emphasized that the conclusions only count for Russian. Despite apparent similarities other Slavic languages (e.g., Polish and Bosnian/Croatian/Serbian) supposedly exhibit other patterns.

REFERENCES

- Corbett, Greville G. (1991) *Gender*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Corbett, Greville G. and Fraser Norman M. (1993) "Network morphology: A DATR account of Russian nominal inflection". *Journal of Linguistics* 29, 113-142.
- Fraser Norman M. and Corbett, Greville G. (1995) "Gender, animacy, and declensional class assignment: a unified account for Russian". Geert Booij and Jaap van Marle, eds. *Yearbook of Morphology 1994*. Dordrecht: Kluwer, 123-50.
- Hockett, Charles F. (1958) *A course in modern linguistics*. New York: Macmillan.
- Nørgård-Sørensen, Jens. (1997) "Russian nominal morphology. A hierarchy of semantic features". Uwe Junghanns and Gerhild Zybatow, eds. *Formale Slavistik*. Frankfurt am Main: Vervuert, 335-46.
- Nørgård-Sørensen, Jens (fthc.). *Russian nominal semantics and morphology*. Bloomington IN: Slavica Publishers.
- Stankiewicz, Edward. (1968) *Declension and gradation of Russian substantives*. The Hague: Mouton.

Рина Судзуки

Медицинский университет Саппоро

lina@malina.sakura.ne.jp

Русские предлоги и предложные единицы

Данная работа посвящена описанию русских предложных единиц – коррелятов предлога, формируемых параметрическими существительными, которые в некоторых своих словоформах выступают в функции предлога и присоединяют к себе в качестве управляемой единицы числительные или количественно-именные сочетания. В рамках предложно-падежной системы русского языка имеется особый класс словоформ, где в роли управляемого предложной единицей компонента выступают количественно-именные группы. Ср.: *башня **высотой** сто метров; стержень **длиной** более пяти метров.*

Категория предлога в русской лингвистике разрабатывается давно. В грамматике Лаврентия Зизания, которая сыграла важную роль в становлении систематической грамматики, литературного русского языка, описание о предлоге уже есть. Однако определение предлога и систематизация грамматических отношений, выражающихся предлогами, в русской грамматике впервые появились только в 20-х годах 20 века. Изучение предлогов постоянно привлекает внимание известных лингвистов. В 20 веке ими занимались А.А. Шахматов, В.В. Виноградов, Г.А. Золотова и др. В процессе изучения предлогов возникло несколько разных толкований этой части речи. Эти работы внесли большой вклад в разработку категории предлога. Однако в свете современных представлений и при использовании современных методик оказалось дать возможным и необходимым новое определение предлога и предложных единиц.

В последнее время грамматическая наука развивается особенно активно. Разнообразие подходов и возрастающая сложность исследований породили множество подходов и направлений. Категория предлогов также оказалась объектом изучения у представителей разных направлений. Одним из этих актуальных в современной лингвистике направлений является функциональная грамматика. Концепция функциональной грамматики представляет собой современное осмысление грамматического строя и закономерностей в функционировании языка.

Функциональная грамматика представлена некоторыми основными подходами А.В. Бондарко, Г.А. Золотовой М.В. Всеволодовой и др., каждое из которых обусловлено решением определённых практических задач.

Основным объектом нашего анализа являются словоформы параметрических существительных, выполняющие в определённых условиях функцию предлога.

Количественная характеристика может системно выражаться с помощью параметрических существительных, как, например, **высота, глубина, длина** и т.д., которые конкретизируют тот параметр, числовое обозначение которого вводится в предложение. Параметрические существительные выступают в той или иной синтаксической форме – без предлога или с предлогом в препозиции к существительному: **длиной – в длину**.

В работе [Всеволодова и др. 2003, 47] отмечается, что «предлог не является частью морфологической формы слова, но входит на правах составляющей в синтаксическую форму слова – синтаксему». Словоформы параметрических существительных выполняют функцию предлога, поскольку вводят количественную группу и занимают одну синтаксическую позицию в предложении.

По своей функции, словоформы параметрических существительных вводят в предложение количественно-именные группы, составляя с ними одно целое. Соответственно, в этом плане они выполняют функции предлога, хотя и остаются в составе категории существительных. Этим определяется их место в структуре категории предложных единиц.

Корреляты предлогов можно разделить на два класса: а) компаративы и б) словоформы параметрических существительных. Словоформы параметрических существительных в определённых условиях формируют целостные синтаксемы, в которых они играют роль предложного компонента при количественно-именной группе, вводя числовой показатель – количественный и имя параметра: *Пруд диаметром в пять метров*. Эти словоформы могут вводить также показатель сравнения, когда величина объекта выражается через сравнение с другим объектом: *Пруд диаметром с большую лужу*. Отметим, что определённые словоформы параметрических существительных вместе с количественным, именем параметра и другими распространителями образуют одну синтаксему. Соответственно, они входят в грамматическое поле предлогов на правах периферийного компонента.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Амиантова И.Э., Битехтина Г.А., Всеволодова М.В., Клобукова Л.П. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как составляющая современной лингвистической парадигмы. // Вестник Московского университета Сер.9. Филология. 2001. №6.
- Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики. М., 2002.
- Виноградов В.В. под ред. Грамматика Русского Языка. М., 1952-1954.
- Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 4-е издание. М., 2001.
- Всеволодова М.В., Клобуков Е.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. К основаниям

функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестник Московского университета. Сер.9. Филология. 2003. № 2.

Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000.

Востоков А.Х. Сокращённая русская грамматика. М., 1867.

Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого./ Составитель К.А. Кузьмина. М., 2000.

Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

Греч Н.И. Краткая русская грамматика. СПб., 1847.

Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. 2-е издание. М., 2001.

Краткая русская грамматика. 2-е издание, стереотипное./ Под. ред. Н.Ю.Шведова и В.В. Лопатина. М., 2002.

Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Том седьмой. Труды по филологии. 1739-1758 гг. Л., 1952.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. В 2 т. М., 1958.

Русская грамматика. (-РГ80): В 2 т./ Гл. ред. Н.Ю.Шведова. М., 1980.

Современный русский литературный язык. 6-е издание, стереотипное./ Под ред. П.А. Лекант. М., 2004

Современный русский язык. 4-е издание./ Гл.ред. Л.А.Новикова. М., 2003.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М., 2001.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. 2-е издание. М., 2004.

Ханну Томмола
 Университет Тампере
 Hannu.Tommola@uta.fi

О показателях недостоверного (ирреального) сравнения

1. Симилятивные конструкции как тип сравнительных конструкций

Если **компаративные** конструкции выражают неравенство сравниваемых объектов или положений дел, а **эквативные** конструкции равенство (обозначают соотношение эквивалентности сравниваемых), то **симилятивные** (уподобительно-сравнительные и др.) конструкции обозначают такое соотношение между объектом А и эталоном сравнения В, что А и В, по мнению говорящего, можно рассматривать как одинаковые или по крайней мере похожие друг на друга, либо в целом, либо по какому-нибудь параметру *x*, который может и оставаться точнее неопределенным. Только эквативы выражают «равенство», тогда как симилятивы скорее выражают просто «сходство» (Haspelmath & Buchholz 1998: 278). По своей структуре симилятивные и эквативные конструкции отличаются только в том, что параметр сравнения в симилятивных конструкциях не выражен эксплицитно (Haspelmath & Buchholz 1998: 279), а остается скрытым (во многих случаях довольно неопределенным, даже туманным).

2. Недостоверные сравнительные конструкции как подтип симилятивных

Рассматривая различные типы сравнительных конструкций симилятивной разновидности, можно выделить как единый тип те случаи, в которых говорящий маркирует достоверность сходства сомнительной, или во всяком случае неполной. Как и в «достоверном» эквативном сравнении, сравниваются либо предметы, либо ситуации, выражаемые синтаксически или именными группами, или клаузами, главным и придаточным предложением.

(1) Экватив

- a. (Польск.) *Gimnastyka jest tak samo ważna jak jedzenie, jak sen, to co ja mogę poradzić?*
 ‘Гимнастика так же важна как питание, как сон, так что же я могу посоветовать?’
- b. Он *такой же* директор, **как** я архиерей! (Булгаков, *Мастер и Маргарита*)
 (Болг.) Той *e толкова* директор, **колкото** аз *съм* архиерей.
 (Англ.) He's *as much* a director **as** I'm a bishop.

(2) Симилятив недостоверный

a. А в среду **как** сквозь землю провалился Беломут. (Булгаков, *Мастер и Маргарита*)

(Болг.) А в сряда **сякаш** вдън земята потъна и Беломут.

(Чешск.) A ve středu **jako by** se do země *propadl* Běloomut.

b. (Словенск.) V sredo pa je izginil Belomut, **kot da** se je v zemljo *vdrl*, res pa v drugačnih okoliščinah.

(Голландск.) En op woensdag **verdween** Belomoet, **alsof** hij door de aardbodem **was opgeslokt**, maar onder andere omstandigheden.

Пример (2) интересен по некоторым причинам:

- 1) Во-первых, в русском примере представлен стандартный сравнительный союз равенства *как*. Об эксплицитно выраженной «недостоверности» говорить не следует, ведь в качестве показателей ее в русском языке обычно приводят, в первую очередь, (*как*) *будто* (*бы*) и *словно* (*бы*), с маркером сослагательного залога или без него, а также *как* с сослагательным маркером: *как бы*.
- 2) Во-вторых, и в болгарском и чешском переводе (и не только в них) романа Булгакова модификатор *как* здесь заменяется на показатель «эксплицитной недостоверности» (в болгарском вместо стандартного *като* выбрано *сякаш* ‘как будто’, вместо *jako* в чешском – *jako by*).
- 3) В-третьих, кроме того, что в голландском переводе сделана соответствующая смена *als* на *alsof*, здесь последний союз открывает придаточное предложение, конструкция полипредикативна. Так же обстоит дело и в примере словенского перевода.

Обстоятельственные значения, вводимые сравнением, могут реализоваться кроме обстоятельства в виде именной группы (2a), также конструкцией с самостоятельной предикации (2b), либо в виде обособленного деепричастного оборота с маркером условности (3a), либо как придаточные предложения с маркером сослагательного наклонения (3b), как еще в одном примере из *Мастера и Маргариты* и соответствующем переводе его на чешский язык:

(3) Полипредикативный симилятив

a. Вырвавшись из подворотни, буфетчик диковато оглянулся, **как будто** что-то *ища*.

b. Vyřítíl se z průjezdu a divoce se rozhlížel, **jako by** cosi *hledal*.

А как нам быть с примером (2), свидетельствующем о том, что переводчики всплошную заменили русский простой сравнительный союз показателем недостоверного сравнения? Не промахнулись ли они каждый в отдельности и все вместе? Конечно нет, скорее можем предполагать, что сравнительные конструкции сами собой могут иметь семантику, близкую к ирреальности (см. Летучий 2008). В приведенном выше примере (2a) русское предложение содержит сравнение, эталонная часть которого обозначает ситуацию, которая в нашем мире представляется невозможной (а язык позволяет выразить и смыслы, ставшие возможными в каком-либо другом мире человеческого воображения).

Как показывает пример (1b), прагматическое прочтение может интерпретировать фактический смысл высказывания по-своему несмотря на первичные функции грамматических показателей в нем. В (1b) эксплицитное эквативное маркирование (*такой же*), естественно, иронически подчеркивает скрытое мнение говорящего о том, что оба сравниваемых утверждения в одинаковой степени как раз неверны. В доказательство предположения недискретности границы между собственно сравнением и ирреальным сравнением можно еще привести хотя бы тот факт, что и в английском языке симилятивный предлог или союз *like* употребляется также в контексте ирреально-недостоверного сравнения (хотя такое употребление подчас и критикуется) наряду с собственно ирреальным показателем *as if, as though*.

В разных славянских языках имеются разные показатели недостоверности сравнения. Например, в болгарском языке стандартный эквативно-симилятивный маркер *като* в данной функции выступает в составе условного предложения *като че (ли)* наряду с основным показателем недостоверности *сякаш*. В чешском языке широко употребляется *jako by*, и в польском *jakby, jakoby* и *niczym*. В украинском языке в моем материале встречаются *буцімто, неначе* и *ніби (як)*, и в белорусском *быццам* и *нібы(та)*. В своем докладе я рассматриваю семантические и синтаксические свойства союзных слов и модальных модификаторов недостоверного сравнения, сравнивая состав данных слов и их поведение в некоторых славянских языках.

ЛИТЕРАТУРА

Летучий, Александр (Letuchiy, Alexander) 2008. Сравнительные конструкции, ирреалис и эвиденциальность // Wiemer, Björn & Plungjan, Vladimir A. (Hg.), *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen*. Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72. München & Wien. 215–238.

Haspelmath, Martin & Buchholz, Olga 1998. Equative and similative constructions in the languages of Europe // Van der Auwera, Johan (ed.), *Adverbial constructions in the languages of Europe*. Empirical approaches to language typology 20, 3. Berlin & New York: Mouton de Gruyter. 277–334.

Виктор С. Храковский

Институт лингвистических исследований РАН

khrakov@vh2769.spb.edu

Статус значений, которые могут выражаться глагольными лексемами и грамматическими морфемами (значения *быть* и *притворяться*)

1. Важное и естественное разграничение лексики и грамматики является вместе с тем в какой-то мере относительным. Так, в грамматике всегда говорится о служебных частях речи типа предлогов, послелогов, союзов, местоимений, а в словаре всегда перечисляются все слова, являющиеся предлогами, послелогами, союзами, местоимениями. Однако слова, имеющие отношение к грамматике, многие исследователи выделяют и в знаменательных частях речи. Касаясь этого вопроса, уже довольно давно С.Д. Кацнельсон писал: «проблема, как отграничить грамматические значения от лексических, становится особенно острой при рассмотрении строевых слов. Многие слова, как подчеркивал Л.В.Щерба, выражают значения, близкие к грамматическим, ср. *быть, делать, становиться, пытаться, длиться, каждый, любой, весь, очень, обычно, внезапно, само собой* и т.п. Лишь немногие слова этого типа зарегистрированы грамматикой как “служебные”. Из рассмотрения таких слов явствует, что лексемы не всегда имеют именно лексическое значение. Но чтобы с уверенностью отличать строевые слова и не смешивать их со знаменательными, нужны критерии функционального порядка» [Кацнельсон 1972: 92].¹

Несколько позже было высказано предположение, что «существуют значения, которые обладают вполне определенной спецификой в собственно семантическом плане и в то же время обнаруживают “склонность” к выражению служебными грамматическими средствами или строевой глагольной лексикой с ее яркой грамматической спецификой, это значения, выступающие в качестве непредикатных функторов (не исключено, что и некоторые другие).² Возможно, что подобные значения следует квалифицировать как грамматические по своей природе» [Касевич, Храковский 1981: 26]. Функторы, у которых первая и вторая валентности не могут быть пропозиционными, было предложено считать предикатами, а функторы, у которых первая и/или вторая валентности являются пропозиционными, было предложено считать непредикатными. Оказалось, что значения

---

¹ С позиций теории грамматикализации слова из списка Л.В.Щербы сами по себе, очевидно, еще не имеют отношения к грамматике, а всего лишь служат базой для формирования грамматических показателей [Bybee, J.L.; Perkins, R.; Pagliuca, W. 1994].

² О термине функтор см. [Ильин Г.М и др., 1971].

непредикатных функторов выражают глаголы: (отрицательные, фазовые, аспектуальные, темпоральные, пассивные, бенефактивные, модальные, ориентации, движения, положения в пространстве, таксисные, каузативные и некоторые другие), которые в грамматиках часто, хотя и не всегда, относят к числу служебных, т.е. имеющих грамматическое значение.

2. В данной работе мы хотим показать, что лексическими и грамматическими средствами могут выражаться не только значения непредикатных функторов, но и значения определенных типов предикатов. Предметом нашего анализа служат глаголы *быть* и *притворяться*, чьи значения относятся к классу предикатных функторов. Выбор именно этих двух глаголов может на первый взгляд показаться случайным, но, как мы покажем далее, значения этих глаголов очень близки друг другу. У глагола *быть*, который традиционно считается служебным, Ю.Д.Апресян [Апресян 2010] выделяет шесть значений. Четыре значения – лексические. Это - основное связочное значение (*Мой отец был архитектором*), локативное (*Дети были на озере*), посессивное (*У него была прекрасная библиотека*), экзистенциональное (*Есть еще добрые люди на свете*). Пятое значение – этноспецифическое модальное (*Быть грозе*), а шестое значение – грамматическое, выступающее в двух вариантах (*Не буду вам мешать*, *Проект был закончен*).

Такая трактовка не кажется вполне адекватной по типологическим соображениям. Дело в том, что существуют языки, например, эскимосский, в котором отсутствует глагол «быть» в функции связки» [Вахтин 1995: 107-108]. В этом языке есть суффикс *-у/-н'у/-гу*, который «присоединяется к основе практически любого имени» и образует глаголы со значением «быть тем, что указано в основе». Если учитывать факты такого рода, то основное лексическое связочное значение русского глагола *быть* следовало бы считать грамматическим, что вполне соответствует традиционной трактовке. Выражаясь более точно, следует, очевидно, говорить, что это значение входит в то множество значений, которое может выражаться как лексическими, так и грамматическими средствами. Заметим, между прочим, что специфика связочного значения состоит в том, что его конкретная интерпретация определяется лексическим заполнением второй аргументной позиции. Быть архитектором совсем не то, что быть врачом. Тем самым связочное значение глагола *быть* принципиально отличается, например, от значений знаменательных глаголов типа *читать*, *убивать* и т.п. Когда мы имеем дело с глаголами типа *читать* и *убивать*, то мы знаем, в чем заключается процесс и/или результат называемых этими глаголами ситуаций, независимо от того, что мы читаем или кого мы убиваем, а когда мы имеем дело с глаголами типа связочного глагола *быть*, мы такой информацией не располагаем, если мы не знаем какое конкретно имя занимает вторую аргументную позицию.

3. В отличие от глагола *быть* глагол *притворяться* традиционно считается знаменательным и не имеющим никакого отношения к грамматике, однако с типологической точки зрения его значение можно трактовать как служебное. Лексема этого глагола входит в синонимический ряд лексем ПРИТВОРИТЬСЯ, ПРИКИНУТЬСЯ, СИМУЛИРОВАТЬ, к которым добавлена фразема ДЕЛАТЬ ВИД. Лексемы данного синонимического ряда исчерпывающим образом проанализированы Ю.Д.Апресяном в работе [Апресян и др. 2000: 290], где он справедливо обратил внимание на то, что «признак “кажимости” несовпадения фактического положения дел с тем, что представляется наблюдателю, лежит в основе важного для языка противопоставления **реального** и **мнимого** (воображаемого или обманного) миров». К сказанному, пожалуй, следует добавить, что мы моделируем мнимый мир по образу и подобию реального мира, и в частности для значения ПРИТВОРИТЬСЯ базовым является связочное БЫТЬ, ибо ПРИТВОРИТЬСЯ по сути своей КАК БЫ БЫТЬ (а для наблюдателя «БЫТЬ на самом деле»). Иными словами, связочное значение глагола *быть* и значение глагола *притворяться* очевидным образом связаны друг с другом.

Здесь очень интересен формальный статус ситуации, называемой лексемой ПРИТВОРИТЬСЯ. Дело в том, что эта ситуация является обобщенной, абстрактной, примерно такой же, что и ситуация, называемая лексемой связочного глагола *быть*. И под эту абстрактную ситуацию теоретически подводится все множество конкретных ситуаций, которые Агенс абстрактной ситуации может симитировать. Для имитации любой конкретной ситуации Агенс должен выполнять индивидуальный набор определенных действий. И таких наборов в принципе может существовать ровно столько, сколько можно симитировать конкретных ситуаций. Иначе говоря, лексема глагола *притворяться*, как и лексема связочного глагола *быть*, принципиально отличаются от лексем, называющих конкретные ситуации. Как мы уже отмечали выше, любая такая лексема, например, ЧИТАТЬ, УБИВАТЬ и т.п. имеет одну и ту же интерпретацию, независимо от того, кто конкретно выступает в роли участников этих ситуаций. Иначе говоря, интерпретация любой такой лексемы не зависит от лексического наполнения аргументных позиций. В то же время в случае имитативной ситуации, набор действий, которые выполняет Агенс, и результат этих действий, а тем самым, и интерпретация ситуации меняются в зависимости от того, какая конкретная ситуация имитируется. Выражаясь более точно, интерпретация имитативной лексемы определяется лексическим наполнением второй аргументной позиции. Таким образом, лексема глагола *притворяться*, как и лексема связочного глагола *быть*, фактически выполняют ту же функцию, которую в принципе могут выполнять грамматические показатели, и соответственно есть определенные основания говорить об особом статусе значения 'ПРИТВОРИТЬСЯ', практически таком же, что и у связочного значения 'БЫТЬ'.

4. Возвращаясь к высказанной выше мысли о том, что с типологической точки зрения имитативное значение глагола *притворяться* можно трактовать как служебное, обратимся к данным литературного арабского языка. В этом языке некоторые исходные глаголы состояния т.н. I породы преобразуются в т.н. имитативные (симулятивные) глаголы VI породы (типа SaKiRa ‘быть пьяным’ → taSa:KaRa ‘притворяться пьяным’, MaRiŠa ‘болеть’ → taMa:RaŠa ‘притворяться больным’). Маркером деривационного процесса служит замена краткого /a/ после первой корневой фонемы долгим /a:/ и прибавление префикса ta-. Соответственно в этом языке существуют деривационные цепочки типа:

MaRiŠa mu...ammad «Мухаммед заболел» →

taMa:RaŠa mu...ammad «Мухаммед притворился больным».

В результате этого деривационного процесса происходят следующие принципиально важные изменения: во-первых, единственный участник ситуации меняет роль Пациенса на роль Агенса, во-вторых, в ситуации, обозначаемой имитативным глаголом, появляется фигура Наблюдателя.

5. Если теперь суммировать изложенное, то можно прийти к следующим выводам. Проведенный анализ связочного значения глагола *быть* и значения глагола *притворяться* показал, что существует определенный круг предикатных значений, чей особый статус определяется их специфическими особенностями. Первое свойство таких значений – их универсальность. Иначе говоря, они входят в «универсальную библиотеку смыслов» (выражение А.А.Холодовича) или, пользуясь другой терминологией представляют собой значения (или комбинации значений) универсального семантического языка. Второе свойство этих значений, состоит в том, что у них простая семантическая структура. Третье свойство этих значений состоит в том, что они обозначают абстрактные ситуации, т.е. ситуации, чья интерпретация зависит от заполнения аргументных позиций.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю.Д. Притворяться //Апресян и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка, Второй выпуск, М.: Языки русской культуры, 2000, 290-295.
- Апресян Ю.Д. Принципы лексикографического описания многозначных слов // Исследования по лингвистике и семиотике. Сборник статей к юбилею Вяч. Вс. Иванова. М.: Языки славянских культур, 2010.
- Вахтин Н.Б. Синтаксис языка азиатских эскимосов. СПб: Издательство европейского дома, 1995.

- Ильин Г.М, Лейкина Б.М., Никитина Т.Н., Откупщикова М.И., Фитиалов С.Я. Лингвистический подход к задаче построения информационной системы // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. Вып. 2. М., 1971.
- Касевич В.Б., Храковский В.С. Конструкции с предикатными актантами. Проблемы семантики // Категории глагола и структура предложения. Л.: НАУКА, 1983.
- Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: НАУКА, 1972.
- Bybee, J.L.; Perkins, R.; Pagliuca, W. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of world: Chicago: University of Chicago Press, 1994.

Andreja Žele

Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU

andrejaz@zrc-sazu.si

Экспрессивность как словообразовательный элемент (на примере словенских глаголов)

1) Экспрессивность в языке общеизвестная и общепризнанная оценка, основанная на свойстве или содержании обозначаемого объекта или явления – при помете экспр(ессивно) на первом месте оказывается обозначение содержания или свойства данного объекта или явления и только на втором – отношение к этому объекту или явлению, таким образом помета экспр(ессивно) целиком покрывает т. н. инherentную экспрессивность, или конотативность.

В настоящей статье экспрессивность ограничивается словообразованием и смыслообразованием словенских глаголов, т. е. маркирована словообразовательным и семантическим отклонением от нейтральной глагольной формы.

2) Рассматриваются прежде всего модификационные производные глаголы, таким образом большая часть работы посвящена классификации модификационных аффиксов, расположенных справа от словообразующей основы (суффиксов) типа *zvončkljati*, *davkovati*, *telefonariti* и т. п. отмечено также частотное употребление обычных производных глаголов, образованных от существительных, с экспрессивными существительными, напр.: *fotkati*, *koketkati*, *kuhariti*, *martinčkati se*, *šminkirati*, *paničariti*, *pipniti* и т. п., свойственные разговорному словенскому языку, однако в качестве стилистических элементов используются и в письменном языке. Довольно многочисленны производные, образованные из предложных сочетаний, типа *ufilmiti*, *udružbiti*, *vprogramirati* и т. п. По охвату и распространенности, в соответствии с ожиданиями, наиболее частотны экспрессивные производные глаголы, выражающие состояния, явления и действия, относящиеся к человеку, так как именно чувство является основным условием экспрессии.

2.1) Модификационные производные обычно образуются при помощи модификационного суффикса, который располагается перед аффиксом глагольной формы, напр.: *korak/c/ati*; *dvig/ova/ti*. Глагольный суффикс может быть по выбору или одновременно двухфункциональным – выражать несовершенство вида или/и словообразовательное значение, напр.: *pregledovati*(просматривать) <модификационное

образование [večkrat] *pregledati* ([много раз] просматривать) или обычное, напр. *pregledovati* < [delati] *pregled* ([производить] просмотр, проверку), *del/ova/ti* (действовать, функционировать) ← [navadno] *delati* ([обычно] работать) – в таких случаях экспрессивность может быть сопутствующим/адхерентным коннотативным элементом; в то время как в случае *telefonariti* (звонить) ← [večkrat, pogosto] *telefonirati* ([много раз, часто] звонить) можно говорить о инherentной коннотативной экспрессивности, которая является следствием словообразования и смыслообразования.

3) Существенными параметрами в рамках лексической экспрессивности (оценивающей и интенсифицирующей/усиливающей) являются также временная отнесенность и литературность – разговорность текста – так, напр., приятно разделять а) устаревшие лексемы *bledevati* 'bledeti' (бледнеть), *dolgočasovati* 'dolgočasiti' (скучать), *hiševati* 'gospodariti' (хозяйничать), *hodevati/hojevati* 'hoditi' (ходить) от неологизмов *biovrtnariti* (экосадоводничать), *evrobirokratiti* (евробюрократствовать), *mikropeskatiti* (чистить микро пескоструйным аппаратом) и б) литературное *dekanovati* (деканствовать), *gostobesediti* (многословить), *ljubkovati* (ласкать), *prizemljiti* (заземлить) в противоположность разговорному *dilati* (распространять наркотики), *dilcati* (сноубордовать), *larati* (говорить без умолку), *lurčkati* (целовать) и т. п.

В отношении непроизводное : производное слово последнее морфемно более нагружено, а потому морфемно более маркировано: *hiteti* : *brzoročiti* (снешить), *hvaliti se* : *širokoustiti se/čeljustiti se/gobezdati* (хвастаться); в соотношении сложное слово : обычное производное слово последнее также имеет временную маркировку: *bistroumiti* : *rametovati* : *modrovati* (умствовать, мудрить), *dlakosepiti* : *členiti* (придираться : членить) (экспр: *kurčkati* (сортировать по кучкам), *predalčkati* (раскладывать по ящичкам; сортировать)). Так в отношении сложное слово/производное слово : словосочетание язык довольно быстро воспринимает глагольные производные как немаркированные, так как они по сравнению со словосочетаниями морфемно менее нагружены, напр.: прг. *akrobatiti* : *delati akrobacije* (выполнять акробатические номера), *blefirati* : *delati na blef/ramet* (блефовать). При преобразовании может произойти изменение маркированности слов в предикативной основе до немаркированного производного слова, напр.: *hribolaziti* (лазить по горам), и, наоборот, из немаркированных слов в предикативной основе получаем маркированное производное слово, напр.: *ampravati* (противоречить), *klečeplaziti* (пресмыкаться), *leporečiti* (витийствовать), *širokoustiti se* (хвастаться); в таких случаях решение о маркированности, т. е. об экспрессивности зависит только от языкового чутья.

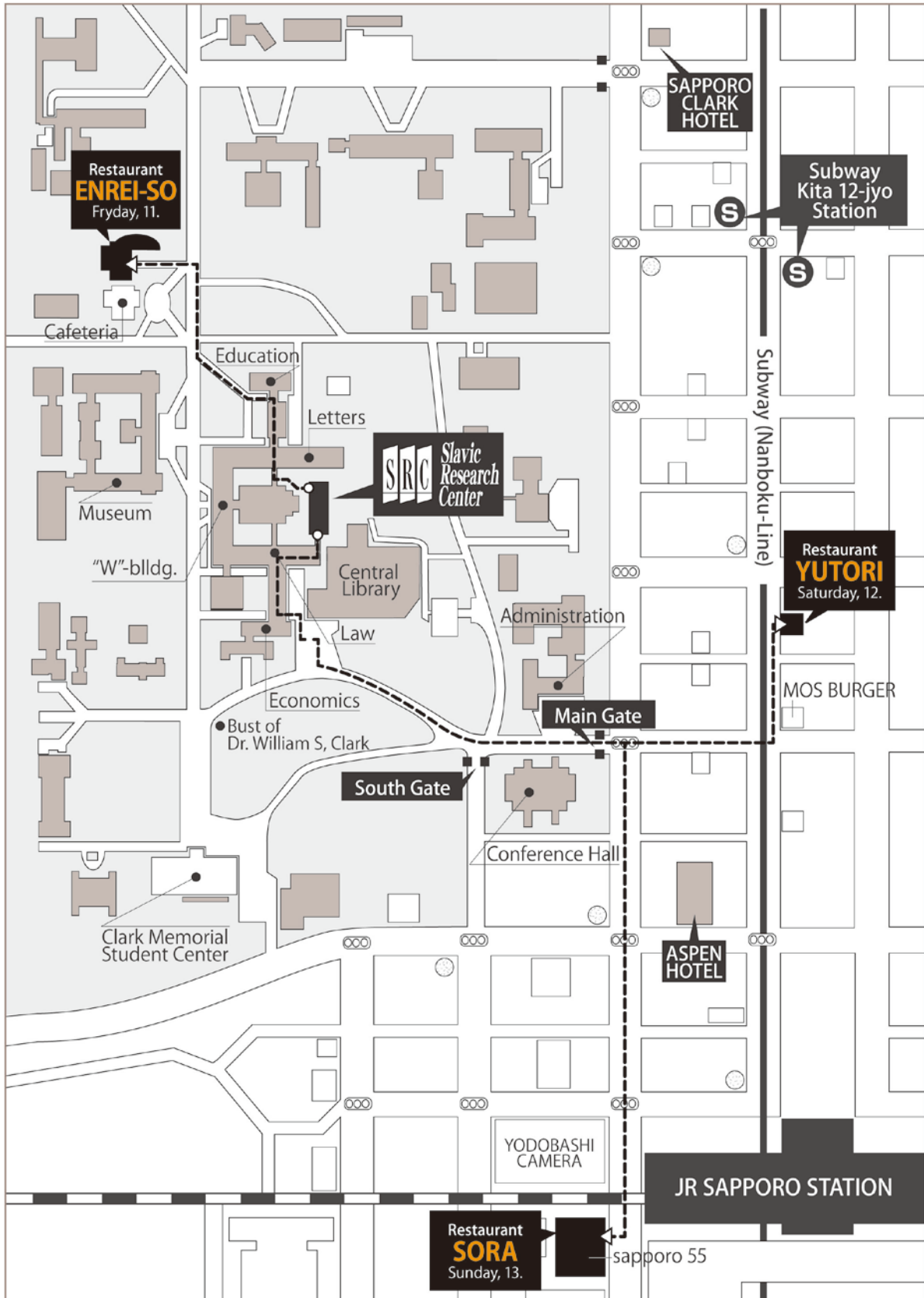
4) По причине экономичности в языке относительно быстро возникают однословные словенские эквиваленты типа *prenašati* (переносить, скачивать) для

downloadati, в то же время по причине того, что существуют только многословные, описательные переводы продолжают использоваться заимствования *bodibildati* 'graditi, razvijati telo' (*строить, развивать тело*) и *velnes* 'dobro počutje' (*хорошее самочувствие*).

5) Валентность новейших производных глаголов типа *cestniniti* (*взимать пошлину за пользование дорогой*), *fenati* (*сушить феном*), *klikati* (*кликать мышкой*), *mejlati* (*посылать мейлы*), *glisirati*, *hekati*, *kofetkati* (*вести дружескую беседу за кофе*), *lisičiti*, *paničariti* (*паниковать*), *parčkati (se)* (*разбиваться по парам, влюбляться*), *picnikirati* (*ходить на пикники*), *ripsati* (*использовать спрей от насекомых*), *gerati* (*исполнять рэп*), *rejvati* (*исполнять рейв*), *soteskati* (*плавать на лодке по горным долинам рек*), *šminkirati* (*производить впечатление своим видом*), *šopingirati* (*закупаться, делать покупки*), *televizirati (se)*, *trimati* (*бегать, совершать тренировочные пробежки*), *ufilmiti* (*запечатлеть в фильме*), *vkodirati* (*закодировать*) сокращается и упрощается, сохраняя лишь первую валентность (подлежащее), т. е. эти глаголы одновалентные, либо как максимум еще валентность на прямое дополнение, т. е. эти глаголы двухвалентные.

— Access to Reception —

■ **Emergency Contact Numbers**

011-706-4809 (SRC office)

090-3962-0839 (mobile, Motoki NOMACHI)

080-3235-7840 (mobile, Go KOSHINO)

— **Organizing Committee** —

Honorary Members:

Jun-ichi SATO (Univ. of Tokyo, Professor Emeritus, Honorary President of Japanese Association of Slavists)

Shigeo KURIHARA (Univ. of Tokyo, Professor Emeritus)

Members:

Predrag PIPER (Univ. of Belgrade, President)

Tetsuo MOCHIZUKI (SRC, Vice-President)

Satoshi HASHIMOTO (Hokkaido Univ.)

Yumi NAKAJIMA (Hitotsubashi Univ.)

Go KOSHINO (SRC)

Motoki NOMACHI (SRC, Symposium Secretary)

Cover design: Kaoru ITO (Foucault-Sya)

Book design: Moemi SHUO (SRC)